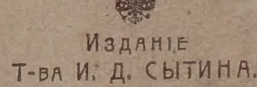
Н. ДУЧИНСКІЙ.

1812-й ГОДЪ

ВЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ И ПОЭТОВЪ.

СБОРНИКЪ.

Цѣна 50 коп.

Изданіе
Т-ва И. Д. Сытина.

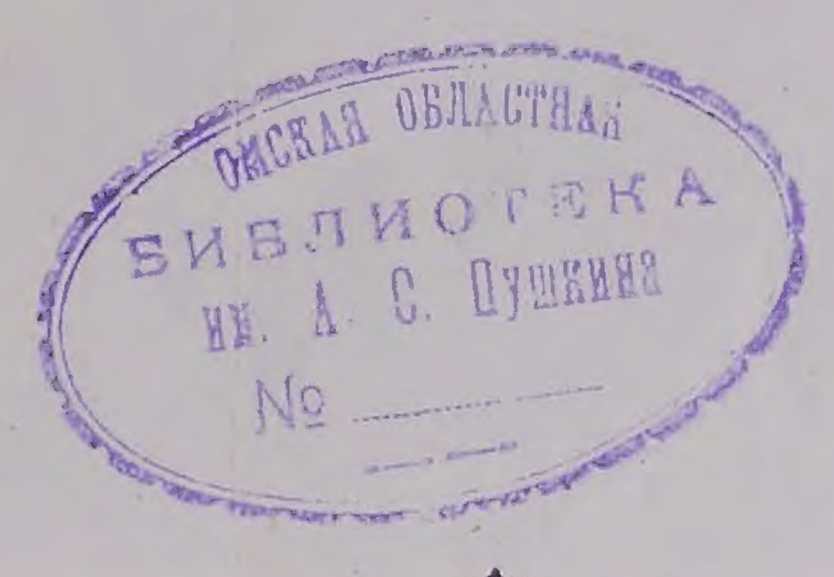
Н. ДУЧИНСКІЙ.

1812-й годъ

въ произведеніяхъ русскихъ писателей и поэтовъ.

Сборникъ для учащихся.

Цѣна 50 коп.

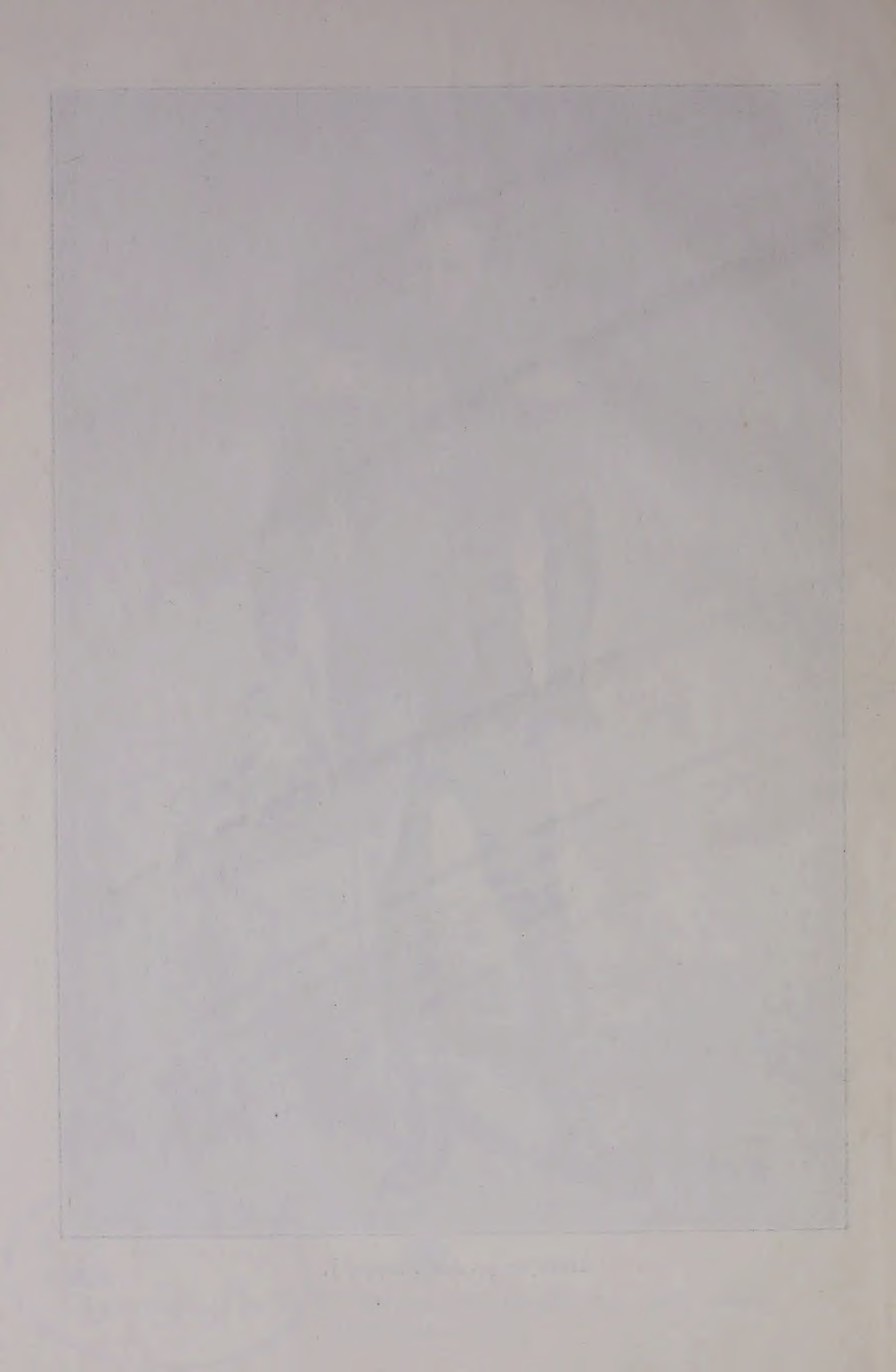

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., свой домъ.
МОСКВА.—1912.

Императоръ Александръ I.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ВЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

Отечественная война 1812 года составляетъ одну изъ самыхъ славныхъ страницъ нашей исторіи.

Тогда на защиту Родины отъ нашествія величайшаго полководца Наполеона и его 600-тысячной арміи возсталъ весь русскій народъ. Воевала не одна армія, а все населеніе безъ различія сословій, состояній, пола и возраста. Въ борьбѣ принимали участіе дворяне, купцы, мѣщане, духовенство, крестьяне, и взрослые, и подростки, и даже женщины.

Народъ жертвовалъ всѣмъ своимъ достояніемъ для спасенія Родной Земли.

Много храбрыхъ положило свою жизнь за Родину. Но «за всѣхъ славно павшихъ», по словамъ поэта:

«Мы зажгли отъ всей Россіи
Лишь одну свѣчу большую,
Матушку-Москву Родную».

И Господь внялъ молитвѣ народной, принялъ жертву нашу. Въ пожарѣ московскомъ сгорѣла слава Наполеона. Великій завоеватель бѣжалъ изъ Первопрестольной столицы. Бѣжалъ онъ и изъ русской земли, подъ грознымъ напоромъ славнаго нашего воинства и всего русскаго народа.

Народною дланью Русь спасена.
Мы вѣрить привыкли съизмала,
Что тѣмъ-то была и права, и славна
Родной обороны святая война,
Что духомъ народнымъ дышала.

Эта, по истинѣ, героическая эпоха въ исторіи русскаго народа не могла пройти безслѣдно въ родной литературѣ. Поэты и писатели черпали изъ этого величайшаго событія мотивы и темы для своихъ произведеній. Отозвались на него и люди крупныхъ дарованій — даже величайшіе наши поэты и писатели, и самые скромные работники на нивѣ отечественной словесности. Здѣсь мы видимъ на ряду съ великими Пушкинымъ, Толстымъ, Лермонтовымъ, Крыловымъ, не только Жуковскаго, Мордовцева, Михайловскаго - Данилевскаго, Батюшкова, Тютчева, Загоскина, Державина, Дениса Давыдова, кн. Вяземскаго, но и гр. Роспопчину, Ѳ. и С. Глинку, безвѣстныхъ Гогніева, Милонова, Кованько, Ильина и многихъ, многихъ другихъ.

Знаменитый поэтъ Екатерининскаго вѣка, пѣвецъ «Фелицы» Г. Р. Державинъ написалъ объ Отечественной войнѣ «Гимнъ лиро - эпическій на прогнаніе французовъ изъ отечества». Наполеона Державинъ называетъ «тигромъ», вторымъ Навуходоносоромъ, «бросающимъ взоромъ

кровавые угли и льющимъ, какъ вепрь, съ челюстей пѣну», змѣемъ, отъ котораго «струится дымъ и смрадъ». Битвы поэтъ описываетъ такъ:

«...Тамъ штыкъ съ штыкомъ, рой съ роемъ пуль,
Ядро съ ядромъ и бомба съ бомбой,
Жужжа, свища, сшибались съ злобой...
Тамъ блѣдна смерть съ косой въ рукахъ,
Скрежуща, во единый махъ,
Полки, какъ класы, посѣкала
И трупы по полямъ бросала».

Кутузову онъ посвятилъ оду «На пареніе орла», по поводу появленія орла надъ головою объѣзжавшаго войска Кутузова (подъ Царевомъ-Займищемъ или Бородинымъ).

Поэтъ В. А. Жуковскій принималъ участіе въ рядахъ ополченцевъ 12-го года и во время войны написалъ своего знаменитаго «Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ», законченнаго въ лагерѣ подъ Тарутинымъ. Въ этомъ замѣчательномъ стихотвореніи поэтъ даетъ характеристику всѣхъ славныхъ нашихъ вождей-героевъ великой войны. Кутузова онъ называетъ героемъ подъ сѣдинами, при которомъ опытъ «сынъ труда и лѣтъ»; Ермоловъ — «ратнымъ братъ, жизнь полкамъ»; Раевскій — «слава нашихъ дней»; Милорадовичъ проходитъ всюду «съ губительною дланью»; Витгенштейнъ — «щитъ странѣ родной, хищныхъ истребитель»; смѣлому Коновницыну—«ничто толпы враговъ, мечи и стрѣлы»; «вихорь-атаманъ» Платовъ шумитъ орломъ по облакамъ и рыщетъ волкомъ по полю; партизаны скачутъ на окрыленныхъ коняхъ, ихъ мечи блистаютъ смертью, отъ ихъ стрѣлъ нѣтъ спасенья. Посвящаются прочувствованныя строки павшимъ героямъ — Кульневу, свирѣпому пламени брани; Кутайсову; Багратіону, «рѣшителю бранныхъ споровъ». «Отъ нихъ учитесь умирать — такъ скажутъ внукамъ дѣды».

«Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ» произвелъ чарующее впечатлѣніе на современниковъ. По словамъ Лажечникова («Походныя записки русскаго офицера»), въ военномъ обществѣ почти всѣ наизусть знали это произведеніе музы Жуковскаго: «вѣрю и чувствую», — писалъ Лажечниковъ, «какимъ образомъ Тиртей водилъ къ побѣдѣ строи грековъ. Какая поэзія! Какой неизъяснимый даръ увлекать за собою душу воиновъ! Желалъ бы даже спросить пѣвца, въ какой магіи почерпнулъ онъ власть переносить душу свою, куда онъ хочетъ, и велѣть ей чувствовать по волѣ непостоянныхъ прихотей его... Захочетъ, — и я въ станѣ военномъ, подъ покровомъ яснаго вечера, среди огней бивака, бесѣдуя съ друзьями за круговою чашею о славѣ нашихъ предковъ. Неувядаемы цвѣты, которые бросаетъ онъ на славныя могилы Кульнева, Кутайсова и Багратіона, и стонущіе подъ ними звуки его лиры столько же безсмертны, какъ и дѣла ихъ».

Жуковскому принадлежитъ также посланіе къ Императору Александру I, написанное 14 — 16 октября 1814 года. Здѣсь поэтъ противопоставляетъ Государю Наполеона, ослѣпленнаго мечтою непобѣдимости, раздиравшаго порфиры всѣхъ царей и обратившаго Францію въ сокровищницу брани. Жуковскій написалъ и «Бородинскую годовщину» по поводу открытія на Бородинскихъ поляхъ памятника героямъ Бородина въ 1839 году и перевелъ прекрасное стихотвореніе датчанина Цейдлица «Ночной смотръ». «Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ пробуждаются барабанщикъ и трубачъ и начинаютъ бить и трубить тревогу; егеря и гренадеры встаютъ изъ-подъ русскихъ снѣговъ, съ роскошныхъ италійскихъ полей, съ африканскихъ

горячихъ песковъ Палестины; сѣдые гусары и усачи-кирасиры мчатся съ востока и запада, съ сѣвера и юга. Всѣхъ зоветъ къ себѣ императоръ (Наполеонъ), медленно слѣдующій по фронту, окруженный блестящею свитою маршаловъ и одѣтый въ свою обычную шляпу и сѣрый походный сюртукъ».

Другой участникъ войны, знаменитый партизанъ-поэтъ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ, въ своемъ стихотвореніи «Партизанъ» рисуетъ выѣздъ партизановъ «на отдаленныя ловитвы»: эти храбрецы то витаютъ долинами, какъ стая алчущихъ волковъ, то прислушиваются къ шороху, то снова продолжаютъ безмолвно рыскать. Въ другомъ стихотвореніи «Бородинское поле», написанномъ въ 1829 г., Давыдовъ скучаетъ, что онъ не на поляхъ битвы, что «умчался брани дымъ, не слышенъ стукъ мечей» и что онъ вынужденъ, «склонясь къ плугу головой, завидовать костямъ соратника иль друга».

Участникъ Бородинскаго боя, князь П. А. Вяземскій, посвятилъ этому бою стихотвореніе: «Поминки по Бородинской битвѣ»:

«Словно два борца во злобѣ,
Набѣжала рать на рать,
Грудью въ грудь вломились обѣ,
Чтобъ противника попрать.
Но побѣда обоюдно
То дается намъ, то имъ.
Въ этотъ день рѣшить бы трудно,
Кто изъ двухъ непобѣдимъ».

Императора Александра I Вяземскій характеризуетъ такъ:

«Сфинксъ, не разгаданный до гроба,
О немъ и нынѣ спорятъ вновь,
Въ его любви таилась злоба
И въ злобѣ слышалась любовь.
Дитя XVIII вѣка,
Его страстей онъ жертвой былъ,
Онъ ненавидѣлъ человѣка
И человѣчество любилъ».

Или:

«Мужъ твердый въ бѣдствіяхъ и скромный побѣдитель!
Какой вѣнецъ ему? Какой алтарь?
Вселенная! пади предъ нимъ: онъ твой спаситель;
Россія, имъ гордись: онъ—сынъ твой, онъ—твой царь!»

Знаменитый баснописецъ И. А. Крыловъ также написалъ рядъ басенъ по поводу событій 12-го года. Въ баснѣ «Раздѣлъ» подъ видомъ частныхъ торгашей, не кончившихъ своихъ споровъ по дѣлежу барышей даже во время пожара и потому сгорѣвшихъ вмѣстѣ съ конторою, подразумѣвается та рознь, которая, кой-гдѣ, въ видѣ исключенія, обнаружилась и въ 1812 г. въ русскомъ обществѣ. Тренія происходили, какъ извѣстно, даже между двумя главнокомандующими нашихъ армій Барклаемъ-де-Толли и кн. Багратіономъ. Баснописецъ даетъ такое нравоученіе:

«Въ дѣлахъ, которыя гораздо поважнѣй,
Нерѣдко отъ того погибель всѣмъ бываетъ,
Что чѣмъ бы общую бѣду встрѣчать дружнѣй,
Всякъ споры затѣваетъ
О выгодѣ своей».

Въ баснѣ «Волкъ на псарнѣ» выводится Наполеонъ подъ видомъ волка, попавшаго на псарню. Наполеонъ завелъ мирные переговоры съ Кутузовымъ, но безуспѣшно: Ловчій — Кутузовъ отвѣчаетъ ему:

«Ты сѣръ, а я пріятель сѣдъ
И вольчью вашу я давно натуру знаю.
А потому обычай мой:
Съ волками иначе не дѣлать мировой,
Какъ снявши шкуру съ нихъ долой.
И тутъ же выпустилъ на волка гончихъ стаю.

Крыловъ передалъ списокъ съ басни супругѣ Кутузова, которая и отправила ее къ своему мужу, въ армію. Послѣ сраженія при Красномъ, Кутузовъ прочелъ басню собравшимся кругомъ него офицерамъ и при послѣднихъ словахъ о сѣдинѣ своихъ волосъ снялъ свою бѣлую фуражку.

Къ этой же эпохѣ относятся басни Крылова: «Обозъ», «Ворона и Курица» и «Щука и Котъ». Мы ихъ помѣщаемъ въ настоящемъ сборникѣ съ необходимыми объясненіями.

Великій поэтъ А. С. Пушкинъ много разъ вдохновлялся событіями Отечественной войны и заграничнаго похода 1813 — 1815 гг., прославившими Императора Александра, храброе русское воинство и весь русскій народъ. Въ 1815 году еще юный тогда поэтъ написалъ оду: «На возвращеніе Государя Императора въ Парижъ въ 1815 г»., въ которой онъ искренне восхищался славою Александра I. Въ томъ же году появилось стихотвореніе Пушкина «Наполеонъ на Эльбѣ». Здѣсь поэтъ передаетъ чувства великаго узника, готовившагося бѣжать съ Эльбы:

«Давно ли съ трепетомъ народы
Несли мнѣ робко дань свободы,
Знамена чести преклоня,
Дымились громы вкругъ меня
И слава въ блескѣ надъ главою
Неслась, прикрывъ меня крыломъ?»

По поводу кончины Наполеона въ 1821 году на островѣ Св. Елены поэтъ написалъ прекрасное стихотвореніе «Наполеонъ», проникнутое чувствомъ всепрощенія къ великому человѣку, который невольно послужилъ причиной къ прославленію русскаго народа:

«Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его развѣнчанную тѣнь!
Хвала!.. Онъ русскому народу
Высокій жребій указалъ»!..

Славнымъ вождямъ 12-го года Кутузову и Барклаю-де Толли Пушкинъ также посвятилъ свои вдохновенныя стихотворенія. Въ одномъ изъ нихъ «Передъ гробницею святой стою съ поникшею главою», поэтъ отдаетъ должную дань преклоненья Кутузову — этому «идолу сѣверныхъ дружинъ», «маститому стражу страны державной», «смирителю всѣхъ ея враговъ», «остальному изъ стаи славной Екатерининскихъ орловъ». Въ стихотвореньи «Полководецъ» поэтъ заявляетъ, что изъ всѣхъ дѣятелей войны 12-го года, особенное его вниманіе привлекаетъ Барклай-де Толли, на долю котораго выпала въ началѣ войны отвѣтственная задача сдерживать напоръ

полчищъ Наполеона и спасать армію, а съ нею и Россію, постепенно заманивая врага въ глубь страны.

Кому не извѣстны прекрасныя стихотворенія, посвященныя великой эпохѣ и написанныя другимъ знаменитымъ нашимъ поэтомъ, Лермонтовымъ—«Два великана» или «Бородино»? Въ первомъ изъ нихъ описывается встрѣча русскаго стараго великана, въ шапкѣ золота литого, — Александра и трехнедѣльнаго удальца, — Наполеона, хватившаго дерзновенной рукой за вражескій вѣнецъ. Русскій великанъ только улыбнулся, тряхнувъ главой, — и дерзкій великанъ упалъ въ дальнемъ морѣ на невѣдомый гранитъ, т.-е. на островъ Св. Елены, гдѣ Наполеонъ въ изгнаніи провелъ послѣдніе годы своей жизни.

Стихотвореніе «Бородино», («Скажи-ка дядя») даетъ намъ лучшее описаніе великой битвы: силою языка, красивыми картинами, величавою простотою изложенія и глубокимъ чувствомъ «Бородино» Лермонтова производитъ неотразимое впечатлѣніе на читателя. Въ «Послѣднемъ новосельи», поэтъ преклоняется передъ геніемъ Наполеона и укоряетъ французовъ за то, что они измѣнили своему вождю. Наполеонъ былъ увезенъ на чужую скалу, гдѣ онъ угасъ и похороненъ, какъ простой солдатъ, въ своемъ походномъ плащѣ.

А. Майковъ посвятилъ памятной годинѣ два стихотворенія: «Воробьевы горы» и «Сказаніе о 1812 годѣ». Наполеонъ съ радостными мечтами подъѣхалъ къ Москвѣ и думалъ распространить свою власть и на Россію.

«А межъ тѣмъ угрюмъ и страшенъ,
Мракъ спускался на поля,
И вокругъ кремлевскихъ башенъ
Кралась пламени змѣя».

Въ Москвѣ погибла слава Наполеона. Онъ бѣжалъ отсюда посрамленный. Вмѣстѣ съ нимъ возвращалась его армія въ удрученномъ состояніи и въ ужасномъ видѣ:

«Кто окутанъ дамской шалью,
Кто церковною завѣсой».

Впереди разбитой рати ѣхалъ ея вождь, «въ пошевняхъ, на жалкихъ клячахъ». Безнадежно онъ смотритъ назадъ, на оставляемую Москву.

«Что-то грозное таится
Тамъ за синими лѣсами,
Въ необъятной этой дали».

Извѣстный поэтъ Тютчевъ даетъ яркую характеристику Наполеону:

«Два демона ему служили,
Двѣ силы чудно въ немъ слились:
Въ его главѣ — орлы парили,
Въ его груди змѣи вились.
Ширококрылыхъ вдохновеній
Орлиный, дерзостный полетъ,
И въ самомъ буйствѣ дерзновеній
Змѣиной мудрости разсчетъ.
Но освѣщающая сила,
Непостижимая уму,
Его души не озарила
И не приблизилась къ нему».

Нельзя не упомянуть о стихотвореніяхъ поэтессы гр. Ростопчиной «Однимъ меньше» — на смерть партизана Дениса Давыдова и «Годовщина 19 марта» (взятіе Парижа). Ростопчина пишетъ:

«Русь дрогнула!.. Возстало ополченье,
Бой закипѣлъ въ поляхъ Бородина...
Горитъ Москва, какъ выкупъ за спасенье, —
Березиной отмститъ она!
За свой рубежъ французовъ провожая,
Вслѣдъ за собой побѣду Русь вела.
Русь шла впередъ, Европу избавляя,
И за Москву Парижъ взяла!
Не помня зла, какъ ангелъ примиренья,
Нашъ Александръ возсталъ среди царей, —
Измѣнамъ ихъ онъ даровалъ прощенье,
Далъ міру миръ, какъ другъ людей!
Вы были съ нимъ, защитники Россіи, —
Вы шли за нимъ, полны любви къ нему:
Хвала и честь вамъ, воины сѣдые,
И память вѣчная ему».

С Н. Глинка написалъ популярную солдатскую пѣсню о 12-мъ годѣ:

«Вспомнимъ, братцы, Россовъ славу,
И пойдемъ враговъ разить!
Защитимъ свою державу, —
Лучше смерть, чѣмъ въ рабствѣ жить».

Н. И. Ильину принадлежитъ трогательная пѣсня «Ночь темна была и не мѣсячна», Ив. Кованько — «Хоть Москва въ рукахъ французовъ».

На событія 12-го года откликнулись: Полонскій («Переходъ черезъ Нѣманъ»), Хомяковъ («Наполеонъ»), Дельвигъ («Отставной солдатъ»), Языковъ («Французы въ Москвѣ», «Денису Давыдову»), Батюшковъ («Посланіе къ Дашкову», «Переходъ русскихъ войскъ черезъ Нѣманъ»), Щербина («Великая панихида»), Михайловъ («Гренадеры»), Розенгеймъ («Донъ»), М. Дмитріевъ («Площадь у Никольскихъ воротъ», «Кремль»), А. Волковъ («Москва и Кремль»), Тимофеевъ («Русскій среди пылающей Москвы»), Бутовскій («25 декабря 1812 года»), Хитрово («О народной оборонѣ») и многіе другіе.

Закончимъ нашъ обзоръ произведеніями нашихъ беллетристовъ о незабвенномъ 12-мъ годѣ.

Первое мѣсто среди нихъ занимаетъ великій писатель земли русской графъ Левъ Николаевичъ Толстой. Его безсмертное произведеніе «Война и миръ» навсегда запечатлѣло въ художественной формѣ незабвенную эпоху «священной памяти двѣнадцатаго года». Великій художникъ слова даетъ намъ дивныя картины и военной жизни этого періода, и мирной. Передъ нами проходятъ славные дѣятели войны, начиная со стараго вождя Кутузова. И Бородинскій бой, и совѣтъ въ Филяхъ, и постепенное оставленіе Первопрестольной столицы ея жителями, и похожденія славнаго партизана Фигнера, и описаніе впечатлѣнія, которое произвело на Кутузова извѣстіе объ оставленіи Наполеономъ Москвы въ описаніи Толстого трогаютъ насъ своею жизненностью, величавою простотою и искреннимъ русскимъ чувствомъ.

Извѣстному писателю Д. Л. Мордовцеву принадлежитъ романъ «Двѣнадцатый годъ», а Михайловскому - Данилевскому — романъ «Сожженная Москва». М. Загоскинъ отозвался также на эту эпоху, посвятивъ ей свой романъ «Рославлевъ или русскіе въ 1812 году». А сколько пов-

стей, мелкихъ разсказовъ и эскизовъ посвятили этому важному событію наши писатели — самыхъ разнообразныхъ направленій и дарованій!

Ниже мы помѣщаемъ отрывки изъ главнѣйшихъ произведеній русскихъ писателей и стихотворенія, посвященныя великой Отечественной войнѣ.

Эти отрывки и стихотворенія мы располагаемъ хронологически, слѣдуя, по порядку, за событіями войны [1]).

Н. Дучинскій.

[1]) Въ помѣщеніи, гдѣ будетъ происходить чествованіе (актовой, классной комнатѣ и т. п.), нужно поставить на видномъ мѣстѣ бюстъ Императора Александра I или портретъ его. Портретъ можно украсить гирляндами, цвѣтами, флагами, лентами (гирлянды легко сплести изъ вѣтокъ, флаги сдѣлать изъ цвѣтной бумаги или сшить изъ дешевой матеріи).

Подъ портретомъ Александра I-го нарисовать на большомъ листѣ бѣлой бумаги или на папкѣ крупными буквами:

„Не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ Царствѣ Моемъ".

Вокругъ портрета Александра I можно развѣсить портреты главныхъ героевъ 12-го года: Кутузова, Барклая-де-Толли, Багратіона, Дохтурова, Милорадовича, Платова, Витгенштейна, Кульнева, Коновницына, Раевскаго, Невѣровскаго, Фигнера, Давыдова, Сеславина.

По стѣнамъ можно развѣсить слѣдующія изреченія:

„Да встрѣтитъ врагъ въ каждомъ дворянинѣ—Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ—Палицына, въ каждомъ гражданинѣ—Минина".

„Соединитесь всѣ: со крестомъ въ сердцѣ и оружіемъ въ рукахъ, никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ".

„Мы всѣ въ одну сольемся душу".

„Не намъ, не намъ, а Имени Твоему".

„Не въ силѣ Бога, а въ правдѣ".

„Воины, вы защищаете Вѣру, Отечество, Свободу".

„На зачинающаго Богъ".

„Не даромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина".

„Славься битвой исполинской,
Славься въ вѣкъ, Бородино".

„Ты, какъ мученикъ, горѣла,
Бѣлокаменная".

„И лишь крикнулъ Царь
Свой народъ на брань,
Вдругъ со всѣхъ концовъ
Поднялася Русь.
Собрала дѣтей,
Стариковъ и женъ,
Приняла гостей
На кровавый пиръ".

„Ужъ и есть за что,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью,
Стать за честь твою
Противъ недруга,
За тебя въ нуждѣ
Сложить голову.

„Хвала! Онъ русскому народу
Высокій жребій указалъ".

Сто лѣтъ назадъ.

Двѣсти лѣтъ царство русское отдыхало отъ прежнихъ своихъ бѣдствій; двѣсти лѣтъ мирный поселянинъ не мѣнялъ сохи своей на оружіе. Россія, подъ самодержавнымъ правленіемъ потомковъ Великаго Петра, возрастала въ силѣ и могуществѣ; южный вѣтеръ лелѣялъ русскихъ орловъ на берегахъ Дуная; наши волжскія пѣсни раздавались въ древней Скандинавіи; среди цвѣтущихъ полей Италіи и на вершинахъ Сенъ-Готарда сверкали русскіе штыки. Мы пожинали лавры въ странахъ иноплеменныхъ, но болѣе столѣтія ни одинъ вооруженный врагъ не смѣлъ переступить за границу нашего отечества.

И вдругъ раздался громъ оружія на западѣ Россіи, и прежде чѣмъ слухъ объ этомъ долетѣлъ до отдаленныхъ ея областей, древній Смоленскъ былъ уже во власти Наполеона.

Случалось ли вамъ, проснувшись въ полночь, прислушиваться недовѣрчиво къ глухимъ раскатамъ отдаленнаго грома, и, видя надъ собой свѣтлое небо, усѣянное звѣздами, засыпать снова съ утѣшительною мыслію, что вамъ послышалось, что это—не гроза, а воетъ вѣтеръ въ сосѣдней дубравѣ? Точно то же было съ большею частью русскихъ.

— Французы въ Россіи!.. Нѣтъ, это невозможно! Это пустые слухи!..— говорили жители низовыхъ городовъ, и на минуту встревоженные симъ грознымъ извѣстіемъ, обращались спокойно къ обыкновеннымъ своимъ занятіямъ.

Но слова того, кто одинъ могъ разбудить отъ сна дремлющую Россію, пронеслись отъ береговъ Вислы во всѣ края обширной его имперіи.

— Такъ, французы въ Россіи! Я не положу оружія,—сказалъ Онъ,— доколѣ ни единаго непріятеля не останется въ царствѣ Моемъ...—И милліоны устъ повторили слова царя русскаго.

Онъ воззвалъ къ вѣрному своему народу: «Да встрѣтитъ врагъ,—вѣщалъ Александръ,—въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго; въ каждомъ духовномъ—Палицына; въ каждомъ гражданинѣ — Минина...» Всѣ русскіе устремились къ оружію.

— Война!—воскликнулъ весь народъ, и потомки безстрашныхъ славянъ, какъ на брачное веселье, потекли на этотъ кровавый пиръ всей Европы.

О, какъ великъ, какъ благороденъ былъ этотъ общій энтузіазмъ народа русскаго! Въ какомъ обширномъ объемѣ повторилось то, что два вѣка тому назадъ извлекало слезы умиленія и восторга изъ глазъ всѣхъ жителей нижегородскихъ. Не малочисленный врагъ былъ въ сердцѣ Россіи; не граждане одного города поклялись умереть за свободу своей родины;—нѣтъ! Первый полководецъ нашего времени, влача за собой силы почти всей Европы, шелъ, по собственнымъ словамъ его, *раздавить* Россію. Но двѣсти лѣтъ назадъ отечество наше, раздираемое междоусобіемъ,

безмолвно преклоняло сиротствующую главу подъ ярмомъ иноплеменныхъ, а теперь безчисленные голоса отозвались на мощный голосъ Помазанника Божія; всѣ желанія, всѣ помышленія слились съ его волею. Русскіе возстали, и приговоръ Всевышняго свершился надъ этой главой, обремененной лаврами и проклятіями вселенной. Могучій, непобѣдимый, онъ ступилъ на Землю Русскую—и уже могила его была назначена на уединенной скалѣ безбрежнаго океана.

М. Загоскинъ.

Ожиданіе французовъ.

(Историческая пѣсня).

Не въ лузяхъ-то вода полая разливалася:
Тридцать три кораблика во походъ пошли,
Съ дорогими со припасами — свинцомъ-порохомъ.
Французскій король Царю Бѣлому отсылается:
«Припаси-ка ты мнѣ квартиръ-квартиръ ровно сорокъ тысячъ,
Самому мнѣ, королю, бѣлыя палатушки».
На это нашъ Православный Царь призадумался,
Его царская персонушка [1]) перемѣнилася.
Передъ нимъ стоялъ генералушка самъ Кутузовъ.
Ужъ онъ рѣчь-то говорилъ, генералушка,
Словно какъ въ трубу трубилъ:
«Не пужайся ты, нашъ батюшка Православный Царь.
А мы встрѣтимъ злодѣя середи пути,
Середи пути на своей земли,
А мы столики поставимъ ему — пушки мѣдныя,
А мы скатерти ему постелимъ — вольны пули,
На закусочку поставимъ каленыхъ картечъ;
Угощать его будутъ канонерушки,
Провожать его будутъ все казачушки».

Переходъ черезъ Нѣманъ [2]).

(12 іюня 1812 г.).

Вотъ Руси границы, вотъ Нѣманъ. Французы
Наводятъ понтоны [3]). Работа кипитъ...
И съ грохотомъ катятся мѣдныя пушки,
И стонетъ земля отъ копытъ.
Чу! бьютъ въ барабаны... Склоняютъ знамена;
Какъ громъ, далеко раздается: «Vivat!» [4])
За кѣмъ на коняхъ короли-адъютанты
Въ парадныхъ мундирахъ летятъ?
Надвинувъ свою треугольную шляпу,
Все въ томъ же походномъ своемъ сюртукѣ,
На бѣломъ конѣ проскакалъ императоръ,

---

[1]) Измѣнился въ лицѣ.
[2]) Наполеонъ съ главными своими силами вторгся въ Россію, переправившись черезъ Нѣманъ (который тогда былъ нашей границей) въ ночь на 12 іюня 1812 г.
[3]) Разборныя лодки, служащія для постройки военныхъ судовъ.
[4]) Да здравствуетъ!

Переходъ французской арміи черезъ Нѣманъ (Съ гравюры Жирарде).

Съ подзорной трубою въ рукѣ.
Чело его ясно, движенья спокойны,
Въ лицѣ не видать сокровенныхъ заботъ;
Коня на скаку осадилъ онъ и видитъ:
За Нѣманомъ туча встаетъ...
И думаетъ онъ: «Эта темная туча
Моей свѣтозарной звѣзды не затмитъ!»
И мнится ему въ то же время, — сверкая,
Изъ тучи перстъ Божій грозитъ...
И, душу волнуя, предчувствіе шепчетъ:
«Сомнетъ знамена твои, русскій народъ!»
«Впередъ!—говорятъ ему слава и геній —
Впередъ, императоръ! Впередъ!»
И ликъ его блѣденъ, движенья тревожны,
И шагомъ онъ ѣдетъ, и молча глядитъ,
Какъ къ Нѣману катятся мѣдныя пушки
И стонутъ мосты отъ копытъ.

Полонскій.

Переправа черезъ Нѣманъ.

(12 іюня 18 12 г. .

Ты ль, это Нѣманъ величавый?
Твоя ль струя передо мной?
Ты столько лѣтъ съ такою славой —
Россіи вѣрный часовой!

Одинъ лишь разъ по волѣ Бога
Ты супостата [1]) къ ней пустилъ,
И цѣлость русскаго порога
Ты тѣмъ на вѣки утвердилъ.
Ты помнишь ли былое, Нѣманъ, —
Тотъ день годины роковой,
Когда стоялъ онъ надъ тобой,
Онъ [2]) самъ, — могучій южный демонъ, —
И ты, какъ нынѣ, протекалъ,
Шумя подъ вражьими мостами,
И онъ струю твою ласкалъ
Своими чудными очами?
Побѣдно шли его полки,
Знамена весело шумѣли,
На солнцѣ искрились штыки,
Мосты подъ пушками гремѣли, —
И съ высоты, какъ нѣкій Богъ,
Казалось, онъ парилъ надъ ними
И двигалъ всѣхъ и все стерегъ
Очами чудными своими.
Лишь одного онъ не видалъ:
Не видѣлъ онъ, воитель дивный,
Что тамъ, на сторонѣ противной,
Стоялъ другой, — стоялъ и ждалъ...
И мимо проходила рать —
Все грозно боевыя лица, —
И неизбѣжная десница
Клала на нихъ свою печать.
И такъ побѣдно шли полки,
Знамена гордо развѣвались,
Струились молніей штыки,
И барабаны заливались...
Несмѣтно было ихъ число...
И въ этомъ безконечномъ строѣ
Едва ль десятое чело
Клеймо минуло роковое.
И ты стоялъ, передъ тобой Россія!
И, вѣщій волхвъ, въ предчувствіи борьбы,
Ты самъ слова промолвилъ роковыя:
«Да сбудутся ея судьбы!..»

Ѳ. Тютчевъ.

Простой народъ о Наполеонѣ [3]).

Ирина прислушалась—голоса знакомые. Да это лакей Яковъ съ лавочникомъ спорятъ... О чемъ это они? Кажется, о Наполеонѣ...

— Эхъ ты, мужикъ необразованный,—говоритъ Яковъ:—антихристъ!.. Какой онъ антихристъ?

---

[1]) Т.-е. Наполеона.

[2]) Наполеонъ.

[3]) Этотъ отрывокъ изъ романа Д. Мордовцева „Двѣнадцатый годъ“ даетъ намъ образчикъ тѣхъ толковъ, которые ходили о Наполеонѣ въ 1812 году среди простого русскаго народа.

Наполеонъ I.

— Вѣстимо, антихристъ: такъ люди говорятъ, и въ писаніи такъ писано...

— Писано... Мѣломъ въ трубѣ писано.

— Какъ тамъ ни писано, а писано... Умные люди сказываютъ,—настаиваетъ лавочникъ.

— Умные люди! Что ты умныхъ людей съ огурцами, что ли, на рынкѣ купилъ?—осаживаетъ его Яшка.

— А кто жъ онъ по-вашему, по-лакейскому? Скажи!

— Онъ выдра—вотъ кто!

— Какая выдра!

— Ну, выдра, одно слово; и понимай, какъ знаешь...

— Выдра—звѣрь, дѣло знамое.

— Знамое, да не совсѣмъ... А господа вотъ что читали въ книгахъ: у нихъ, у французовъ, была такая царица, Ривалюцыей звали. Ну, и царствовала она у нихъ долго—и царица она, сказываютъ, была прежестокая: всѣмъ господамъ головы поснимала, какъ вонъ у насъ былъ Емелька Пугачевъ; а которые господа ушли отъ казни и тѣ теперь живутъ у насъ, подъ защитой, значитъ, нашего государя.

— Ну, а при чемъ же тутъ Наполеонъ-отъ?—возражаетъ лавочникъ, видя, что собравшіеся около его лавки слушатели держатъ, кажется, больше сторону Яшки, чѣмъ его.

— А ты слушай, не перебивай,—авторитетно осаживаетъ его Яшка.—Ну, такъ, значитъ, была у нихъ этакимъ манеромъ царица Ривалюцыя, а у нея, значитъ, былъ сынъ, да не простой, а выдра стоголовая...

— Какъ выдра стоголовая?

— Такъ—выдра, значитъ; а у этой выдры—сто головъ.

Слушатели даже ахнули и ближе сдвинулись къ Яшкѣ.

— Такъ эту выдру и называли, значитъ, исчадіе Риволюцыи, т.-е. понашему, по-русски, чадо, сынъ, значитъ. А какъ эта стоголовая выдра выросла, она возьми и задуши свою родную мать Ривалюцію...

Только теперь начинала догадываться Ирина, въ чемъ дѣло. Яшка, наслушавшись у господъ толковъ о революціи, о томъ, что во Франціи «долго царствовала революція», понялъ все это буквально и вообразилъ, что у французовъ дѣйствительно была царица революція, и что была она прежестокая царица, рубившая головы господамъ. Наполеонъ—«исчадіе революціи». Ясно, съ Яшкиной точки зрѣнія, что у «царицы Революціи» былъ сынъ, а какъ революцію и самого Наполеона, «задавившаго революцію», называли господа «гидрой стоголовой», то понятно, что у Яшки «гидра» превратилась въ выдру.

— Ну, такъ задушивши такимъ манеромъ мать свою, онъ, Наполеонъ, и пошелъ войной на нашего Государя, значитъ, по злобѣ: зачѣмъ-де Онъ укрылъ у себя тѣхъ господъ изъ французовъ, что бѣжали къ намъ отъ жестокости его матери и теперича у насъ въ Рассеи проживаютъ—кто губерноромъ, кто губернанкой, а кто на скрипкѣ играетъ или волосы завиваетъ,—продолжалъ ораторствовать Яшка.—Такъ вотъ кто Наполеонъ! А то—антихристъ! Антихристъ послѣ придетъ, при концѣ свѣта, когда всѣ звѣзды съ неба упадутъ, а теперь вонъ ихъ еще видимо невидимо—въ кои вѣки одна упадетъ!

Лавочникъ былъ окончательно пораженъ. Яшка торжествовалъ.

Д. Мордовцевъ.

Наполеонъ.

Два демона ему служили,
Двѣ силы чудно въ немъ слились:
Въ его главѣ — орлы парили,
Въ его груди — змѣи вились...
Ширококрылыхъ вдохновеній
Орлиный дерзостный полетъ,
И въ самомъ буйствѣ дерзновеній
Змѣиной мудрости расчетъ.
Но освѣщающая сила,
Непостижимая уму,
Его души не озарила
И не приблизилась къ нему.
Онъ былъ земной, не Божій пламень,
Онъ гордо плылъ, презритель волнъ.
Но о подводный вѣры камень
Въ щепы разбился утлый челнъ.

Ѳ. Тютчевъ.

* * *

Непобѣдимости мечтою ослѣпленный,
Онъ мыслилъ: «Мой престолъ престоломъ будь вселенной!
Порфиры всѣхъ царей земныхъ я раздеру,
И всѣ ихъ скипетры въ одной рукѣ сберу;
Народовъ бѣдствія — ступени мнѣ ко счастью;
Все, все въ развалины! на нихъ возсяду съ властью
И буду царствовать, и мнѣ соцарствуй страхъ!»...
И къ человѣчеству презрѣньемъ ополченъ,
На первый свой народъ онъ двинулъ рабства плѣнъ,
Чтобы смѣлѣй сковать чужимъ народамъ длани —
И стала Галлія сокровищницей брани...
Все поколѣніе, для жатвы бранной зрѣя
И созидать себѣ грядущаго не смѣя,
Невольно подвиговъ плѣнилося мечтой
И бросилось на брань съ отважной слѣпотой...
И вслѣдъ ему всякъ часъ за ратью рать летѣла;
Стенящая земля въ пожарахъ пламенѣла,
И, хитростью подрытъ, измѣной потрясенъ,
Добитый громами, за трономъ падалъ тронъ...
Унылость на сердца народовъ налегла —
Лишь вѣра въ тишинѣ звѣзды своей ждала,
Съ святымъ терпѣніемъ тяжелый крестъ
И взоры на востокъ съ надеждой обращала...
И грозно возблисталъ спасенья страшный годъ!
За сей могилою народовъ цвѣлъ народъ —
О Царь нашъ, твой народъ, могущій и смиренный,
Не крѣпостью твердынь громовыхъ огражденный,
Но вѣрностью къ Царю и въ славѣ тишиной.
Какъ юноша-атлетъ, всегда готовый въ бой,
Смотрѣлъ на брани онъ съ безпечностію силы...
Такъ, юныя поджавъ, но опытныя крылы,

На поднебесную глядитъ съ гнѣзда орелъ...
И съ злобой на него губитель закипѣлъ.
Въ несмѣтну рать столпя рабовъ ожесточенныхъ
И на поляхъ стопой врага неоскверненныхъ,
Ужъ въ мысляхъ сгромоздивъ престолъ всемірный свой,
Онъ кинулся на Русь свирѣпою войной...

В. Жуковскій.

На зачинающаго Богъ.

Въ началѣ апрѣля 1812 г. Императоръ Александръ отправился въ Вильну, гдѣ находилась главная квартира 1-й арміи. Здѣсь въ ночь на 13-е іюня во время бала генералъ-адъютантъ Балашовъ доложилъ Государю о начавшейся переправѣ непріятеля черезъ Нѣманъ. Государь приказалъ Балашову хранить втайнѣ принесенное имъ извѣстіе, а во время ужина уѣхалъ. На слѣдующій день изданъ былъ приказъ по арміи, кончавшійся слѣдующими словами: «Воины! вы защищаете Вѣру, Отечество, свободу. Я съ вами! На зачинающаго Богъ!» Въ рескриптѣ же, посланномъ въ Петербургъ на имя предсѣдателя Государственнаго Совѣта гр. Салтыкова, Государь писалъ: «Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ Моемъ».

Изъ Вильны Александръ отправился въ Дрисскій укрѣпленный лагерь, а оттуда въ Москву. Въ Полоцкѣ Монархъ призвалъ русскій народъ ополчиться за Родину,

Приказъ, данный арміямъ въ Вильнѣ, іюня 13 дня.

Изъ давняго времени примѣчали МЫ непріязненные противъ Россіи поступки французскаго императора, но всегда кроткими и миролюбивыми способами надѣялись отклонить оные. Наконецъ, видя безпрестанное возобновленіе явныхъ оскорбленій, при всемъ НАШЕМЪ желаніи сохранить тишину, принуждены МЫ были ополчиться и собрать войска НАШИ; но и тогда, ласкаясь еще примиреніемъ, оставались въ предѣлахъ НАШЕЙ Имперіи, не нарушая мира, а бывъ токмо готовыми къ оборонѣ. Всѣ сіи мѣры кротости и миролюбія не могли удержать желаемаго НАМИ спокойствія. Французскій императоръ нападеніемъ на войска НАШИ при Ковнѣ открылъ первый войну. И такъ, видя его никакими средствами непреклоннаго къ миру, не остается НАМЪ ничего иного, какъ, призвавъ на помощь Свидѣтеля и Защитника правды, Всемогущаго Творца небесъ, поставить силы НАШИ противу силъ непріятельскихъ. Не нужно МНѢ напоминать вождямъ, полководцамъ и воинамъ НАШИМЪ о ихъ долгѣ и храбрости. Въ нихъ издревле течетъ громкая побѣдами кровь славянъ. Воины! вы защищаете Вѣру, Отечество, свободу. Я—съ вами. На зачинающаго Богъ.

АЛЕКСАНДРЪ.

Высочайшій рескриптъ на имя Предсѣдателя Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ, графа Салтыкова.

ГРАФЪ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ!

Французскія войска вошли въ предѣлы НАШЕЙ Имперіи. Самое вѣроломное нападеніе было возмездіемъ за строгое наблюденіе союза. Я, для сохраненія мира, истощалъ всѣ средства, совмѣстныя съ достоин-

ствомъ Престола и пользою МОЕГО народа. Всѣ старанія МОИ были безуспѣшны. Императоръ Наполеонъ въ умѣ своемъ положилъ твердо разорить Россію. Предложенія самыя умѣренныя остались безъ отвѣта. Внезапное нападеніе открыло явнымъ образомъ лживость подтверждаемыхъ въ недавнемъ еще времени миролюбивыхъ обѣщаній. И потому не остается МНѢ инаго, какъ поднять оружіе и употребить всѣ врученные МНѢ Провидѣніемъ способы къ отраженію силы силою. Я надѣюсь на усердіе МОЕГО народа и храбрость войскъ МОИХЪ. Будучи въ нѣдрахъ домовъ своихъ угрожаемы, они защитятъ ихъ со свойственною имъ твердостью и мужествомъ. Провидѣніе благословитъ праведное НАШЕ дѣло. Оборона Отечества, сохраненіе независимости и чести народной принудили НАСЪ препоясаться на брань. Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ Царствѣ МОЕМЪ. Пребываю къ вамъ благосклонный.

АЛЕКСАНДРЪ.

Іюня 13-го 1812 года. Вильна.

Воззваніе къ жителямъ Москвы.

Первопрестольной Столицѣ Нашей Москвѣ.

Непріятель вошелъ съ великими силами въ предѣлы Россіи. Онъ идетъ разорять любезное Наше Отечество. Хотя пылающее мужествомъ ополченное Россійское воинство готово встрѣтить и низложить дерзость его и зломысліе; однакожъ, по отеческому сердолюбію и попеченію Нашему о всѣхъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, не можемъ Мы оставить безъ предваренія ихъ о сей угрожающей имъ опасности: да не возникнетъ изъ неосторожности Нашей преимущество врагу. Того ради, имѣя въ намѣреніи, для надежнѣйшей обороны, собрать новыя внутреннія силы, наипервѣе обращаемся Мы къ древней Столицѣ Предковъ Нашихъ, Москвѣ: она всегда была главою прочихъ городовъ Россійскихъ; она изливала всегда изъ нѣдръ своихъ смертоносную на враговъ силу; по примѣру ея, изъ всѣхъ прочихъ окрестностей текли къ ней, на подобіе крови къ сердцу, сыны Отечества для защиты онаго. Никогда не настояло въ томъ вящшей надобности, какъ нынѣ. Спасеніе Вѣры, Престола, Царства, того требуютъ. И такъ да распространится въ сердцахъ знаменитаго дворянства Нашего и во всѣхъ прочихъ сословіяхъ духъ той праведной брани, какую благословляетъ Богъ и Православная наша Церковь; да составитъ и нынѣ сіе общее рвеніе и усердіе новыя силы, и да умножатся оныя, начиная съ Москвы, во всей обширной Россіи! Мы не умедлимъ сами стать посреди народа своего въ сей Столицѣ и въ другихъ Государства Нашего мѣстахъ для совѣщанія и руководствованія всѣми Нашими ополченіями, какъ нынѣ преграждающими пути врагу, такъ и вновь устроенными на пораженіе онаго вездѣ, гдѣ только появится. Да обратится погибель, въ которую мнитъ онъ низринуть насъ, на главу его, и освобожденная отъ рабства Европа да возвеличитъ имя Россіи!

АЛЕКСАНДРЪ.

Высочайшій манифестъ.

Непріятель вступилъ въ предѣлы НАШИ и продолжаетъ нести оружіе свое внутрь Россіи, надѣясь силою и соблазнами потрясть спокойствіе великой сей Державы. Онъ положилъ въ умѣ своемъ злобное намѣреніе разрушить славу и ея благоденствіе. Съ лукавствомъ въ сердцѣ

и лестью въ устахъ несетъ онъ вѣчныя для нее цѣпи и оковы. Мы, призвавъ на помощь Бога, поставляемъ въ преграду ему войска НАШИ, кипящія мужествомъ, попрать, опрокинуть его, и то, что останется неистребленнаго, согнать съ лица земли НАШЕЙ. МЫ полагаемъ на силу и крѣпость ихъ твердую надежду, но не можемъ и не должны скрывать отъ вѣрныхъ НАШИХЪ подданныхъ, что собранныя имъ разнодержавныя силы велики, и что отважность его требуетъ неусыпнаго противъ нее бодрствованія. Сего ради, при всей твердой надеждѣ на храброе НАШЕ воинство, полагаемъ МЫ за необходимо нужное собрать внутри Государства новыя силы, которыя, нанося новый ужасъ врагу, составляли бы вторую ограду въ подкрѣпленіе первой и въ защиту домовъ, женъ и дѣтей каждаго изъ всѣхъ.

МЫ уже воззвали къ Первопрестольному граду НАШЕМУ, Москвѣ, а нынѣ взываемъ ко всѣмъ НАШИМЪ вѣрноподданнымъ, ко всѣмъ сословіямъ и состояніямъ духовнымъ и мірскимъ, приглашая ихъ вмѣстѣ съ НАМИ единодушнымъ и общимъ возстаніемъ содѣйствовать противу всѣхъ вражескихъ замысловъ и покушеній. Да найдетъ онъ на каждомъ шагу вѣрныхъ сыновъ Россіи, поражающихъ его всѣми средствами и силами, не внимая никакимъ его лукавствамъ и обманамъ. Да встрѣтитъ онъ въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ—Палицына, въ каждомъ гражданинѣ—Минина. Благородное дворянское сословіе! ты во всѣ времена было спасителемъ Отечества; Святѣйшій Синодъ и духовенство! вы всегда теплыми молитвами призывали благодать на главу Россіи; народъ русскій! храброе потомство храбрыхъ славянъ! ты неоднократно сокрушалъ зубы устремлявшихся на тебя львовъ и тигровъ; соединитесь всѣ, со крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ.

Для первоначальнаго составленія предназначаемыхъ силъ предоставляется во всѣхъ губерніяхъ дворянству сводить поставляемыхъ имъ для защиты Отечества людей, избирая изъ среды самихъ себя начальника надъ оными и давая о числѣ ихъ знать въ Москву, гдѣ избранъ будетъ главный надъ всѣми предводитель.

АЛЕКСАНДРЪ.

Въ лагерѣ близъ Полоцка,
1812 годъ. Іюля 6-го дня.

Александръ I въ Москвѣ [1]).

Петя Ростовъ [2]), послѣ полученнаго имъ рѣшительнаго отказа, ушелъ въ свою комнату и тамъ, запершись отъ всѣхъ, горько плакалъ. Всѣ сдѣлали видъ, какъ будто ничего не замѣтили, когда онъ къ чаю пришелъ мол-

[1]) По всему пути народъ съ восторженной любовью встрѣчалъ Государя. Изъ Вильны, какъ мы уже сказали, Императоръ отправился въ Москву. Появленіе Государя въ столицѣ произвело огромный народный подъемъ сначала въ самой Москвѣ, а затѣмъ и по всему пространству Русской Земли. Съ восходомъ солнца Кремль наполнился народомъ. Всѣ жаждали видѣть своего Царя. Въ 9 час. утра Александръ вышелъ на Красное крыльцо и, растроганный представившимся зрѣлищемъ, поклонился народу. Раздался колокольный звонъ, который слился съ привѣтственными кликами многотысячной толпы.

— Ура! — слышалось съ одной стороны.

— Веди насъ, куда хочешь! Веди насъ, отецъ нашъ!.. Умремъ или побѣдимъ! — кричалъ народъ.

„Я никогда не видывалъ такого энтузіазма въ народѣ, какъ въ это время“, пишетъ очевидецъ.

[2]) Родители отказали 15-лѣтнему Петѣ Ростову отпустить его на войну (изъ романа Гр. Л. Н. Толстого „Война и Миръ“).

Императоръ Александръ I-й въ Москвѣ. «Отецъ нашъ — веди насъ». Съ рис. Курдюмова

чаливымъ и мрачнымъ, съ заплаканными глазами. На другой день прiѣхалъ Государь. Нѣсколько человѣкъ дворовыхъ Ростовыхъ отпросились пойти поглядѣть Царя.

Петя рѣшился итти прямо къ тому мѣсту, гдѣ былъ Государь, и прямо объяснить какому-нибудь камергеру (Петѣ казалось, что Государя всегда окружаютъ камергеры), что онъ, графъ Ростовъ, не смотря на свою молодость, желаетъ служить отечеству, что молодость не можетъ быть препятствiемъ для праздности, и что онъ готовъ.

Только что Петя очутился на площади, какъ явственно услыхалъ наполнявшiе весь Кремль звуки колоколовъ и радостнаго народнаго говора.

Одно время на площади было просторнѣе, но вдругъ всѣ головы открылись, всѣ бросились еще куда-то впередъ. Петю сдавили такъ, что онъ не могъ дышать, и все закричало: «Ура! ура! ура!» Петя поднимался на цыпочки, толкался, щипался, но ничего не могъ видѣть, кромѣ народа вокругъ себя.

На всѣхъ лицахъ было одно общее выраженiе умиленiя и восторга. Одна купчиха, стоявшая подлѣ Пети, рыдала, и слезы текли у нея изъ глазъ.

«Отецъ, ангелъ, батюшка!»—приговоривала она, отирая пальцами слезы.

«Ура!»—кричали со всѣхъ сторонъ.

Съ минуту толпа простояла на одномъ мѣстѣ, но потомъ опять бро силась впередъ.

Петя, самъ себя не помня, стиснувъ зубы и, выкатя глаза, бросился впередъ, работая локтями и крича «ура», какъ будто онъ готовъ былъ и себя, и всѣхъ убить въ эту минуту; но съ боковъ его лѣзли точно такiя же лица съ такими же криками «ура».

«Такъ вотъ что такое Государь», думалъ Петя и все также отчаянно пробивался впередъ. Изъ-за спинъ переднихъ ему мелькнуло пустое пространство съ устланнымъ краснымъ сукномъ ходомъ; но въ это время толпа заколебалась назадъ; Государь проходилъ изъ дворца въ Успенскій соборъ, и Петя неожиданно получилъ въ бокъ такой ударъ по ребрамъ, и такъ былъ придавленъ, что вдругъ въ глазахъ его все помутилось, и онъ потерялъ сознаніе. Когда онъ пришелъ въ себя, какое-то духовное лицо, съ пучкомъ сѣдѣвшихъ волосъ назади, въ потертой синей рясѣ, вѣроятно, дьячокъ, одной рукой держалъ его подъ мышку, другою охранялъ отъ напиравшей толпы.

— Барчонка задавили,—говорилъ дьячокъ.—Что же такъ... легче... задавили, задавили...

Государь прошелъ въ Успенскій соборъ. Толпа опять разровнялась, и дьячокъ вывелъ Петю, блѣднаго и недышащаго, къ Царь-пушкѣ. Нѣсколько лицъ пожалѣли Петю. Тѣ, которые стояли ближе, услуживали, разстегивали его сюртучокъ, усаживали на возвышеніе пушки и укоряли тѣхъ, кто раздавилъ его.

— Этакъ до смерти раздавить можно! Что жъ это! Вишь, сердечный, какъ скатерть бѣлый сталъ!—говорили голоса.

Петя скоро опомнился, краска вернулась ему въ лицо. Боль прошла, и за эту временную непріятность онъ получилъ мѣсто на пушкѣ, съ которой онъ надѣялся увидѣть долженствующаго пройти назадъ Государя. Только ему увидѣть бы его, и онъ считалъ бы себя счастливымъ.

Во время службы въ Успенскомъ соборѣ—соединеннаго молебствія по случаю пріѣзда Государя и благодарственнаго молебствія за заключеніе мира съ турками, толпа распространилась, послышались обыкновенные разговоры. Но всѣ они теперь не занимали Петю; онъ сидѣлъ на своемъ возвышеніи—пушкѣ, все также волнуясь при мысли о Государѣ и о своей любви къ Нему. Совпаденіе чувствъ боли и страха, когда его сдавили, съ чувствомъ восторга еще болѣе усилило въ немъ сознаніе важности этой минуты.

Вдругъ съ набережной послышались пушечные выстрѣлы (это стрѣляли въ ознаменованіе мира съ турками), и толпа стремительно бросилась къ набережной. Петя тоже хотѣлъ бѣжать туда, но дьячокъ, взявшій подъ свое покровительство барчонка, не пустилъ его. Еще продолжались выстрѣлы, когда изъ Успенскаго собора выбѣжали офицеры, генералы, камергеры, потомъ уже не такъ поспѣшно вышли еще другіе, опять снялись шапки съ головъ, и тѣ, которые убѣжали смотрѣть пушки, бѣжали назадъ. Наконецъ, вышли еще четверо мужчинъ въ мундирахъ и лентахъ изъ дверей собора. «Ура! ура! ура!» опять закричала толпа.

— Который, который?—плачущимъ голосомъ спрашивалъ вокругъ себя Петя, но никто не отвѣчалъ ему, всѣ были слишкомъ увлечены, и Петя, выбравъ одного изъ этихъ четырехъ лицъ, которыхъ онъ изъ-за слезъ, выступившихъ ему отъ радости на глаза, не могъ ясно разглядѣть, сосредоточилъ на немъ весь свой восторгъ, хотя это былъ не Государь, закричалъ «ура» неистовымъ голосмъ и рѣшилъ, что завтра же, чего бы это ему ни стоило, онъ будетъ военнымъ.

Изъ Кремля Петя пошелъ не домой, а къ своему товарищу, которому было 15 лѣтъ и который тоже поступалъ въ полкъ. Вернувшись домой, онъ рѣшительно и твердо объявилъ, что ежели его не пустятъ, то онъ убѣжитъ. И на другой день, хотя и не совсѣмъ еще сдавшись, но графъ Илья Андреевичъ поѣхалъ узнавать, какъ бы пристроить Петю куда-нибудь побезопаснѣе.

Графъ Левъ Толстой.

Пѣсня ратниковъ СПБ. ополченія.

(Военная пѣсня).

Не труба трубитъ звонка золота,
Какъ возговоритъ православный царь:
«Охъ, вы, русскіе добры молодцы,
Вы сѣдлайте ретивыхъ коней,
Надѣвайте сабли острыя;
Что идетъ злодѣй на Святую Русь;
Есть ли Минины, Пожарскіе? [1])
Намъ тогда снимать нашъ булатный мечъ,
Когда выгонимъ врага лютаго,
Врага лютаго, кровожаднаго» [2]).
Лишь успѣлъ намъ царь слово вымолвить,
Не рѣка шумитъ, не волна течетъ,
То народъ къ нему стекается:
«Охъ, ты, батюшка, православный царь!
Есть Минины и Пожарскіе!
Ты бери у насъ злато, серебро,
Ты и насъ возьми во ряды къ себѣ;
Какъ дѣды наши шли за родину,
Такъ и мы теперь за тебя идемъ,
Рады головы за тебя нести;
Мы тогда снимемъ нашъ булатный мечъ,
Когда выгонимъ врага лютаго,
Врага лютаго, кровожаднаго:
Ты отецъ будешь сиротамъ по насъ.
Не расти травѣ по Невѣ-рѣкѣ,
Не владѣть чужимъ землей русскою».
Наши русскіе, дѣти барскіе,
Наши въ Питерѣ веселилися, —
Всѣ бѣгутъ они встать дружинами,
Имъ забавушки опостылѣли,
Намъ работушка ужъ на умъ нейдетъ,
Жены, дѣтушки не удержатъ насъ,
Покидаемъ всѣ, сами въ строй спѣшимъ.
Не орлы летятъ по поднебесью,
То дружинушки идутъ къ Полоцку.
Какъ встрѣчаетъ насъ витязь Витгенштейнъ:
«Удалые вы, добры молодцы!
Мы послужимте Царю Бѣлому!
Не дадимъ врагу поругаться намъ!»
«Славный витязь нашъ, добрый Витгенштейнъ!
Прикажи ты намъ за собой итти!
За тобой всякъ и въ огонь готовъ!»
Засвистали вдругъ калены ядра,
Застонала вся мать сыра земля,
Засверкалъ огнемъ нашъ граненый штыкъ;

---

[1]) Въ манифестѣ 6 іюня 1812 г. Императоръ Александръ I говорилъ: „Да встрѣтитъ онъ (т.-е. врагъ) въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ Палицына, въ каждомъ гражданинѣ—Минина".

[2]) Въ Высочайшемъ рескриптѣ 13 іюня 1812 г. Александръ I возвѣстилъ: „Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ Моемъ".

Мы дрались тутъ три дня, три ночи,
Съ нами вмѣстѣ шелъ сенаторъ отецъ [1]),
Впереди насъ всѣ начальники,
И вскочили мы въ стѣны Полоцка,
И стремглавъ злодѣй побѣжалъ отъ насъ.
Не свѣтлѣе солнце свѣтитъ красное,
А громчѣй гремитъ слава русская.
Ты бѣги, бѣги, нашъ злодѣй, отъ насъ;
Не дадимъ тебѣ поругаться намъ;
Ты взгляни, взгляни на солдатъ своихъ,
Между реберъ ихъ ужъ трава растетъ;
Мы прогонимъ ихъ изъ чужихъ земель:
Вы узнаете, что мы русскіе,
Что мы русскіе, православные».

На побѣду Витгенштейна при Клястицахъ.

(Военная пѣсня).

Ужъ столицѣ возвѣстили,
Слышно, съ пушечной пальбой,
Какъ француза мы побили,
Удалой нашъ графъ [2]), съ тобой.
Вишь, какой неугомонный!
За Двину къ намъ перешелъ:
Врагъ коварный, лютый, злобный,
Самъ напасть себѣ нашелъ.
Молодца мы потеряли:
Кульнева злодѣй убилъ;
Да за то и отчесали, —
Дорого ты заплатилъ!
Сколько тысячъ межъ рядами
Ты своими не дочтешь?
Сколько пулями, штыками
На плечахъ ты ранъ несешь?
Богъ поможетъ намъ великій,
И погонимъ за Двину;
Прочь бѣги скорѣй, звѣрь дикій,
Да лѣчи свою спину!
Между тѣмъ и Макдональда [3])
Мы пойдемъ въ Люценъ искать:
И его, побивъ, намъ надо
За рѣку къ тебѣ же гнать.
Такъ, удалый графъ, съ тобою
Русскіе вездѣ пройдутъ,
Смерть и ужасъ предъ собою
Вражьей силѣ понесутъ...
Витгенштейнъ! Съ тобой готовы
Въ воду и огонь итти:
Слава, честь, побѣды новы
Ожидаютъ насъ въ пути!

---

[1]) Начальникъ спб. ополченія сенаторъ Бибиковъ.
[2]) Витгенштейнъ.
[3]) Маршалъ французской арміи.

Витгенштейну.

(Военная пѣсня).

Защитника Петрова града
Велитъ намъ славить правды гласъ;
Его былъ Витгенштейнъ ограда,
И врагъ не смѣлъ итти на насъ,
    Хвала, хвала тебѣ, герой,
    Что градъ Петровъ спасенъ тобой[1]).
Орлинымъ ты своимъ полетомъ
Врагу путь къ граду преградилъ
И доказалъ предъ цѣлымъ свѣтомъ,
Что честію ты дорожилъ.
        Лавровые вѣнцы ужъ вьются
        На храбрыхъ воинахъ твоихъ;
        Въ народѣ плески раздаются.
        Вездѣ гремятъ побѣды ихъ.
Геройскихъ дѣлъ твоихъ рядъ славныхъ
Россія вѣчности предастъ,
Включитъ въ число сыновъ избранныхъ,
Царь почести тебѣ воздастъ.

Полководецъ[2]).

(М. Б. Барклай-де-Толли.)

У русскаго царя въ чертогахъ есть палата[3]):
Она не золотомъ, не бархатомъ богата,
Не въ ней алмазъ вѣнца хранится подъ стекломъ;
Но сверху до низу, во всю длину, кругомъ,
Своею кистію свободной и широкой
Ее разрисовалъ художникъ быстроокій.
Тутъ нѣтъ ни сельскихъ нимфъ[4]), ни дѣвственныхъ мадоннъ[5]),
Ни фавновъ[6]) съ чашами, ни полногрудыхъ женъ,
Ни плясокъ, ни охотъ, а все плащи да шпаги
Да лица полныя воинственной отваги.
Толпою тѣсною художникъ помѣстилъ

---

1) Побѣдой при Клястицахъ Витгенштейнъ остановилъ движеніе части французской арміи на Петербургъ.

2) На долю главнокомандующаго 1-й нашей арміей М. Б. Барклая-де-Толли выпало выдерживать первый натискъ Наполеоновскихъ силъ. Нашъ полководецъ прекрасно понималъ, что, имѣя въ своемъ распоряженіи 127.000 войска, онъ не могъ противостоять 350.000 главныхъ силъ Наполеона. Поэтому Барклай рѣшилъ отступать передъ врагомъ и постепенно заманивать его въ глубь страны. Но ни общество, ни армія не оцѣнили его мудраго плана веденія войны, а самого военачальника готовы были заподозрить чуть ли не въ измѣнѣ.

3) Ревниво защищалъ Пушкинъ память Барклая-де-Толли въ стихотвореніи „Полководецъ". Вдохновила его извѣстная портретная галлерея дѣятелей войны, находящаяся въ Зимнемъ дворцѣ. Среди этихъ лицъ, „покрытыхъ славою чудеснаго похода и вѣчной памятью двѣнадцатаго года", особенно вниманіе поэта привлекаетъ Барклай-де-Толли. Суровъ и капризенъ былъ его жребій, заставившій на полпути уступить другому и лавровый вѣнецъ, и власть, и замыселъ, обдуманный глубоко.

4) Низшія древне-греческія божества.

5) Названіе Богоматери у итальянцевъ.

6) Низшія божества лѣсовъ, полей и горъ.

М. Б. Барклай-де-Толли.

Сюда начальниковъ народныхъ нашихъ силъ,
Покрытыхъ славою чудеснаго похода
И вѣчной памятью двѣнадцатаго года.
Нерѣдко медленно межъ ними я брожу
И на знакомые ихъ образы гляжу,
И, мнится, слышу ихъ воинственные клики.
Изъ нихъ ужъ многихъ нѣтъ, другіе, коихъ лики
Еще такъ молоды на яркомъ полотнѣ,
Уже состарились и никнутъ въ тишинѣ
Главой лавровою. Но въ сей толпѣ суровой
Одинъ меня влечетъ всѣхъ больше. Съ думой новой
Всегда остановлюсь предъ нимъ и не свожу
Съ него моихъ очей. Чѣмъ долѣе гляжу,
Тѣмъ болѣе томимъ я грустію тяжелой.
Онъ писанъ во весь ростъ. Чело, какъ черепъ голый,
Высоко лоснится, и, мнится, залегла
Тамъ грусть великая. Кругомъ — густая мгла;
За нимъ—военный станъ. Спокойный и угрюмый,
Онъ, кажется, глядитъ съ презрительною думой.
Свою ли точно мысль художникъ обнажилъ,
Когда онъ таковымъ его изобразилъ,
Или невольное то было вдохновенье —
Но Дау далъ ему такое выраженье.

О, вождь несчастливый! Суровъ былъ жребій твой:
Все въ жертву ты принесъ землѣ тебѣ чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
Въ молчаньи шелъ одинъ ты съ мыслію великой;
И въ имени твоемъ звукъ чуждый не взлюбя,

Своими криками преслѣдуя тебя,
Народъ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался надъ твоей священной сѣдиною;
И тотъ, чей острый умъ тебя и постигалъ,
Въ угоду имъ тебя лукаво порицалъ.
И долго укрѣпленъ могущимъ убѣжденьемъ,
Ты былъ неколебимъ предъ общимъ заблужденьемъ:
И на полпути былъ долженъ, наконецъ,
Безмолвно уступить и лавровый вѣнецъ,
И власть, и замыселъ, обдуманный глубоко,
И въ полковыхъ рядахъ сокрыться одиноко.
Тамъ устарѣлый вождь, какъ ратникъ молодой,
Свинца веселый свистъ заслышавши впервой,
Бросался ты въ огонь, ища желанной смерти, —
Вотще! — О, люди! жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха!
Жрецы минутнаго, поклонники успѣха!
Какъ часто мимо васъ проходитъ человѣкъ,
Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ,
Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньѣ
Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье.

А. Пушкинъ.

Энгельгардтъ и Шубинъ.

При занятіи непріятелемъ Смоленска въ 1812 году, отставной полковникъ Энгельгардтъ, оставшись въ деревнѣ, съ опасностью собственной жизни истреблялъ разорителей отечества. Онъ былъ захваченъ французами, посаженъ въ тюрьму и представленъ въ оковахъ къ допросу. «Я русскій подданный, я исполнилъ мой долгъ. Мы должны разить врага, который нарушилъ наше спокойствіе и дерзнулъ напасть на нашего законнаго Государя», заявилъ онъ. Выслушавъ безтрепетно смертный приговоръ, онъ прибавилъ: «Вы не поработите Россію, вы погибнете. А я благодарю Бога за то, что умираю, какъ вѣрный сынъ отечества. Ведите меня скорѣе къ мѣсту моего торжества».

Непріятель предлагалъ Энгельгардту и жизнь, и свободу, если онъ присягнетъ Наполеону. Онъ отвѣчалъ: «Свобода моя принадлежитъ Богу и русскому Царю. Русскіе дворяне умѣютъ умирать за Отечество и не привыкли быть рабами иноплеменника». Его свели въ ровъ близъ разрушенныхъ стѣнъ Смоленскихъ и, приготовляясь разстрѣливать, хотѣли завязать глаза. Отбросивъ платокъ, Энгельгардтъ сказалъ: «Русскій не боится смерти!» и палъ на землѣ родной за вѣру и вѣрность Царю и Отечеству.

Шубинъ, другой Смоленскій дворянинъ, такимъ же непоколебимымъ мужествомъ ознаменовалъ преданность свою Престолу и Россіи.

Узнавъ всѣ подробности о страдальцахъ за Отечество и о бѣдномъ состояніи ихъ родственниковъ, Императоръ Александръ I назначилъ имъ щедрыя награды.

Глинка.

За Вѣру и Царя.

Блеснулъ кровавый мечъ въ неукротимой длани
Коварствомъ, дерзостью вѣнчаннаго царя;
Ursталъ вселенной бичъ—и вскорѣ лютой брани
Зардѣлась грозная заря.

И быстрымъ понеслись потокомъ
Враги на русскія поля.
Предъ ними мрачна степь лежитъ во снѣ глубокомъ;
Дымится кровію земля,
И селы мирныя, и грады въ мглѣ пылаютъ,
И небо заревомъ одѣлося вокругъ,
Лѣса дремучіе бѣгущихъ укрываютъ,
И праздный въ полѣ ржавитъ плугъ.
Идутъ — ихъ силѣ нѣтъ препоны,
Все рушатъ, все свергаютъ въ прахъ,
И тѣни блѣдныя погибшихъ чадъ Беллоны [1])
Въ воздушныхъ съединясь полкахъ,
Въ могилу мрачную нисходятъ непрестанно
Иль бродятъ по лѣсамъ въ безмолвіи ночи...
Но клики раздались... Идутъ въ дали туманной...
Звучатъ кольчуги и мечи.
Страшись, о, рать иноплеменныхъ!
Россіи двинулись сыны;
Возсталъ и старъ, и младъ, летятъ на дерзновенныхъ,
Сердца ихъ мщеньемъ возжены.
Вострепещи, тиранъ! Ужъ близокъ часъ паденья,
Ты въ каждомъ ратникѣ узришь богатыря.
Ихъ цѣль — иль побѣдить, иль пасть въ пылу сраженья
За Вѣру, за Царя.

Пушкинъ.

Солдатская пѣсня.

Вспомнимъ, братцы, россовъ славу
И пойдемъ враговъ разить!
Защитимъ свою державу.
Лучше смерть, чѣмъ въ рабствѣ жить.
Мы впередъ, впередъ, ребята!
Съ Богомъ, вѣрой и штыкомъ.
Вѣра наша, вѣрность свята:
Побѣдимъ или умремъ!
Подъ Смоленскими стѣнами,
Здѣсь Россіи у дверей,
Будемъ биться со врагами,
Не пропустимъ злыхъ звѣрей.
Вотъ рыдаютъ наши жены,
Дѣвы, старцы вопіютъ,
Что злодѣи разъяренны
Мечъ и пламень къ нимъ несутъ.
Врагъ строптивый мечетъ громы,
Храмовъ Божьихъ не щадитъ;
Топчетъ нивы, палитъ домы,
Змѣемъ лютымъ въ Русь летитъ.
Русь святую разоряетъ...
Нѣтъ ужъ силъ владѣть собой:
Бранный жаръ въ крови пылаетъ.
Сердце просится на бой!

---

[1]) Древне-римская богиня войны.

Мы впередъ, впередъ, ребята!
Съ Богомъ, вѣрой и штыкомъ!
Вѣра намъ и вѣрность свята!
Побѣдимъ или умремъ.

Глинка.

Отъ Нѣмана до Смоленска.

Москва начинала сильно смущаться. Газеты приносили тревожныя извѣстія. Война становилась очевидной и близкой. Всѣ знали, что Государь Александръ Павловичъ, быстро покинувъ Петербургъ, болѣе мѣсяца уже находился въ арміи Барклая-де-Толли, въ Вильнѣ. Но всѣ эти толки были неопредѣленны.

Вдругъ прошла потрясающая молва. Стало извѣстно, что изъ Вильны къ московскому главнокомандующему графу Растопчину примчался съ важными депешами фельдъегерь. Сперва по секрету, потомъ громко, наконецъ, заговорили, что Наполеонъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, безъ объявленія войны, съ громадными полчищами нежданно вторгся въ предѣлы Россіи и уже безъ боя занялъ Вильну. 6 іюля, съ новымъ государевымъ посланцемъ Растопчину было доставлено воззваніе Императора къ Москвѣ и манифестъ объ ополченіи, при чемъ сталъ извѣстенъ обѣтъ Государя «не вкладывать меча въ ножны, пока хоть единый непріятельскій воинъ будетъ на Русской Землѣ». Вспоминали при этомъ слова Императора, сказанныя за годъ передъ тѣмъ о Наполеонѣ: «Нѣтъ мѣста для обоихъ насъ въ Европѣ; рано или поздно, одинъ изъ насъ долженъ будетъ удалиться».

12 іюля и самъ Государь Александръ Павловичъ явился, наконецъ, среди встревоженно и восторженно встрѣчавшей его Москвы и поспѣшилъ обратно въ Петербургъ, откуда, по слухамъ, уже снаряжали къ вывозу въ Ярославль и въ Кострому главныя цѣнности и архивы.

Москва заволновалась, какъ старый улей пчелъ, по которому ударили обухомъ. Чернь толпилась на базарахъ и у кабаковъ. Москвичи заговорили о народной самообoронѣ. Началось формированіе ополченій. Первые московскіе баре и богачи, графы Мамоновъ и Салтыковъ, объявили о снаряженіи на свой счетъ двухъ полковъ. Тверской, Никитскій и другіе бульвары по вечерамъ наполнялись толпами любопытныхъ. Здѣсь оживленно передавались новости изъ Петербурга и съ театра войны. Дамы и дѣвицы привѣтливо оглядывали красивые и новенькіе наряды мамоновскихъ казаковъ. Побѣда у Клястицъ, охранителя путей къ Петербургу, графа Витгенштейна, въ концѣ іюля, вызвала взрывъ общихъ шумныхъ ликованій. Бѣлые и черные султаны наѣзжавшихъ съ депешами недавнихъ московскихъ танцоровъ, гвардейскихъ и армейскихъ офицеровъ, чаще мелькали по улицамъ. Въ греческихъ и швейцарскихъ кондитерскихъ передавались шопотомъ вѣсти изъ проникавшихъ въ Москву иностранныхъ газетъ. Всѣ ждали рѣшительной побѣды.

Но прошло еще время, и 12 августа москвичи съ ужасомъ узнали объ оставленіи русскими арміями Смоленска. Путь французовъ къ Москвѣ становился облегченнымъ. Толковали о возникшей съ начала похода неурядицѣ въ русскомъ войскѣ, о раздорѣ между главными русскими вождями, Багратіономъ и Барклаемъ-де-Толли. Этому раздору молва приписывала и постоянное отступленіе русскихъ войскъ передъ натискомъ наполеоновскихъ полчищъ. Осторожнаго и медлительнаго Барклая-де-Толли, своими отступленіями завлекавшаго Наполеона въ глубь раздраженной страны

считали измѣнникомъ. Нѣкоторые презрительно измѣняли его имя: «Болтай-да-и-только». Въ имени соперника Барклая, Багратіона, стремились видѣть настоящаго вождя и спасителя родины: «Богъ-рати-онъ»...

Послѣдовало назначеніе главнокомандующимъ всѣхъ армій опытнаго старца, недавняго побѣдителя турокъ, князя Кутузова. Эта мѣра вызвала общее одобреніе. Знающіе, впрочемъ, утверждали, что Государь, не любившій Кутузова, сказалъ по этому поводу:

— Общество желало его назначенія, Я его назначилъ. Что до Меня,— Я умываю руки.

Всѣ ждали скораго и полнаго разгрома Бонапарта.

Москва въ это время, встрѣчая раненыхъ, привозимыхъ изъ Смоленска, болѣе и болѣе пустѣла. Барыни, для которыхъ, по выражен ю Растопчина, «отечествомъ были Кузнецкій Мостъ и Парижъ», въ патріотическомъ увлеченіи спрашивали военныхъ: «скоро ли генеральное сраженіе» — и, путая хронологію и событія, восклицали: «Выгнали же когда-то поляковъ Мининъ, Пожарскій и Дмитрій Донской». — «Сто лѣтъ не была вражья сила на русской землѣ — и вдругъ...» негодовали коренные москвичи-старики. И какая неожиданность: въ половинѣ іюня еще рѣдко кто и подозрѣвалъ войну, а въ началѣ іюля ужъ и вторженіе... Часть свѣтской публики, впрочемъ, еще продолжала ѣздить въ балетъ и французскій театръ. Другіе усердно посѣщали церкви и монастыри.

Г. П. Михайловскій-Данилевскій.

Народный вождь[1]).

18 Августа 1812 г. прибылъ сей лаврами и сѣдинами увѣнчанный вождь! Нѣкоторые изъ почетныхъ Гжатскихъ купцовъ привезли его сами на прекрасныхъ своихъ лошадяхъ въ селеніе Царево-Займище. Я сейчасъ видѣлъ свѣтлѣйшаго Голенищева-Кутузова, сидѣвшаго на простой скамьѣ подлѣ одной избы; множество генераловъ окружали его. Радость войскъ неописанна. У всѣхъ лица сдѣлались свѣтлѣе, и военныя бесѣды вокругъ огней радостнѣе. Дымныя поля биваковъ начинаютъ оглашаться пѣснями.

Когда свѣтлѣйшій князь объѣзжалъ въ первый разъ полки, солдаты засуетились было, начали чиститься, тянуться строиться.

— Не надо! ничего этого не надо!—говорилъ князь. — Я пріѣхалъ только посмотрѣть, здоровы ли вы, дѣти мои. Солдату въ походѣ не о щегольствѣ думать; ему надобно отдыхать послѣ трудовъ и готовиться къ побѣдѣ.

Въ другой разъ увидѣвъ, что обозъ какого-то генерала мѣшаетъ идти полкамъ, онъ тотчасъ велѣлъ освободить дорогу и громко говорилъ: «Солдату въ походѣ каждый шагъ дорогъ; скорѣй придетъ, больше отдыхать будетъ!»

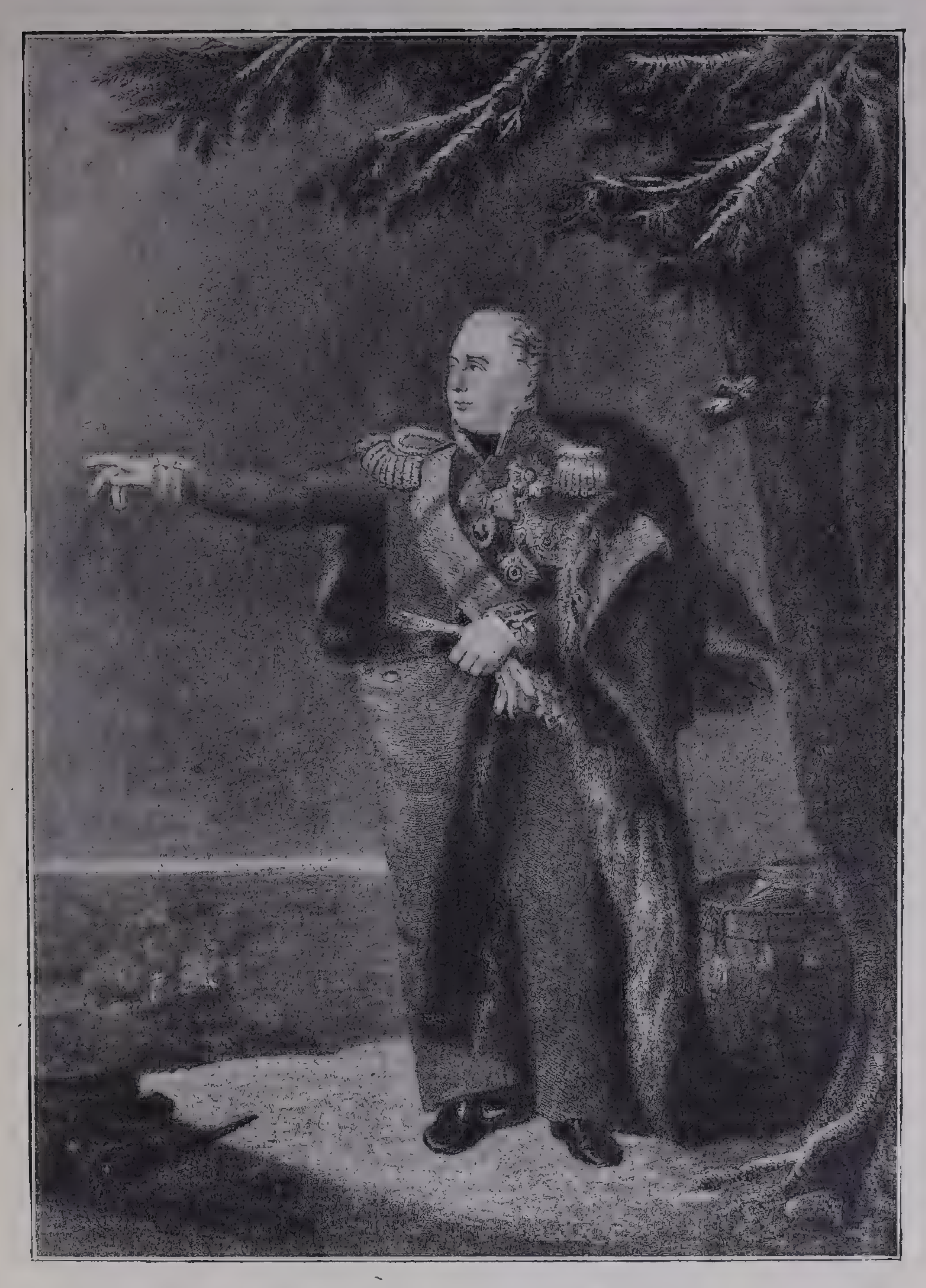
Такія слова главнокомандующаго все войско наполнили къ нему довѣренностью и любовью.

— Вотъ то-то пріѣхалъ нашъ батюшка! — говорили солдаты. — Онъ всѣ наши нужды знаетъ; какъ не подраться съ нимъ; въ глазахъ его всѣ до одного рады головы положить.

Въ послѣдній разъ, когда свѣтлѣйшій осматривалъ полки, орелъ вился въ воздухѣ и парилъ надъ нимъ. Князь обнажилъ сѣдинами укра-

---

[1]) Въ началѣ войны надъ всѣми нашими арміями не было общаго начальника. Въ первыхъ числахъ августа Императоръ Александръ I назначилъ свѣтл. кн. М. И. Голенищева-Кутузова главнокомандующимъ надъ всѣми нашими арміями, дѣйствовавшими противъ врага.

Свѣтл. кн. М. И. Голенищевъ-Кутузовъ.

шенную голову; все войско закричало «ура». Въ этотъ же день главнокомандующій приказалъ служить во всѣхъ полкахъ молебны Смоленской Божіей Матери, и для иконы ея, находившейся при арміи, сдѣлать новый приличный кіотъ. Все это восхищаетъ солдатъ и всякаго.

Глинка.

На пареніе орла.

(Ода).

Мужайся, бодрствуй, князь Кутузовъ:
Коль надъ тобой былъ зримъ орелъ [1]),
Ты, вѣрно, побѣдишь французовъ
И, россовъ защитя предѣлъ,
Спасешь отъ узъ и всю вселенну.
Коль славой участь озаренну
Давно тебѣ судилъ самъ рокъ:
Смерть сквозь главу твою промчалась,
Но жизнь твоя цѣла осталась:
На подвигъ сей тебя блюлъ Богъ.
Въ покровъ его предавшись сильный,
Тебѣ что можетъ Люциферъ [2])!
Ты шелъ и пройдешь чрезъ ехидны,
Овномъ збодется лютый звѣрь:
Нога наступитъ Александра
На жруща пламемъ Саламандра [3]),
Стратигъ ты молньи, Михаилъ!
Ты, подъ своимъ зря руководствомъ
Рать тверду духа превосходствомъ,
Сдхнешь Галловъ тьмы: — съ тобой Богъ силъ.

Державинъ.

Передъ Бородинскимъ сраженіемъ [4]).

25 августа 1812 г. Было 11 часовъ утра. Солнце ярко освѣщало сквозь чистый, рѣдкій воздухъ огромную, амфитеатромъ поднимающейся мѣстности открывшуюся панораму. Вверхъ и влѣво по этому амфитеатру, разрѣзывая его, вилась большая Смоленская дорога, шедшая черезъ село съ бѣлой церковью, лежавшее въ 500-хъ шагахъ впереди кургана и ниже его (это было Бородино). Дорога переходила подъ деревней черезъ мостъ, и черезъ спуски и подъемы вилась все выше и выше

---

[1]) Ода написана на извѣстный случай появленія орла надъ головою объѣзжавшаго войска Кутузова. Слухъ о составленіи этой оды Державинымъ дошелъ до Кутузова, который 7 декабря писалъ ему изъ Вильны: „Приношу вамъ чувствительнѣйшую благодарность и за того орла, который, какъ слышу я, воскриленный великимъ бардомъ нашимъ, парилъ надъ главою Россіянина, придавая блескъ скромнымъ его заслугамъ“. Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 30 марта 1813 г, Кутузовъ уже благодарилъ Державина за присланную оду: „Хотя не могу я принять всего помѣщеннаго въ прекрасномъ твореніи вашемъ „На пареніе орла“ прямо на мой счетъ, но произведеніе сіе, какъ и прочія безсмертнаго вашего пера, имѣетъ особенную цѣну, уваженія и служитъ новымъ доказательствомъ вашей ко мнѣ любви“.

[2]) Т.-е. діаволъ.

[3]) Духъ огня.

[4]) Пріѣхавъ къ арміямъ въ Царево-Займище, Кутузовъ сначала также отступалъ по дорогѣ къ Москвѣ, а затѣмъ остановился на Бородинскихъ поляхъ, чтобы дать здѣсь Наполеону рѣшительную битву.

къ виднѣвшемуся верстъ за шесть селенію Валуеву (въ немъ стоялъ Наполеонъ). За Валуевымъ дорога скрывалась въ желтѣвшемъ лѣсу на горизонтѣ. Въ лѣсу этомъ, березовомъ и еловомъ, вправо отъ направленія дороги, блестѣли на солнцѣ дальній крестъ и колокольня Колоцкаго монастыря. По всей этой синей дали, вправо и влѣво отъ лѣса и дороги, въ разныхъ мѣстахъ виднѣлись дымившіеся костры и неопредѣленныя массы войскъ нашихъ и непріятельскихъ.

Изъ-подъ горы отъ Бородина поднималось церковное шествіе. Впереди всѣхъ по пыльной дорогѣ стройно шла пѣхота съ снятыми киверами и ружьями, опущенными книзу. Позади пѣхоты слышалось церковное пѣніе. Безъ шапокъ бѣжали навстрѣчу идущимъ солдаты и ополченцы. «Матушку несутъ! Заступницу!.. Иверскую»... — «Смоленскую

Молебенъ на канунѣ Бородинскаго боя передъ Смоленской иконою Божіей Матери. (Съ рис. проф. Ковалевскаго).

Матушку», поправилъ другой. Ополченцы, и тѣ, которые были въ деревнѣ, и тѣ, которые работали на батареѣ, побросавъ лопаты, побѣжали навстрѣчу церковному шествію. За батальономъ, шедшимъ по пыльной дорогѣ, шли въ ризахъ священники, одинъ старичокъ въ клобукѣ, съ причтомъ и пѣвчими. За ними солдаты и офицеры несли большую, съ чернымъ ликомъ, въ окладѣ, икону. Это была икона, вывезенная изъ Смоленска и съ того времени возимая за арміей. За иконой, кругомъ ея, впереди ея, со всѣхъ сторонъ шли, бѣжали и кланялись въ землю съ обнаженными головами толпы военныхъ.

Взойдя на гору, икона остановилась; державшіе на полотенцахъ икону люди перемѣнились, дьячки зажгли вновь кадила, и начали молебенъ. Жаркіе лучи солнца били отвѣсно, сверху; слабый, свѣжій вѣтерокъ игралъ волосами открытыхъ головъ и лентами, которыми была убрана икона; пѣніе не громко раздавалось подъ открытымъ небомъ.

Огромная толпа съ открытыми головами офицеровъ, солдатъ, ополченцевъ окружала икону. Какъ только уставшіе дьячки начинали пѣть: «Спаси отъ бѣдъ рабы Твоя, Богородице», а священникъ и дьяконъ подхватывали: «яко вси по Бозѣ къ Тебѣ прибѣгаемъ, яко нерушимой стѣнѣ и предстательству» — на всѣхъ лицахъ вспыхивало опять то же выраженіе сознанія торжественности наступающей минуты.

Толпа, окружавшая икону, вдругъ раскрылась. Кто-то, вѣроятно, очень важное лицо, судя по поспѣшности, съ которой передъ нимъ сторонились, подходилъ къ иконѣ. Это былъ Кутузовъ, объѣзжавшій позиціи. Онъ подошелъ къ молебну.

Въ длинномъ сюртукѣ на огромномъ толщиной тѣлѣ, съ сутуловатой спиной, съ открытой бѣлой головой и съ вытекшимъ бѣлымъ глазомъ на оплывшемъ лицѣ, Кутузовъ вошелъ своей ныряющей, раскачивающейся походкой въ кругъ и остановился позади священника. Онъ перекрестился привычнымъ жестомъ, досталъ рукой до земли и, тяжело вздохнувъ, опустилъ свою сѣдую голову. За Кутузовымъ былъ Беннигсенъ и свита. Несмотря на присутствіе главнокомандующаго, обратившаго на себя вниманіе всѣхъ высшихъ чиновъ, ополченцы и солдаты, не глядя на него, продолжали молиться.

Когда кончился молебенъ, Кутузовъ подошелъ къ иконѣ, тяжело опустился на колѣни, кланяясь въ землю, и долго пытался и не могъ встать отъ тяжести и слабости. Сѣдая голова его подергивалась отъ усилій.. Наконецъ, онъ всталъ, приложился къ иконѣ и опять поклонился, дотронувшись рукой до земли. Генералитетъ послѣдовалъ его примѣру; потомъ офицеры и за ними, давя другъ друга, топчась, пыхтя и толкаясь, съ взволнованными лицами полѣзли солдаты и ополченцы.

Графъ Л. Толстой.

Бородино.

(26 августа 1812 г.).

«Скажи-ка, дядя, вѣдь, не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
    Французу отдана?
Вѣдь были жъ схватки боевыя?
Да, говорятъ, еще какія!
Не даромъ помнитъ вся Россія
    Про день Бородина!»
— Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя:
    Богатыри — не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Не будь на то Господня воля,
    Не отдали бъ Москвы!
Мы долга, молча, отступали.
Досадно было, боя ждали;
    Ворчали старики:
«Что жъ мы? На зимнія квартиры?
Не смѣютъ, что ли, командиры
Чужіе изорвать мундиры
    О русскіе штыки!»

Бородинскій бой. На батареѣ Раевскаго.

И вотъ нашли большое поле:
Есть разгуляться гдѣ на волѣ.
Построили редутъ [1]).
У нашихъ ушки на макушкѣ!
Чуть утро освѣтило пушки
И лѣса синія верхушки —
Французы тутъ-какъ-тутъ.
Забилъ зарядъ я въ пушку туго
И думалъ: угощу я друга!
Постой-ка, братъ мусью!
Что тутъ хитрить, пожалуй къ бою;
Ужъ мы пойдемъ ломить стѣною,
Ужъ постоимъ мы головою
За родину свою!
Два дня мы были въ перестрѣлкѣ.
Что толку въ этакой бездѣлкѣ?
Мы ждали третій день.
Повсюду стали слышны рѣчи:
«Пора добраться до картечи!»
И вотъ на поле грозной сѣчи
Ночная пала тѣнь.
Прилегъ вздремнуть я у лафета [2]),
И слышно было до разсвѣта,
Какъ ликовалъ французъ.
Но тихъ былъ нашъ бивакъ [3]) открытый:
Кто киверъ чистилъ весь избитый,

---

[1]) Полевое укрѣпленіе.
[2]) Станокъ подъ артиллерійскимъ орудіемъ.
[3]) Мѣсто временной остановки войскъ во время похода.

Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
  Кусая длинный усъ.
И только небо засвѣтилось —
Все шумно вдругъ зашевелилось.
  Сверкнулъ за строемъ строй.
Полковникъ нашъ рожденъ былъ хватомъ
Слуга царю, отецъ солдатамъ...
Да, жаль его: сраженъ булатомъ,
  Онъ спитъ въ землѣ сырой.
И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
  Умремте жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!»
  И умереть мы обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
  Мы въ бородинскій бой.
Ну жъ былъ денекъ! Сквозь дымъ летучій
Французы двинулись, какъ тучи,
  И все на нашъ редутъ.
Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами —
Всѣ промелькнули передъ нами,
  Всѣ побывали тутъ.
Вамъ не видать такихъ сраженій!..
Носились знамена, какъ тѣни,
  Въ дыму огонь блестѣлъ,
Звучалъ булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
  Гора кровавыхъ тѣлъ.
Извѣдалъ врагъ въ тотъ день не мало,
Что значитъ русскій бой удалый,
  Нашъ рукопашный бой!..
Земля тряслась, какъ наши груди;
Смѣшались въ кучу кони, люди;
И залпы тысячи орудій
  Слились въ протяжный вой...
Вотъ смерклось. Были всѣ готовы
Заутра бой затѣять новый
  И до конца стоять...
Вотъ затрещали барабаны —
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
  Товарищей считать.
Да, были люди въ наше время,
Могучее, лихое племя:
  Богатыри — не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Когда бъ на то не Божья воля,
  Не отдали бъ Москвы!

М. Лермонтовъ.

Великій день Бородина.

(Разсказъ участника боя).

Съ 25 на 26 августа. Глубокая ночь... Все безмолвствуетъ!.. Русскіе съ чистою безупречною совѣстью тихо дремлютъ, облегши дымящіеся огни. Сторожевыя цѣпи пересылаютъ, одна другой, протяжные отголоски. Эхо чуть вторитъ имъ. На облачномъ небѣ изрѣдка искрятся звѣзды. Такъ все покойно на нашей сторонѣ.

Напротивъ того, ярко блещутъ устроенные огни въ таборахъ непріятельскихъ; музыка, пѣніе, трубные гласы и крики по всему стану ихъ разносятся. Вотъ слышны восклицанія! Вотъ еще другія!.. Они, вѣрно, привѣтствуютъ разъѣзжающаго по строямъ Наполеона. Точно такъ было предъ Аустерлицкимъ сраженіемъ. Что будетъ завтра? Вѣтеръ гаситъ свѣчу, а сонъ смыкаетъ глаза.

Застонала земля и пробудила спавшихъ въ ней воиновъ. Дрогнули поля, но сердца покойны были. Такъ началось безпримѣрное сраженіе Бородинское, 26 августа.

Туча ядеръ, съ визгомъ пролетѣвшихъ надъ шалашомъ нашимъ, пробудила меня и товарищей. Вскакиваемъ, смотримъ — густой туманъ лежитъ между нами и ими. Заря только что начинала зажигаться. Непріятель подвезъ нѣсколько сотъ орудій, и открылъ цѣлый адъ. Бомбы и ядра сыплются градомъ. Трескъ и взрывы повсемѣстны. Одни шалаши валятся; другіе пылаютъ! Войска бѣгутъ къ ружью и въ огонь.

Все это происходило въ срединѣ; а на лѣвомъ крылѣ нашемъ давно уже свирѣпѣла гроза въ безпрерывныхъ перекатахъ грома пушекъ и мелкаго оружья.

Большую часть сего ужаснаго дня проводилъ я то на главной батареѣ, гдѣ находился свѣтлѣйшій, то на дорогѣ, гдѣ перевязывали раненыхъ. — Мой другъ! я видѣлъ это неимовѣрно жестокое сраженіе и ничего подобнаго въ жизнь мою не видалъ, ни о чемъ подобномъ не слыхалъ и едва ли читывалъ.

Я былъ подъ Аустерлицемъ: но то сраженіе, въ сравненіи съ этимъ — ошибка! Тѣ, которые были подъ Прейсишъ-Эйлау, дѣлаютъ почти такое же сравненіе.

Надобно имѣть кисть Микель-Анджело, изобразившую страшный судъ, чтобы осмѣлиться представить сіе ужасное побоище. Подумай только, что до 200 тысячъ лучшихъ воиновъ, на самомъ тѣсномъ, по многочисленности ихъ, пространствѣ, почти, такъ сказать, толкаясь головами, дрались съ неслыханнымъ отчаяніемъ: 2000 пушекъ гремѣли безпрерывно. Тяжко вздыхали окрестности, и земля, казалось, шаталась подъ бременемъ сражавшихся.

Французы метались съ дикимъ остервенѣніемъ. Русскіе стояли съ неподвижностью твердѣйшихъ стѣнъ. Одни стремились дорваться до вожделѣннаго конца всѣмъ трудамъ и дальнимъ походамъ, загребсти сокровища, имъ обѣщанныя, и насладиться всѣми утѣхами жизни въ древней знаменитой столицѣ; другіе помнили, что заслоняютъ собою сію самую столицу, сердце Россіи и мать городовъ. Оскорбленная вѣра, разоренныя области, поруганные алтари и прахи отцовъ, обиженные въ могилахъ, громко вопіяли о мщеніи и мужествѣ.

Сердца русскія внимали священному воплю сему, и мужество нашихъ войскъ было неописуемо. Они, казалось, дорожили каждымъ вершкомъ

земли, и бились до смерти за каждый шагъ. Многія батареи до десяти разъ переходили изъ рукъ въ руки.

Сраженіе горѣло въ глубокой долинѣ, и въ разныхъ мѣстахъ, съ огнемъ и громомъ, на высоты всходило. Густой дымъ заступилъ мѣсто тумана. Сѣдыя облака клубились надъ лѣвымъ крыломъ нашимъ и заслоняли средину, между тѣмъ какъ на правомъ сіяло полное солнце. И самое свѣтило не мало видало такихъ браней на землѣ съ тѣхъ поръ, какъ освѣщаетъ ее. Сколько потоковъ крови! сколько тысячъ тѣлъ!

— Не заглядывайте въ этотъ лѣсокъ,—сказалъ мнѣ одинъ изъ лѣкарей, перевязывавшій раны:—тамъ цѣлые костры отпиленныхъ рукъ и ногъ!..

Въ самомъ дѣлѣ, въ рѣдкомъ изъ сраженій прошлаго вѣка бывало вмѣстѣ столько убитыхъ, раненыхъ и въ плѣнъ взятыхъ, сколько подъ Бородинымъ оторванныхъ рукъ и ногъ. На мѣстѣ, гдѣ перевязывали раны, лужи крови не изсыхали. Никогда не видалъ я такихъ ужасныхъ ранъ. Разбитыя головы, оторванныя ноги и размозженныя руки до плечъ были обыкновеннымъ явленіемъ. Тѣ, которые несли раненыхъ, облиты были съ головы до ногъ кровью и мозгомъ своихъ товарищей...

Сраженіе не умолкало ни на минуту, и цѣлый день продолжался бѣглый огонь изъ пушекъ. Бомбы, ядра и картечь летали здѣсь такъ густо, какъ обыкновенно летаютъ пули; а сколько здѣсь пролетѣло пуль!.. Но это сраженіе неописуемо: я сдѣлалъ только абрисъ его.

Наступилъ вечеръ. Непріятель началъ уклоняться отъ боя. Русскіе устояли.

Ѳ. Глинка.

Конецъ Бородинскаго боя.

— Смотрите, смотрите,—сказалъ кто-то возлѣ Перовскаго, указывая съ высоты, гдѣ стояли колонны Багговута:—это Наполеонъ!

Перовскій направилъ туда подзорную трубу и впервые въ жизни увидѣлъ Наполеона, скакавшаго съ огромной свитой на бѣломъ конѣ отъ Семеновскаго къ занятому французами редуту Раевскаго. Всѣ ждали грознаго наступленія старой французской гвардіи. Наполеонъ на это не рѣшился.

Къ шести часамъ бой сталъ затихать на всѣхъ позиціяхъ и кончился. Къ свѣтлѣйшему въ Горки, гдѣ онъ былъ во время боя, прискакалъ, какъ узнали въ войскахъ, флигель-адъютантъ фонъ-Вольцогенъ съ донесеніемъ, что непріятель занялъ всѣ главные пункты нашей позиціи, и что наши войска въ совершенномъ разстройствѣ.

— Это неправда!—громко, при всѣхъ возразилъ ему свѣтлѣйшій.—Ходъ сраженія извѣстенъ мнѣ одному въ точности. Непріятель отраженъ на всѣхъ пунктахъ, и завтра мы его обратно погонимъ изъ священной Русской Земли.

Стемнѣло. Кутузовъ переѣхалъ къ ночи въ домъ Михайловской мызы. Окна этого дома были ярко освѣщены. Въ нихъ виднѣлись денщики, разносившіе чай, и лица адъютантовъ. Въ полночь къ князю собрались оставшіеся въ живыхъ командиры частей, расположившихся невдали отъ мызы. Здѣсь былъ съ двумя - тремя изъ своихъ штабныхъ и генералъ Багговутъ. Взводъ кавалергардовъ охранялъ дворъ и усадьбу. Адъютанты и ординарцы Кутузова, бесѣдуя съ подъѣзжавшими офицерами, толпились у крыльца. Разложенный на площадкѣ передъ домомъ, костеръ освѣщалъ старыя липы и березы вокругъ двора, ягодный садъ, прудъ невдали отъ дома, готовую фельдъегерскую тройку за дворомъ и невысокое крылечко съ входившими и сходившими по немъ. Стоя съ другими у этого крыльца, Перовскій видѣлъ блѣдное и хмурое лицо графа Толя, медленно, нервною

поступью поднявшагося по крыльцу послѣ вечерняго объѣзда нашихъ линій. Онъ разглядѣлъ и черную курчавую голову героя дня Ермолова, который, послѣ доклада Толя, съ досадой крикнулъ въ окно: «фельдъегеря!» Тройка подъѣхала. Изъ сѣней съ сумкою черезъ плечо, вышелъ сгорбленный, пожилой офицеръ.

— Куда, куда?—заговорили кругомъ.

— Въ Петербургъ,—отвѣтилъ, крестясь, офицеръ,—съ донесеніемъ.

Тогда же всѣ узнали, что кн. Кутузовъ, выслушавъ графа Толя, далъ предписаніе русской арміи отступать за Можайскъ къ Москвѣ.

Г. Михайловскій-Данилевскій

Бородинское поле.

Умолкшіе холмы, долъ, нѣкогда кровавый!
Отдайте мнѣ вашъ день, день вѣковѣчной славы,
И шумъ оружія, и сѣчи, и борьбу.
Мой мечъ изъ рукъ моихъ упалъ. Мою судьбу
Попрали сильные. Счастливцы горделивы
Невольнымъ пахаремъ влекутъ меня на нивы...
О, ринь меня на бой, ты опытный въ бояхъ,
Ты, голосомъ своимъ рождающій въ полкахъ
Погибели враговъ предчувственные клики,
Вождь гомерическій [1]), Багратіонъ великій!
Простри мнѣ длань свою, Раевскій, мой герой!
Ермоловъ! я лечу — веди меня, я твой —
О, обреченный побѣдъ любимымъ сыномъ,
Покрой меня, покрой твоихъ перуновъ [2]) дымомъ!
Но гдѣ вы?.. Слушаю... Нѣтъ отзыва! Съ полей
Умчался брани дымъ, не слышенъ стукъ мечей,
И я, питомецъ вашъ, склонясь главой у плуга,
Завидую костямъ соратника иль друга.

Денисъ Давыдовъ [3]).

Поминки по Бородинской битвѣ.

Милорадовича помню
Въ битвѣ при Бородинѣ:
Былъ онъ въ шляпѣ безъ султана,
На гнѣдомъ своемъ конѣ.
    Бодро онъ и хладнокровно
    Велъ полки въ кровавый бой;

---

1) Т.-е. подобный вождямъ, прославленнымъ греческимъ поэтомъ Гомеромъ.

2) Названіе грома и молніи у славянъ и русскихъ.

3) Стихи поэта-партизана Д. В. Давыдова отличаются несомнѣннымъ литературнымъ дарованіемъ, хотя самъ онъ признавалъ, что „на Пиндѣ бывалъ только наскокомъ" и что его истинное призваніе — военная гроза: „пусть грянетъ Русь военной грозой—я въ этой пѣсни запѣвало",—скучая о войнѣ писалъ Давыдовъ въ 1835 году.

Въ приведенномъ здѣсь стихотвореніи „Бородинское поле", написанномъ въ 1829 г., Давыдовъ скучаетъ, что онъ не на поляхъ битвы, что „умчался брани дымъ, не слышенъ стукъ мечей", и что онъ вынужденъ, „склонясь къ плугу головой, завидовать костямъ соратника или друга".

Строй за строемъ густо, ровно
Выступалъ живой стѣной.
Только подошли мы ближе
Къ средоточію огня,
Взвизгнуло ядро и пало
Передъ нимъ къ ногамъ коня.
И, сердито землю роя
Адскимъ огненнымъ волчкомъ,
Не затронуло героя,
Но осыпало пескомъ.
«Богъ мой!—онъ сказалъ съ улыбкой,
Указавъ на вражью рать: —
Насъ завидѣлъ непріятель
И спѣшитъ намъ честь отдать».
И Кутузовъ предо мною,
Вспомню ль о Бородинѣ:
Онъ и въ бѣлой былъ фуражкѣ,
И на бѣломъ былъ конѣ.

Чрезъ плечо повязанъ шарфомъ,
Онъ стоитъ на высотѣ,
И надъ старцемъ блещетъ ярко
День въ осенней красотѣ.
Старца бодрый видъ воинственъ,
Онъ средь полчищъ одинокъ,
Онъ безстрастенъ, онъ таинственъ,
Онъ властителенъ, какъ рокъ.

На челѣ его маститомъ,
Пролетѣвшею насквозь
Смертью разъ уже пробитомъ,
Пламя юное зажглось,
Пламя думъ, грозой созрѣвшихъ,
Въ битвѣ закаленныхъ думъ.
Онъ ихъ молча вопрошаетъ
Сквозь пальбу, огонь и шумъ.
Мыслью онъ паритъ надъ битвой,
И его орлиный взглядъ
Движетъ волею и силой
Человѣческихъ громадъ.

А его молніеносцы
Ждутъ внимательно кругомъ,
Чтобъ по слову полководца
Зарядить крылатый громъ.
День насталъ. Мы ждали битвы,
Всѣ возрадовались ей:
Шли давно о ней молитвы
Пріунывшихъ усачей.

И на пиръ веселый словно
Каждый радостно летитъ;
Будь у каждаго три жизни —
Онъ всѣхъ трехъ не пощадитъ.

Никогда еще въ подлунной
Не кипѣлъ столь страшный бой:

Изъ орудій адъ чугунный,
Разразившись, поднялъ вой.
    Цѣлый день не умолкаетъ,
    Извергая смерть кругомъ;
    Строй за строемъ исчезаетъ
    Подъ убійственнымъ огнемъ.
Словно два бойца во злобѣ,
Набѣжала рать на рать:
Грудью грудь схватились обѣ,
Чтобъ противника попрать.
    Но побѣда обоюдно
    То дается намъ, то имъ,—
    Въ этотъ день рѣшить бы трудно,
    Кто изъ двухъ непобѣдимъ.
Крѣпнетъ боевая вьюга,
Все сильнѣй растетъ она;
И вцѣпившихся другъ въ друга
Разнимаетъ ночь одна.
    Грозный день сей Бородинской
    Имъ и намъ въ почетъ равно:
    Славься битвой исполинской,
    Славься ввѣкъ, Бородино!

Кн. П. Вяземскій.

Обозъ [1]).

        Съ горшками шелъ обозъ,
  И надобно съ крутой горы спускаться.
  Вотъ, на горѣ другихъ оставя дожидаться,
  Хозяинъ сталъ сводить легонько первый возъ.
Конь добрый на крестцѣ почти его понесъ,
Катится возу не давая;
    А лошадь сверху молодая
Ругаетъ бѣднаго коня за каждый шагъ:
    «Ай, конь хваленый, то-то диво!
Смотрите: лѣпится, какъ ракъ;
Вотъ чуть не зацѣпилъ за камень. Косо! Криво!
    Смѣлѣе! Вотъ толчокъ опять!
А тутъ бы влѣво лишь принять.
Какой оселъ! Добро бы было въ гору
    Или въ ночную пору?
А то и подъ гору и днемъ!
Смотрѣть, такъ выйдешь изъ терпѣнья!
Ужъ воду бы таскалъ, коль нѣтъ въ тебѣ умѣнья!
    Гляди-ко насъ, какъ мы махнемъ!
    Не бойсь, минуты не потратимъ
И возикъ свой мы не свеземъ, а скатимъ!»
Тутъ, выгнувши хребетъ и понатужа грудь,

---

[1]) Въ этой баснѣ подъ видомъ добраго коня, вынесшаго на своемъ крестцѣ тяжелый возъ, изображенъ Кутузовъ. Послѣ Бородинской битвы всѣ ждали новаго рѣшительнаго боя подъ стѣнами Москвы. Но Кутузовъ не измѣнилъ своего плана, хотя на него сыпались со всѣхъ сторонъ упреки, и онъ, какъ добрый конь, понесъ на крестцѣ свой возъ.

Тронулася лошадка съ возомъ въ путь;
Но только подъ гору она перевалилась,
Возъ началъ напирать, телѣга раскатилась:
Коня толкаетъ взадъ, коня кидаетъ въ бокъ,
Пустился конь со всѣхъ четырехъ ногъ
На славу;
По камнямъ, рытвинамъ пошли толчки,
Скачки,
Лѣвѣй, лѣвѣй — и съ возомъ бухъ въ канаву!
Прощай, хозяйскіе горшки!
Какъ въ людяхъ многіе имѣютъ слабость ту же:
Все кажется въ другомъ ошибкой намъ;
А примешься за дѣло самъ,
Такъ напроказишь вдвое хуже.

И. Крыловъ.

Москва обречена.

Черезъ часъ сверкнулъ вдали позлащенный крестъ Ивана Великаго, черезъ нѣсколько минутъ показались главы соборныхъ храмовъ, и древняя столица, сердце, мать Россіи — Москва, разостлалась широкой скатертью по необозримой равнинѣ, усѣянной обширными садами.

Москва-рѣка, извиваясь, текла посреди холмистыхъ береговъ своихъ; но безчисленныя барки, плоты и суда не пестрили ея гладкой поверхности; вѣтеръ не доносилъ до окружающихъ отдаленный гулъ и невнятный, но исполненный жизни говоръ многолюднаго города; по большимъ дорогамъ шумѣлъ и толпился народъ; но Москва, какъ жертва, обреченная на закланіе, была безмолвна. Изрѣдка кой-гдѣ дымились трубы, и какъ черный погребальный крепъ, густой туманъ висѣлъ надъ кровлями опустѣвшихъ домовъ.

Ахъ, скоро, скоро, кормилица Россіи — Москва, скоро прольются по твоимъ осиротѣвшимъ улицамъ пламенныя рѣки; святотатственная рука враговъ сорветъ крестъ съ твоей соборной колокольни, разрушитъ стѣны священнаго Кремля, осквернитъ твои древніе храмы; но Русскіе всегда возлагали надежду на Господа, и ты воскреснешь, Москва, какъ обновленное, младое солнце, ты снова взойдешь на небеса Россіи; а враги твои...

Ахъ! вы не воскреснете, несчастныя жертвы властолюбія: воины, посѣдѣвшіе въ бояхъ, юноши, краса и надежда Франціи, вы не обнимете родныхъ своихъ! Ваши кости, разсѣянныя по обширнымъ полямъ, запашутся сохою, и долго, долго изустная повѣсть объ ужасной смерти вашей будетъ приводить въ трепетъ каждаго иноземца!

М. Загоскинъ.

Совѣтъ въ Филяхъ [1]).

(1 сентября 1812 г.).

Въ просторной лучшей избѣ мужика Андрея Севастьянова, въ два часа собрался совѣтъ. Мужики, бабы и дѣти мужицкой большой семьи тѣснились въ черной избѣ черезъ сѣни. Одна только внучка Андрея, Ма-

[1]) На этомъ совѣтѣ, собранномъ Кутузовымъ, рѣшалась судьба Москвы.

лаша, шестилѣтняя дѣвочка, которой свѣтлѣйшій, приласкавъ ее, далъ за чаемъ кусокъ сахара, оставалась на печи въ большой избѣ. Малаша робко и радостно смотрѣла съ печи на лица, мундиры и кресты генераловъ, одного за другимъ, входившихъ въ избу и разсаживавшихся въ красномъ углу на широкихъ лавкахъ подъ образами. Самъ дѣдушка, какъ внутренно называла Малаша Кутузова, сидѣлъ отъ нихъ особо, въ темномъ углу за печкой. Онъ сидѣлъ, глубоко опустившись въ складное кресло и безпрестанно покряхтывалъ и расправлялъ воротникъ сюртука, который, хотя и разстегнутый, все какъ будто жалъ его шею. Входившіе одинъ за другимъ подходили къ фельдмаршалу; нѣкоторымъ онъ пожималъ руку, нѣкоторымъ кивалъ головой. Адъютантъ Кайсаровъ хотѣлъ было отдернуть занавѣску въ окнѣ противъ Кутузова, но Кутузовъ сердито замахалъ

Военный совѣтъ въ Филяхъ (съ карт. Кившенко).

ему рукой, и Кайсаровъ понялъ, что свѣтлѣйшій не хочетъ, чтобъ видѣли его лицо.

Вокругъ мужицкаго стола, на которомъ лежали карты, планы, карандаши, бумаги, собралось такъ много народу, что денщики принесли еще лавку и поставили у стола. На лавку эту сѣли пришедшіе Ермоловъ, Кайсаровъ и Толь. Подъ самыми образами на первомъ мѣстѣ сидѣлъ, съ Георгіемъ на шеѣ, съ блѣднымъ, болѣзненнымъ лицомъ и съ своимъ высокимъ лбомъ, сливавшимся съ головой, Барклай-де-Толли. Второй уже день онъ мучился лихорадкой, и въ это самое время его знобило и ломало. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ Уваровъ и негромкимъ голосомъ (какъ и всѣ говорили) что-то, быстро дѣлая жесты, сообщалъ Барклаю. Маленькій кругленькій Дохтуровъ, приподнявъ брови и сложивъ руки на животѣ, внимательно прислушивался. Съ другой стороны сидѣлъ, облокотивши на руку свою широкую съ смѣлыми чертами и блестящими глазами голову, графъ Остерманъ-Толстой и казался погруженнымъ въ свои мысли. Раев

скій съ выраженіемъ нетерпѣнія, привычнымъ жестомъ напередъ, курчавя свои черные волосы на вискахъ, поглядывалъ то на Кутузова, то на входную дверь. Твердое, красивое и доброе лицо Коновницына свѣтилось нѣжною и хитрою улыбкою. Онъ встрѣтилъ взглядъ Малаши и глазами дѣлалъ ей знаки, которые заставляли дѣвочку улыбаться.

Всѣ ждали Беннигсена, который доканчивалъ свой вкусный обѣдъ, подъ предлогомъ новаго осмотра позиціи. Его ждали отъ четырехъ до шести часовъ, и во все это время не приступали къ совѣщанію и тихими голосами вели посторонніе разговоры.

Только когда въ избу вошелъ Беннигсенъ, Кутузовъ выдвинулся изъ своего угла и подвинулся къ столу, но настолько, что лицо его не было освѣщено поданными на столъ свѣчами.

Беннигсенъ открылъ совѣтъ вопросомъ: «Оставить ли безъ боя священную и древнюю столицу Россіи или защищать ее?» Послѣдовало общее и долгое молчаніе. Всѣ лица нахмурились и въ тишинѣ слышалось сердитое кряхтѣнье и покашливанье Кутузова. Всѣ глаза смотрѣли на него. Малаша тоже смотрѣла на дѣдушку. Она ближе всѣхъ была къ нему и видѣла, какъ лицо его сморщилось: онъ точно собрался плакать. Но это продолжалось недолго.

— Священную, древнюю столицу Россіи, — вдругъ заговорилъ онъ сердитымъ голосомъ повторяя слова Беннигсена и этимъ указывая на фальшивую ноту этихъ словъ.—Позвольте вамъ сказать, ваше сіятельство, что вопросъ этотъ не имѣетъ смысла для русскаго человѣка. (Онъ перевалился впередъ своимъ тяжелымъ тѣломъ). Такой вопросъ нельзя ставить, и такой вопросъ не имѣетъ смысла. Вопросъ, для котораго я просилъ собраться этихъ господъ, — это вопросъ военный. Вопросъ слѣдующій: «Спасенье Россіи въ арміи. Выгоднѣе ли рисковать потерею арміи и Москвы, принявъ сраженіе, или отдать Москву безъ сраженія?». Вотъ на какой вопросъ я желаю знать ваше мнѣніе (онъ откачнулся назадъ на спинку кресла).

Начались пренія. Беннигсенъ не считалъ еще игры проигранной. Допуская мнѣніе Барклая и другихъ о невозможности принять оборонительное сраженіе подъ Филями, онъ, проникнувшись русскимъ патріотизмомъ и любовью къ Москвѣ, предлагалъ перевести войска къ ночи съ праваго на лѣвый флангъ и ударить на другой день на правое крыло французовъ. Мнѣнія раздѣлились: были споры въ пользу и противъ этого мнѣнія. Ермоловъ, Дохтуровъ и Раевскій согласились съ мнѣніемъ Беннигсена. Остальные генералы, оставляя въ сторонѣ вопросъ о Москвѣ, говорили о томъ направленіи, которое въ своемъ отступленіи должно было принять войско. Малаша, которая, не спуская глазъ, смотрѣла на то, что дѣлалось передъ нею, иначе понимала значеніе этого совѣта. Ей казалось, что дѣло было только въ личной борьбѣ между дѣдушкой и «длиннополымъ», какъ она называла Беннигсена. Она видѣла, что они злились, когда говорили другъ съ другомъ, и въ душѣ своей она держала сторону «дѣдушки». Въ срединѣ разговора она замѣтила быстрый, лукавый взглядъ, брошенный дѣдушкой на Беннигсена, и вслѣдъ за тѣмъ къ радости своей замѣтила, что дѣдушка, сказавъ что-то длиннополому, осадилъ его. Беннигсенъ вдругъ покраснѣлъ и сердито прошелся по избѣ. Слова, такъ подѣйствовавшія на Беннигсена, было спокойнымъ и тихимъ голосомъ выраженное Кутузовымъ мнѣніе о выгодѣ и невыгодѣ предложенія Беннигсена: о переводѣ къ ночи войскъ съ праваго фланга на лѣвый флангъ для атаки праваго крыла французовъ.

— Я, господа,—сказалъ Кутузовъ,—не могу одобрить плана графа. Передвиженія войскъ въ близкомъ разстояніи отъ непріятеля всегда бываютъ опасны, и военная исторія подтверждаетъ это соображеніе. Такъ, напримѣръ... (Кутузовъ какъ будто задумался, пріискивая примѣръ и свѣтлымъ наивнымъ взглядомъ глядя на Беннигсена)... Да вотъ хоть бы Фридландское сраженіе, которое, какъ я думаю, графъ хорошо помнитъ, было... не вполнѣ удачно только оттого, что войска наши перестраивались въ слишкомъ близкомъ разстояніи отъ непріятеля.

Послѣдовало, показавшееся всѣмъ очень продолжительнымъ, минутное молчаніе.

Пренія опять возобновились, но часто наступали перерывы и чувствовалось, что говорить больше не о чемъ.

Во время одного изъ такихъ перерывовъ Кутузовъ тяжело вздохнулъ, какъ бы собираясь говорить. Всѣ оглянулись на него.

— Итакъ, господа, стало-быть, мнѣ платить за перебитые горшки,— сказалъ онъ. И, медленно приподнявшись, онъ подошелъ къ столу.— Господа, я слышалъ ваши мнѣнія. Нѣкоторые будутъ несогласны со мной. Но я (онъ остановился) властью, врученною мнѣ моимъ Государемъ и Отечествомъ, я — приказываю отступленіе.

Вслѣдъ за этимъ генералы стали расходится съ тою торжественною и молчаливой осторожностью, съ которою расходятся послѣ похоронъ.

Малаша, которую уже давно ждали ужинать, осторожно спустилась задомъ съ палатей, цѣпляясь босыми ножонками за уступы печки и, замѣшавшись между ногъ генераловъ, шмыгнула въ дверь.

Отпустивъ генераловъ, Кутузовъ долго сидѣлъ, облокотившись на на столъ, и думалъ все о томъ же страшномъ вопросѣ: «Когда же, когда же, наконецъ, рѣшилось то, что оставлена Москва? Когда было сдѣлано то, что рѣшило вопросъ, и кто виноватъ въ этомъ?»

— Этого, этого я не ждалъ,—сказалъ онъ вошедшему къ нему, уже поздно ночью, адъютанту.—Этого я не ждалъ! Этого я не думалъ!

— Вамъ надо отдохнуть, ваша свѣтлость,—сказалъ адъютантъ.

— Да нѣтъ же! Будутъ они лошадиное мясо жрать, какъ турки,—не отвѣчая, прокричалъ Кутузовъ, ударяя пухлымъ кулакомъ по столу,— будутъ и они, только бы...

Графъ Л. Толстой.

Занятіе Москвы Наполеономъ.

(Военная пѣсня).

Ночь темна была и не мѣсячна,
Рать скучна была и нерадостна;
Всѣ солдатушки призадумались,
Призадумались, горько всплакали.
Велико чудо совершилося:
У солдатъ слезы градомъ сыпались.
Не люта змѣя, кровожадная,
Грудь сосала ихъ богатырскую,
То тоска грызла ретивы сердца,
Ретивы сердца, молодецкія.
Не отцовъ родныхъ оплакивали
И не женъ молодыхъ и не дѣтушекъ,
Какъ оплакивали родимую —
Мать родимую, мать-кормилицу,

Златоглавую Москву милую,
Разоренную Бонапартіемъ.
Тутъ какъ вдругъ они встрепенулися,
Словно вихрь - орлы, взоры кинули
Во всѣ стороны и воскликнули
Всѣ въ одинъ голосъ, какъ въ злату трубу:
«Молодцы-братцы, удалы друзья,
Неизмѣнныя чада русскія!
Что дадимъ, братцы, клятву кровную,
Клятву кровную, задушевную:
Чтобъ не видѣть намъ ни домовъ своихъ,
Ни отцовъ родныхъ, ни младыхъ намъ женъ,
Малыхъ дѣтушекъ, роду-племени,
Не самой души — красной дѣвицы,
Не побивъ силы Бонапартовой,
Не отмстивъ врагу за родну Москву.
Отсѣчемъ ему мы возвратный путь,
И мы примемся постаринному,
Постаринному, — по-суворовски,
Закричимъ «ура!» и пойдемъ впередъ,
На штыкахъ пройдемъ силы вражія,
Перебьемъ мы ихъ, переколемъ всѣхъ;
Кто пятокъ убьетъ, кто десяточекъ,
А лютой боецъ до пятнадцати.
Не дадимъ, друзья, люта промаху,
Постараемся всѣ, ребятушки,
Чтобы самъ злодѣй на штыкѣ погибъ,
Чтобъ вся рать его здѣсь костьми легла,
Ни одна бъ душа иновѣрная
Не пришла назадъ въ свою сторону,
А народы всѣ матерой земли
Чтобъ повѣдали, каково итти
Со оружіемъ во святую Русь».

Н. Ильинъ.

Въ Москвѣ 1 сентября 1812 года.

Проснувшись 1-го числа, графъ Илья Андреевичъ Ростовъ потихоньку вышелъ изъ спальни и въ своемъ лиловомъ шелковомъ халатѣ вышелъ на крыльцо. Подводы, увязанныя, стояли на дворѣ. У крыльца стояли экипажи. Дворецкій стоялъ у подъѣзда, разговаривая съ старикомъ денщикомъ и съ молодымъ блѣднымъ офицеромъ съ подвязанной рукой. Дворецкій, увидавъ графа, сдѣлалъ офицеру и денщику значительный и строгій знакъ, чтобъ они удалились.

— Ну, что, все готово, Васильичъ?—сказалъ графъ, потирая свою лысину и добродушно глядя на офицера и денщика и кивая имъ головой.

— Хоть сейчасъ запрягать, ваше сіятельство!

— Ну, и славно, вотъ графиня проснется, и съ Богомъ! Вы что, господа?—обратился онъ къ офицеру.—У меня въ домѣ?—Офицеръ придвинулся ближе. Блѣдное лицо его вспыхнуло вдругъ яркой краской.

— Графъ, сдѣлайте одолженіе, позвольте мнѣ... ради Бога... гдѣ-нибудь, пріютиться на вашихъ подводахъ. Здѣсь у меня ничего съ собою нѣтъ... Мнѣ на возу все равно.

Еще не успѣлъ договорить офицеръ, какъ денщикъ съ тою же просьбой для своего господина обратился къ графу.

— Ахъ, да, да, да,—поспѣшилъ заговорить графъ.—Я очень, очень радъ. Васильичъ, ты распорядись... ну, тамъ очистить одну или двѣ телѣги, ну, тамъ... что же...—какими-то неопредѣленными выраженіями, что-то приказывая, сказалъ графъ. Но въ то же время горячее выраженіе благодарности офицера уже закрѣпило то, что онъ приказывалъ. Графъ оглянулся вокругъ себя: на дворѣ, въ воротахъ, въ окнѣ флигеля виднѣлись раненые и денщики. Всѣ они смотрѣли на графа и подвигались къ крыльцу.

— Пожалуйте, ваше сіятельство, въ галлерею: тамъ какъ прикажете насчетъ картинъ? — сказалъ дворецкій. И графъ вмѣстѣ съ нимъ пошелъ въ домъ, повторяя свое приказаніе о томъ, чтобъ не отказывать раненымъ, которые просятся ѣхать.

— Ну что же, можно сложить что нибудь, — прибавилъ онъ тихимъ, таинственнымъ голосомъ, какъ бы боясь, чтобъ кто-нибудь его не услышалъ.

Въ девять часовъ проснулась графиня, и Матрена Тимоѳеевна, бывшая ея горничная, пришла доложить, что всѣ подводы развязываютъ, добро снимаютъ и набираютъ съ собой раненыхъ, которыхъ графъ по простотѣ своей приказалъ забирать съ собой. Графиня велѣла попросить къ себѣ мужа.

— Что это, мой другъ, я слышу, вещи опять снимаютъ?

— Знаешь, дружокъ, я вотъ что хотѣлъ тебѣ сказать... графинюшка... ко мнѣ приходилъ офицеръ. Просятъ, чтобъ дать нѣсколько подводъ подъ раненыхъ. Вѣдь это все дѣло наживное, а каково имъ оставаться, подумай... Право, у насъ на дворѣ—сами мы ихъ зазвали—офицеры тутъ есть... Знаешь, думаю, право дружокъ мой, вотъ... пускай ихъ свезутъ... куда же торопиться...

Графиня приняла покорно-плачевный видъ и сказала мужу:

— Послушай, графъ, ты довелъ до того, что за домъ ничего не даютъ, а теперь все наше состояніе погубить хочешь. Вѣдь ты самъ говоришь, что въ домѣ на сто тысячъ добра. Я, мой другъ, не согласна и не согласна. Воля твоя! На раненыхъ есть правительство... Посмотри, вонъ напротивъ еще третьяго дня все дочиста вывезли. Вотъ какъ люди дѣлаютъ! Одни мы дураки. Пожалѣй хоть не меня, такъ дѣтей.

Графъ замахалъ руками.

— Папа, о чемъ вы это? — сказала ему Наташа, вошедшая въ комнату матери.

— Ни о чемъ. Тебѣ что за дѣло? — сердито проговорилъ графъ.

— Нѣтъ, я слышала, — сказала Наташа. — Отчего же маменька не хочетъ?

— Тебѣ что за дѣло? — крикнулъ графъ.

Наташа подошла къ окну и задумалась. Потомъ вышла и, какъ будто съ трудомъ соображая что-то, побѣжала внизъ.

На крыльцѣ стоялъ Петя, занимавшійся вооруженіемъ людей, которые ѣхали изъ Москвы. На дворѣ все также стояли заложенныя подводы. Двѣ изъ нихъ были развязаны, и на одну изъ нихъ взлѣзалъ офицеръ, поддерживаемый денщикомъ.

— Ты знаешь, за что? — спросилъ Петя Наташу. (Наташа поняла, что Петя разумѣлъ, за что поссорились отецъ съ матерью). Она не отвѣчала.

— За то, что папенька хотѣлъ отдать всѣ подводы подъ раненыхъ,— сказалъ Петя. — Мнѣ Васильичъ сказалъ. По-моему...

— По-моему, — вдругъ почти закричала Наташа, обращая свое озлобленное лицо къ Петѣ, — по-моему, это такая гадость, такая мерзость, такая... я не знаю! Развѣ мы нѣмцы какіе-нибудь!..

Горло ея задрожало отъ судорожныхъ рыданій, и она, боясь ослабѣть и выпустить даромъ зарядъ своей злобы, повернулась и стремительно бросилась по лѣстницѣ.

Графъ съ трубкой въ рукахъ ходилъ по комнатѣ, когда Наташа съ изуродованнымъ злобой лицомъ, какъ буря, ворвалась въ комнату и быстрыми шагами подошла къ матери.

— Это гадость, это мерзость! — закричала она. — Это не можетъ быть, чтобы вы приказали!

Графиня недоумѣвающе и испуганно смотрѣла на нее. Графъ остановился у окна, прислушиваясь.

— Маменька, это нельзя! Посмотрите, что на дворѣ! — закричала она, — они остаются!..

— Что съ тобой? Кто они? Что тебѣ надо?

— Раненые, вотъ кто! Это нельзя, маменька; это ни что не похоже!.. Нѣтъ, маменька, голубушка, это не то, простите, пожалуйста, голубушка!.. Маменька, ну, что намъ то, что мы увеземъ, вы посмотрите только, что на дворѣ!.. Маменька, это не можетъ быть!..

Графъ стоялъ у окна и, не поворачивая лица, слушалъ слова Наташи. Вдругъ онъ засопѣлъ носомъ и приблизилъ свое лицо къ окну.

Графиня взглянула на дочь, увидала ея пристыженное за мать лицо, увидала ея волненіе, поняла, отчего мужъ теперь не оглядывался на нее, и съ растеряннымъ видомъ оглянулась вокругъ себя.

— Ахъ, да дѣлайте, какъ хотите, развѣ я мѣшаю кому-нибудь! — сказала она, еще не вдругъ сдаваясь.

— Маменька, голубушка, простите меня!

Но графиня оттолкнула дочь и подошла къ графу.

— Другъ мой! ты распорядись, какъ надо... Я вѣдь не знаю этого,— сказала она, виновато опуская глаза...

— Яица... яица курицу учатъ... сквозь счастливыя слезы проговорилъ графъ и обнялъ жену, которая рада была скрыть на его груди свое пристыженное лицо.

— Папенька, маменька, можно распорядиться? Можно? — спрашивала Наташа. — Мы все-таки возьмемъ самое нужное...

Графъ утвердительно кивнулъ ей головой, и Наташа тѣмъ быстрымъ бѣгомъ, которымъ она бѣгивала въ горѣлки, побѣжала по залѣ въ переднюю и по лѣстницѣ на дворъ.

Люди собрались вокругъ Наташи и до тѣхъ поръ не могли повѣрить тому странному приказанію, которое она передавала, пока самъ графъ именемъ своей жены не подтвердилъ приказанія о томъ, чтобъ отдавать всѣ подводы подъ раненыхъ, а сундуки сносить въ кладовыя. Понявъ приказаніе, люди съ радостью и хлопотливостью принялись за новое дѣло. Прислугѣ теперь это не только не казалось страннымъ, но, напротивъ, казалось, что это не могло быть иначе; точно такъ же, какъ за четверть часа передъ этимъ никому не только не казалось страннымъ, что оставляютъ раненыхъ, а берутъ вещи, но казалось, что не могло быть иначе.

Раненые повыползали изъ своихъ комнатъ и съ радостными, блѣдными лицами окружили подводы. Въ сосѣднихъ домахъ тоже разнесся слухъ, что есть подводы, и на дворъ къ Ростовымъ стали приходить раненые изъ другихъ домовъ. Многіе изъ раненыхъ просили не снимать вещей и только посадить ихъ сверху. Но разъ начавшееся дѣло свалки вещей уже

не могло остановиться. Было все равно, оставлять все или половину. На дворѣ лежали неубранные сундуки съ посудой, съ бронзой, съ картинами, съ зеркалами, которые такъ старательно укладывали въ прошлую ночь; и все искали и находили возможность сложить то и то, и отдать еще и еще подводы.

— Четверыхъ еще можно взять, — говорилъ управляющій, — я свою повозку отдаю, а то куда же ихъ!

— Да отдайте мою гардеробную! — говорила графиня. — Дуняша со мной сядетъ въ керету.

Отдали еще и гардеробную повозку и отправили ее за ранеными черезъ два дома. Всѣ домащніе и прислуга были весело оживлены. Наташа находилась въ восторженно счастливомъ оживленіи, котораго она давно не испытывала.

Въ бричкѣ все было полно людей. Сомнѣвались о томъ, куда сядетъ Петръ Ильичъ.

— Онъ на козлы! Вѣдь ты на козлы, Петя? — кричала Наташа.

Во второмъ часу заложенные и уложенные четыре экипажа Ростовыхъ стояли у подъѣзда. Подводы съ ранеными, одна за другой, съѣзжали со двора.

Графъ Левъ Толстой.

Оставленіе Москвы.

Настало второе сентября.

Въ Москву, днемъ и ночью, подходили подводы, наполненныя тысячами раненыхъ. «Кровавое Бородино» вдвигалось въ московскія улицы со смоленской дороги, въ то время какъ по владимирской, рязанской и тульской уѣзжали, тѣсня другъ друга, разновидныя кареты, коляски, брички и телѣги съ послѣдними убѣгавшими москвичами.

Русскія войска, направляясь со смоленской дороги на рязанскую, стали проходить черезъ Москву. Непріятельская армія слѣдомъ за ними приближалась къ Дорогомиловской заставѣ. Подъ городомъ слышалась перестрѣлка передовой французской цѣпи съ казаками и уланами русскаго арьергарда.

Лихой и храбрый начальникъ этого арьергарда, «крылатый», какъ его звали, Милорадовичъ, съ цѣлью облегчить отступленіе русскимъ отрядамъ и дать выйти изъ города послѣднимъ жителямъ и обозамъ, объявилъ столь же лихому и отважному вождю французскаго авангарда, неаполитанскому королю Мюрату, что, если французы на время не пріостановятся, ихъ встрѣтитъ бой на штыкахъ и ножахъ къ каждой улицѣ и въ каждомъ домѣ Москвы. Мюратъ заключилъ съ Милорадовичемъ словесное, до ночи, перемиріе.

Перестрѣлка на время прекратилась. Французскіе полки, въ виду уже развернувшейся передъ ними Москвы, замедлили наступленіе.

Вышедшій благополучно изъ Бородинскаго боя Перовскій сумрачно ѣхалъ верхомъ сзади Милорадовича съ другимъ офицеромъ, черноволосымъ и съ ямочками на румяныхъ щекахъ, Квашнинымъ. Добрый, привлекательнаго нрава товарищъ и словоохотливый собесѣдникъ, Квашнинъ, такъ же, какъ и Перовскій, былъ наканунѣ съ Милорадовичемъ въ Филяхъ, гдѣ происходилъ важный военный совѣтъ, и гдѣ, у квартиры свѣтлѣйшаго, онъ удостоился не только видѣть всѣхъ главныхъ генераловъ арміи и штаба главнокомандующаго, но и наслышался любопытнѣйшихъ военныхъ и политическихъ сужденій и вѣстей, которыя впослѣдствіи стали достояніемъ исторіи.

— Битва гигантовъ! Такъ, а не иначе, отнынѣ будутъ называть Бородино! — сказалъ Квашнинъ, краснѣя отъ собственнаго выспренняго выраженія и поглаживая короткими, пухлыми пальцами усталаго и взмыленнаго своего коня. — А слышали вы, Василій Алексѣевичъ, — спросилъ онъ, сторонясь отъ обломившейся фуры, которую усталые и потные солдаты, копошась, ладили на пути, — знаете ли, сколько выбыло у насъ изъ строя подъ Бородинымъ?

— Было море крови, — одно скажу! — вспоминая картины Бородина, со вздохомъ отвѣтилъ Перовскій. — Мы съ вами зато уцѣлѣли, даже и не ранены!..

— Ну, что же, нашъ чередъ еще впереди!.. Да нѣтъ, вы послушайте; это что-то, клянусь, сказочное и небывалое!—продолжалъ оживленно Квашнинъ. — Адъютантъ Ермолова, Тюхтинъ, передавалъ... очевидно, подсчитали въ главномъ штабѣ... Бой длился всего десять часовъ, и въ это время, представьте, — продолжалъ, оставивъ поводъ, Квашнинъ, — у насъ выбыло изъ рядовъ, убитыми и ранеными, до пятидесяти тысячъ человѣкъ; у французовъ, говорятъ, столько же, а на сто тысячъ всѣхъ выбывшихъ изъ строя кладутъ до сорока тысячъ убитыхъ... Вѣдь это ужасъ! И ужъ не знаю, вѣрно ли, что у насъ и у нихъ при этомъ убито и ранено болѣе пятидесяти генераловъ, выпущено приблизительно до шестидесяти тысячъ пушечныхъ снарядовъ, а ружейныхъ что-то болѣе полутора милліарда. Это — какъ вы думаете? — по расчету, выходитъ на каждую минуту боя болѣе двухъ тысячъ выстрѣловъ, при чемъ на каждые тридцать выстрѣловъ одинъ смертельный... А? Каково? Не ужасъ ли! Гдѣ и въ какія времена столько проливали крови и убивали?

— Не забудьте, впрочемъ, въ утѣшеніе, мой дорогой, одного, — рѣзко обратился къ Квашнину, какъ бы оправдываясь отъ какихъ-либо обвиненій, Перовскій,—мы потеряли, но зато чуть не вдвое потеряли и наши враги! Не даромъ Наполеонъ, какъ передавалъ вчера въ штабѣ одинъ плѣнный, такъ злился послѣ даннаго ему отпора, что мы не уступили ему ни пяди, грозно провели ночь на мѣстѣ сраженія и скрылись отъ него, хоть не нападая, но и не прося пощады... Въ штабѣ радуются, увѣряютъ,— продолжалъ раздражительно Перовскій, — что французы, занявъ уступленную имъ безъ боя Москву, примутъ первыя предложенныя имъ условія мира. Утверждаютъ, что они отпразднуютъ этотъ миръ шумно и торжественно и, удовлетворивъ свою спесь, безъ замедленія уйдутъ въ Польшу. Этого, надо думать, не случится: мы не можемъ, не должны заключать постыднаго мира!—договорилъ, подбирая поводья и догоняя Милорадовича, Перовскій. — Москва — конецъ Наполеону, могила его счастья и славы, я этому вѣрю, объ этомъ молюсь... Иначе не можетъ быть.

Улицы, по которымъ сталъ двигаться арьергардъ, были загромождены послѣдними уходившими обозами и экипажами.

— Идутъ, идутъ! Французы на Воробьевыхъ горахъ!—кричали метавшіеся между подводами пѣшеходы.

Изъ опустѣлыхъ переулковъ доносились дикіе крики пьяной черни, разбивавшей брошенныя лавки, съ красными и бакалейными товарами и кабаками. Испуганные, не успѣвшіе уйти горожане прятались въ подвалы и погреба, либо, выходя изъ воротъ съ иконами въ рукахъ, кланялись, спрашивая встрѣчныхъ, наши ли побѣдили, или мы отступаемъ. Цѣлые ряды домовъ по бульварамъ и вдоль болотистой рѣчки Неглинной, у Кремля, стояли мрачно-безмолвные, съ заколоченными ставнями и дверями.

Милорадовичъ, достигнувъ Устинскаго моста черезъ Яузу, сталъ пропускать мимо себя свои колонны. Къ нему подскакалъ съ донесеніемъ казачій офицеръ.

— Поручикъ Перовскій и прапорщикъ Квашнинъ! — крикнулъ Милорадовичъ.

Оба офицера подъѣхали къ нему.

— Вы—москвичи; знаете мѣстность? — спросилъ онъ.

— Знаемъ!

— Скачите... вы, Перовскій, къ Лефортовской, а вы, Квашнинъ, къ Бутырской заставамъ... Торопите запоздалыхъ... Сбился генералъ Сикорскій, отстали казаки... Перемиріе врядъ ли продлится... Непріятель обходитъ насъ въ переѣзъ изъ Сокольниковъ, на Лефортово. Если что нужно, дайте знать!.. Привалъ за Рогожскою заставой.

Г. Михайловскій-Данилевскій.

Поклонная гора.

Тамъ, на покатой горѣ, зеленѣли когда-то три дуба.
Хищный орелъ залетѣлъ и, усѣвшись подъ тѣми дубами,
Взглядомъ кровавымъ въ добычу впился и готовилъ ужъ когти.
Былъ бы пиръ, да спалило грозою могучія крылья,
Перья вѣтеръ разнесъ и засыпало зимнимъ ихъ снѣгомъ.
Тамъ, за Москвой, на Поклонной горѣ, зеленѣли тѣ дубы.
Не орлу съ той горы, а пришельцу, вождю легіоновъ, [1])
Наша предстала Москва съ золотыми своими верхами;
И, простершись во всю широту, ожидала безмолвно
Жертва смиренная, жертва святая — да судъ совершится.
А по полямъ шли полки, громовыя катились орудья;
Двадцать народовъ тѣснились вокругъ съ знаменами Европы;
Двигалось все, и неслось, и жадно вторгалось; но страшно
Было итти имъ вдоль улицъ безлюдныхъ, безмолвныхъ и слушать
Въ той тишинѣ только топотъ копытъ безподковныхъ ихъ коней.
Здѣсь, изъ-подъ этихъ дубовъ, онъ смотрѣлъ, выжидая посольства,
Нашихъ сенаторовъ ждалъ и бояръ, — и сердился и кликалъ;
Только они не пришли и торжественной не было встрѣчи.
Правда, Москву въ ту же ночь освѣтили и мы — да пожаромъ...
Сильный съ тѣхъ поръ подъ землей; а природа все вновь зеленѣетъ.
О, какъ любилъ я смотрѣть въ тишинѣ на эти три дуба!
Въ тихомъ вечернемъ сіяньѣ они такъ мирно стояли.
Онъ же, подъ тѣнію ихъ, озиравшій, какъ демонъ, святыню,
Не видалъ надъ своей головой, что звѣзда его гаснетъ.
Мрачно сошелъ онъ съ горы, — не сошелъ онъ съ утеса Елены.

М. Дмитріевъ.

Наполеонъ подъ Москвой.

Въ 10 часовъ утра, 2 сентября, Наполеонъ стоялъ между своими войсками на Поклонной горѣ и смотрѣлъ на открывавшееся передъ нимъ зрѣлище. Начиная съ 26 августа и по 2 сенятбря, отъ Бородинскаго сраженія и до вступленія непріятеля въ Москву, во всѣ дни этой тревожной, этой

---

[1]) Наполеонъ.

памятной недѣли, стояла необычайная, всегда удивляющая людей, осенняя погода, когда низкое солнце грѣетъ жарче, чѣмъ весной; когда все блеститъ въ рѣдкомъ, чистомъ воздухѣ такъ, что глаза рѣжетъ; когда грудь крѣпнетъ и свѣжѣетъ, вдыхая осенній пахучій воздухъ; когда ночи даже бываютъ теплыя, и когда въ темныхъ, теплыхъ ночахъ этихъ съ неба, безпрестанно пугая и радуя, сыплются золотыя звѣзды.

2 сентября, въ 10 часовъ утра, была такая погода.

Блескъ утра былъ волшебный. Москва съ Поклонной горы разстилалась просторно съ своей рѣкой, своими садами и церквами и, казалось, жила своей жизнью, трепеща, какъ звѣздами, своими куполами, въ лучахъ солнца.

— Вотъ онъ, наконецъ, этотъ знаменитый азіатскій городъ съ своими безчисленными церквами, священная Москва! Давно пора! — сказалъ Наполеонъ и, слѣзши съ лошади, велѣлъ разложить передъ собою планъ этой Москвы и подозвалъ переводчика. Ему странно было самому, что, наконецъ, свершилось его давнишнее, казавшееся ему невозможнымъ, желаніе. Въ ясномъ утреннемъ свѣтѣ онъ смотрѣлъ то на городъ, то на планъ, провѣряя подробности этого города, и увѣренность обладанія волновала и ужасала его.

«Но развѣ могло быть иначе?—подумалъ онъ.—Вотъ она эта столица—у моихъ ногъ, ожидая судьбы своей. Гдѣ теперь Александръ, и что думаетъ онъ? Странный, красивый, величественный городъ! И странная и величественная эта минута!»

— Пусть приведутъ ко мнѣ бояръ,—обратился онъ къ свитѣ.

Генералъ съ блестящей свитой тотчасъ же поскакалъ за боярами.

Прошло два часа. Наполеонъ позавтракалъ и опять стоялъ на томъ же мѣстѣ, на Поклонной горѣ, ожидая депутацій. Рѣчь его къ боярамъ уже ясно сложилась въ его воображеніи. Рѣчь эта была исполнена достоинства и того величія, которое понималъ Наполеонъ.

Между тѣмъ въ задахъ свиты императора происходило шопотомъ взволнованное совѣщаніе между его генералами и маршалами. Посланные за депутаціей вернулись съ извѣстіемъ, что Москва пуста, что всѣ уѣхали и ушли изъ нея. Лица совѣщавшихся были блѣдны и взволнованы. Не то, что Москва была оставлена жителями, какъ ни важно это событіе, пугало ихъ, но ихъ пугало то, какимъ образомъ объявить о томъ императору, какимъ образомъ, не ставя его величество въ смѣшное положеніе, объявить ему, что онъ напрасно ждалъ бояръ такъ долго, что есть толпы пьяныхъ, но никого больше. Одни говорили, что надо было, во что бы то ни стало, собрать хоть какую-нибудь депутацію; другіе оспаривали это мнѣніе и утверждали, что надо осторожно и умно приготовить императора, объявить ему правду.

— А все-таки надо ему сказать...—говорили господа изъ свиты.

Положеніе было тѣмъ тяжелѣе, что императоръ, обдумывая свои планы великодушія, терпѣливо ходилъ взадъ и впередъ передъ планомъ, посматривая изрѣдка изъ-подъ руки по дорогѣ въ Москву и весело и гордо улыбаясь.

— Но это невозможно...—пожимая плечами, говорили господа свиты.

Между тѣмъ императоръ, уставши отъ тщетнаго ожиданія, подалъ рукою знакъ. Раздался одинокій выстрѣлъ сигнальной пушки, и войска, съ разныхъ сторонъ обложившія Москву, двинулись въ Москву—въ Тверскую, Калужскую и Дорогомиловскую заставы. Быстрѣе и быстрѣе, перегоняя одни другихъ, бѣглымъ шагомъ и рысью двигались войска, скры-

ваясь въ поднимаемыхъ ими облакахъ пыли и оглашая воздухъ сливавшимися гулами криковъ.

Увлеченный движеніями войскъ, Наполеонъ доѣхалъ съ войсками до Дорогомиловской заставы, но тамъ опять остановился и, слѣзши съ лошади, долго ходилъ у Камеръ-Коллежскаго вала, ожидая депутаціи.

Москва, между тѣмъ, была пуста. Въ ней были еще люди, въ ней оставалась еще пятидесятая часть всѣхъ бывшихъ прежде жителей, но она была пуста, какъ бываетъ пустъ домирающій, обезматочившійся улей.

Такъ пуста была Москва, когда Наполеонъ, усталый, безпокойный и нахмуренный, ходилъ взадъ и впередъ у Камеръ-Коллежскаго вала, ожидая того хотя внѣшняго, но необходимаго, по его понятіямъ, соблюденія приличій—депутаціи.

Въ разныхъ углахъ Москвы только безсмысленно еще шевелились люди, соблюдая старыя привычки и не понимая того, что они дѣлали.

Когда Наполеону съ должной осторожностью было объявлено, что Москва пуста, онъ сердито взглянулъ на доносившаго объ этомъ и, отвернувшись, продолжалъ ходить молча.

— Подать экипажъ,—сказалъ онъ.

Онъ сѣлъ въ карету рядомъ съ дежурнымъ адъютантомъ и поѣхалъ въ предмѣстье.

«Москва пуста! Какое невѣроятное событіе!» говорилъ онъ самъ съ собой.

Онъ не поѣхалъ въ городъ, а остановился на постояломъ дворѣ Дорогомиловскаго предмѣстья.

Графъ Левъ Толстой.

Воробьевы горы.

Не горятъ златыми льдами,
Не пурпурными снѣгами,
Средь небесной синевы
Ихъ вѣнчанныя главы;
Съ ребръ не хлещутъ водопады;
Бездны, воя и шумя,
Не страшатъ пришельца взгляды,
Ни пугливаго коня;
Но люблю я эти горы
Въ простотѣ веселой ихъ,
Ихъ обрывы, ихъ уборы
Перелѣсковъ молодыхъ.
Тамъ любилъ я въ полдень жаркій
Въ тишинѣ бродить. Вдали
Предо мною лентой яркой
Волны рѣзвыя текли;
Прилеталъ порой тяжелый,
Звучный гулъ колоколовъ,
И блисталъ, какъ бы съ престола,
Между доловъ и холмовъ,
Сердце Руси православной,
Градъ святой, перводержавный,
Вѣковой — Москва сама,
И сады ея густые,
И пруды заповѣдные,

Колокольни, терема,
Кровель море разливное,
И, въ торжественномъ покоѣ,
Между ними въ вышинѣ,
Кремль старинный, сановитый,
Нашъ алтарь, въ крови омытый
И искупленный въ огнѣ.
Съ этихъ горъ святой вершины
Страшный міру исполинъ [1])
Устремлялъ свой взоръ орлиный
На московскія равнины
И огни своихъ дружинъ.
«Вотъ—онъ мнилъ—вѣнецъ желанный,
Плодъ трофеевъ и утратъ!
Мы отсюда дланью бранной
Спеленаемъ сѣверъ льдяный,
Сдавимъ гордый Араратъ:
И пустынные народы
Предо мной копье склонятъ,
И дополюсныя воды
У моихъ восплещутъ пятъ!
Мнѣ ль ты царство устрояла,
Вѣнценосная Жена?
Для меня ль ты насаждала
Здѣсь величья сѣмена?
Я пожалъ ихъ въ бранномъ дымѣ:
Царство руссовъ мнѣ дано!
И заблещетъ днесь оно
Въ европейской діадемѣ,
Какъ азійское зерно».
Такъ онъ мнилъ: вѣнецъ нетлѣнный,
Міра кровью окропленный,
Зрѣлъ надъ гордой головой
И сжималъ весь кругъ вселенной
Скиптроносною рукой;
А межъ тѣмъ, угрюмъ и страшенъ,
Мракъ спускался на поля,
И вокругъ кремлевскихъ башенъ
Кралась пламени змѣя [2]).

Майковъ.

Пожаръ Москвы 1812 года.

Вотъ башни полудикія Москвы
Передъ тобой въ вѣнцахъ изъ злата
Горятъ на солнцѣ... Но увы!
То — солнце твоего заката.
Москва — побѣдъ твоихъ предѣлъ!
Чтобъ увидать верхи ея златые,
Суровый Карлъ лилъ слезы ледяныя

[1]) Наполеонъ.
[2]) Пожаръ Москвы.

И тщетно! — Ты ее узрѣлъ.
И что жъ увидѣлъ ты? Ея дворцы и храмы —
Все рушилось, все пожирало пламя!
Кто жъ раскалилъ пожаръ жестокій въ ней?
Свой порохъ отдали солдаты,
Солому съ кровли несъ своей
Мужикъ; товаръ свой далъ купецъ богатый,
Свои палаты каменныя князь,
И вотъ Москва отвсюду занялась!
Вулканъ великій, несравненный,
Единственный во всей вселенной!
Передъ огнемъ ужаснымъ тѣмъ
И Этна [1]) съ Геклой кажутся ничѣмъ;
Везувія [2]) предъ нимъ блѣднѣетъ слава:
Онъ только жалкая забава
Туриста [3]) празднаго! — Лишь тотъ
Грядущій огнь съ тобой сравнится,
Въ которомъ міръ испепелится,
Который царства всѣ сожжетъ.

Байронъ [4]).

Великая панихида.

(1812 годъ).

Не отъ ливня, не отъ града,
И залиты и побиты,
Полегли хлѣба на полѣ:
То подъ матушкой-Москвою,
По доламъ и по равнинамъ,
Много храбрыхъ ратей русскихъ
И французскихъ полчищъ много
Ко сырой землѣ проникло,
Переколотыхъ, побитыхъ
Палашами и штыками
И дождемъ и пуль, и ядеръ...
Дѣти матери великой,
Милой родины защита,
Доброму царю радѣльцы!
За любовь, за жертвы ваши,
Что вы душу положили
За народъ свой и за землю,
Въ память вѣчную вамъ, братья,
Мы отпѣли панихиду,
И такую панихиду,
Что не видано на свѣтѣ
И не слыхано донынѣ!..
Но за всѣхъ васъ, славно павшихъ,
Свѣчъ у насъ не доставало,

---

[1]) и [2]) Вулканы.
[3]) Путешественникъ.
[4]) Великій англійскій поэтъ Байронъ также откликнулся этимъ стихотвореніемъ на войну 1812 года.

Воску вдоволь не хватало:
И подъ небомъ, храмомъ Божьимъ,
Мы зажгли отъ всей Россіи
Лишь одну свѣчу большую —
Матушку-Москву родную,
Чтобы та свѣча горѣла
Вамъ за упокой душевный,
А врагамъ на посрамленье!..

Щербина.

Москва.

Городъ чудный, городъ древній,
Ты вмѣстилъ въ свои концы
И посады, и деревни,
И палаты, и дворцы!
Опоясанъ лентой пашенъ,
Весь пестрѣешь ты въ садахъ...
Сколько храмовъ, сколько башенъ
На семи твоихъ холмахъ!
Исполинскою рукою
Ты, какъ хартія, развитъ
И надъ малою рѣкою
Сталъ великъ и знаменитъ.
На твоихъ церквахъ старинныхъ
Вырастаютъ дерева;
Глазъ не схватитъ улицъ длинныхъ...
Это матушка-Москва!
Кто, силачъ, возьметъ въ охапку
Холмъ Кремля-богатыря?
Кто собьетъ златую шапку
У Ивана-звонаря?
Кто царь-колоколъ подыметъ?
Кто царь-пушку повернетъ?
Шляпы кто, гордецъ, не сниметъ
У святыхъ въ Кремлѣ воротъ?
Ты не гнула крѣпкой выи
Въ бѣдовой своей судьбѣ, —
Развѣ пасынки Россіи
Не поклонятся тебѣ?
Ты, какъ мученикъ, горѣла,
Бѣлокаменная!
И рѣка въ тебѣ кипѣла
Бурнопламенная!
И подъ пепломъ ты лежала
Полоненною,
И изъ пепла ты востала
Неизмѣнною!
Процвѣтай же славой вѣчной,
Городъ храмовъ и палатъ,
Градъ срединный, градъ сердечный,
Коренный Россіи градъ!

1841. *Ѳед. Глинка.*

Кремль.

Сколько именъ, о Москва! и привѣтливыхъ и величавыхъ
Дѣти тебѣ воздаютъ! И мало ли ласковыхъ прозвищъ:
То бѣлокаменной, то златоглавой тебя величаютъ.
Видно, сроднились съ тобой, воспитавшей ихъ горькую юность:
Видно, помнятъ, что много за нихъ ты, какъ матерь, страдала!
Разъ лишь твой Кремль задрожалъ, какъ извергъ изъ себя чужеземца,
Двадцать народовъ съ собой приманившаго на пиръ незваный!
Любишь гостей ты, Москва; но на нихъ медовъ не достало!
Угостила по-русски ты ихъ: истопила ты баню
Да пустила, попаривши, ихъ поваляться по снѣгу!

М. Дмитріевъ.

Пожаръ Москвы. Съ нѣмецкой народной гравюры.

Пожаръ Москвы [1]).

Вѣтеръ затихъ. Густыя облака дыма не крутились уже въ воздухѣ. Какъ тяжкія свинцовыя глыбы, они висѣли надъ кровлями догоравшихъ домовъ. Смрадный, удушливый воздухъ захватывалъ дыханіе: ничто не одушевляло безжизненныхъ небесъ Москвы. Надъ дымившимися развалинами Охотнаго ряда не кружились рѣзвые голуби, и только въ вышинѣ, подъ самыми облаками, плавали стаи черныхъ коршуновъ.

[1]) На другой день послѣ занятія Москвы Наполеономъ въ городѣ начался сильный пожаръ, который достигъ Кремля. Наполеонъ принужденъ былъ бѣжать отсюда. Этотъ случай и описывается здѣсь.

На краю пологаго ската горы, опоясанной высокой кремлевской стѣною, стоялъ, закинувъ назадъ руки, человѣкъ небольшого роста, въ сѣромъ сюртукѣ и треугольной низкой шляпѣ. Внизу у самыхъ ногъ его, текла, изгибаясь, Москва-рѣка; освѣщенная багровымъ пламенемъ пожара, она, казалось, струилась кровью. Склонивъ угрюмое чело свое, онъ смотрѣлъ задумчиво на ея сверкающія волны... Ахъ! въ нихъ отразилась въ послѣдній разъ и потухла навѣки дивная звѣзда его счастья! Шагахъ въ десяти отъ него, наблюдая почтительное молчаніе, стояли французскіе маршалы, генералы и нѣсколько адъютантовъ. Они съ ужасомъ смотрѣли на пламенный океанъ, который, быстро разливаясь кругомъ всего Кремля, казалось, спѣшилъ поглотить сію священную и древнюю обитель царей русскихъ.

Въ то же самое время, внизу, противъ Тайницкихъ воротъ, прислонясь къ желѣзнымъ периламъ набережной, стоялъ видный собой купецъ въ синемъ поношенномъ кафтанѣ. Онъ посматривалъ съ примѣтнымъ удовольствіемъ то на Кремль, окруженный со всѣхъ сторонъ пылавшими домами, то на противоположный берегъ рѣки, на которомъ догорало обширное Замоскворѣчье.

— А! Это ты, Ваня? — сказалъ онъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ навстрѣчу къ молодому и рослому дѣтинѣ, который съ виду походилъ на мастерового.—Ну, что?

— Да слава Богу, Андрей Касьяновичъ! За Москвой-рѣкой все идетъ, какъ по маслу! На Зацѣпѣ и по всему валу хоть рожь молоти—гладехонько! На Пятницкой и Ордынкѣ, кой-гдѣ еще остались дома, да зато на Полянкѣ такъ дерма и деретъ.

— А у Серпуховскихъ воротъ?

— Въ трехъ мѣстахъ зажигали, да злодѣи-то наши все тушатъ. Загорѣлся было порядкомъ домъ Ивана Архиповича Сеземова; да и тотъ мы съ ребятами, по твоему приказу, отстояли.

— Постой-ка! Никакъ опять вѣтеръ подымается... Давай, Господи! И, кажется, съ Петербургской стороны?.. То-то бы славно!

— Въ самомъ дѣлѣ,—сказалъ мастеровой,—посмотри-ка, отъ Охотнаго ряда и Моховой какія головни опять полетѣли... Авось теперь и до Кремля доберется.

— Ага!—сказалъ купецъ, поднявъ кверху голову;—что?.. душно стало?.. выползли, проклятые?

—Ну, Ваня!—продолжалъ онъ, схвативъ за руку молодого парня,—такъ и есть! Вонъ, стоитъ на самомъ краю, въ сѣромъ сюртучишкѣ... это онъ!

— Кто?.. этотъ недоростокъ-то? Что ты, хозяинъ!

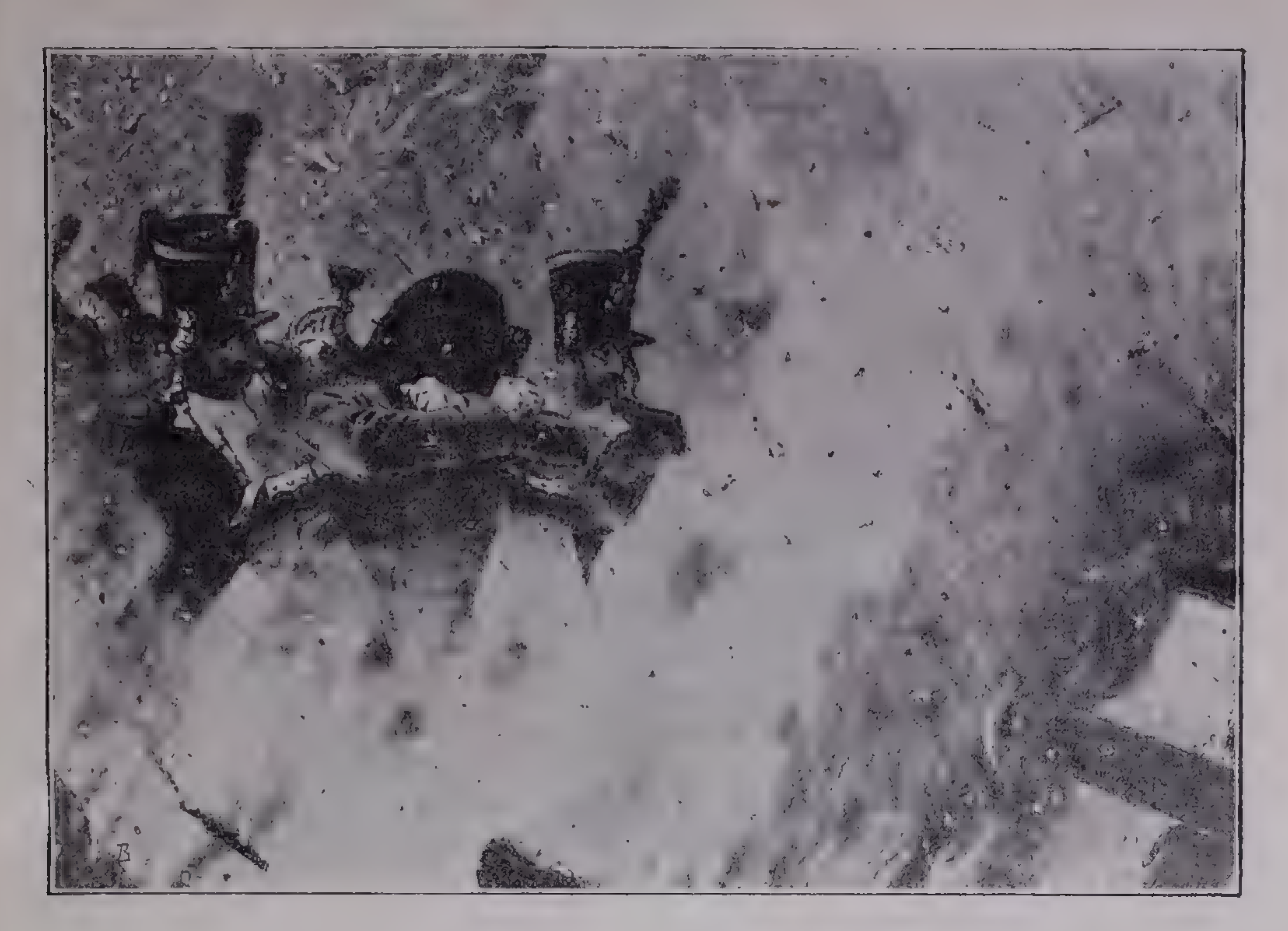
— Да, Ваня! развѣ ты не видишь, что онъ одинъ стоитъ въ шляпѣ?

— Въ самомъ дѣлѣ! Ахъ, батюшки свѣты! Вотъ диковинка-то! Ну, видно, по пословицѣ: не велика птичка, да ноготокъ востеръ! Ахъ, ты, Господи, Боже мой! въ рекруты не годится, а какихъ дѣлъ надѣлалъ!

— Посмотри-ка,—сказалъ купецъ,—какъ онъ стоитъ тамъ: одинъ одинехонекъ... въ дыму... словно коршунъ, выглядываетъ изъ-за тучи и виситъ надъ нашими головами. Да не сносить же и тебѣ своей башки, атаманъ разбойничій!

Человѣкъ пять французскихъ офицеровъ и одинъ польскій генералъ выбѣжали изъ Тайницкихъ воротъ на набережную.

— Боже мой!—вскричалъ генералъ,—кругомъ, со всѣхъ сторонъ, вездѣ огонь!.. Нѣтъ ли другого выхода изъ Кремля?

Бѣгство Наполеона изъ Кремля. «Сквозь пожаръ».
Съ карт. В. Верещагина.

— Посмотрите!! — сказалъ одинъ изъ офицеровъ.—Вонъ стоятъ ихъ двое... Съ какимъ скотскимъ равнодушіемъ смотрятъ они на этотъ ужасный пожаръ!..

— Постойте!—сказалъ генералъ,—если они такъ спокойны, то вѣрно знаютъ, какъ выйти изъ этого огненнаго лабиринта. Эй, голубчикъ!—продолжалъ онъ довольно чистымъ русскимъ языкомъ,—не можешь ли ты вывести насъ къ Тверской заставѣ?

— Извольте, ваша милость,—подхватилъ купецъ,—я васъ выведу къ Тверской заставѣ.

— Послушай, братецъ! Если ты проведешь насъ благополучно, то тебѣ хорошо заплатятъ; если же нѣтъ...

— Помилуйте, батюшка! Да я—здѣшній старожилъ, и всѣ закоулки знаю.

— Вотъ, кажется, самъ императоръ,—вскричалъ одинъ изъ офицеровъ.—Слава Богу! онъ рѣшился, наконецъ, оставить Кремль.

Человѣкъ въ сѣромъ сюртукѣ, окруженный толпою генераловъ, вышелъ изъ Тайницкихъ воротъ. На угрюмомъ, но спокойномъ лицѣ его не замѣтно было никакой тревоги. Онъ окинулъ быстрымъ взглядомъ всѣ окружности Каменнаго моста и прошепталъ сквозь зубы: «*варвары! скифы!*» Потомъ обратился къ польскому генералу и, устремя на него свой орлиный взглядъ, сказалъ отрывисто:—ну, что?

— Я нашелъ проводника,—отвѣчалъ почтительно генералъ;—и если вашему величеству угодно

— Ступайте впередъ!

Польскій генералъ подозвалъ купца и пошелъ вмѣстѣ съ нимъ, впереди толпы, которая, окруживъ со всѣхъ сторонъ Наполеона, пустилась

вслѣдъ за проводникомъ къ Каменному мосту. Когда они подошли къ угловой Кремлевской башнѣ, то вся Неглинная, Моховая и нѣсколько поперечныхъ улицъ представились ихъ взорамъ въ видѣ одного необозримаго пожара. Направо пылавшій желѣзный рядъ, какъ огненная стѣна, тянулся по берегу Неглинной; а съ лѣвой стороны пламя отъ догоравшихъ домовъ разстилалось во всю ширину узкой набережной.

— Какъ!—вскричалъ польскій генералъ:—неужели мы должны пройти сквозь этотъ огонь?

— Да,—отвѣчалъ купецъ.

— Боже мой! это настоящій адъ.

Купецъ усмѣхнулся.

— Чему жъ ты смѣешься, дуракъ?—вскричалъ съ досадою генералъ.

— Не погнѣвайтесь, ваша милость,—сказалъ купецъ;—да неужели этотъ огонь страшнѣе для васъ русскихъ ядеръ?

— Русскихъ ядеръ!.. Мы не боимся вашего оружія; но быть побѣдителями и сгорѣть живыми... нѣтъ, чортъ возьми! это вовсе не пріятно... Куда же ты?

— А вотъ налѣво, въ этотъ переулокъ.

Генералъ отступилъ назадъ и повторилъ съ ужасомъ:

— Въ этотъ переулокъ...

И въ самомъ дѣлѣ, было чего испугаться: узкій переулокъ, которымъ хотѣлъ ихъ вести купецъ, походилъ на отверстіе раскаленной печи; онъ изгибался позади домовъ, выстроенныхъ на набережной, и, казалось, не имѣлъ никакого выхода.

— Что жъ вы остановились? — сказалъ Наполеонъ, подойдя къ генералу.

— Намъ должно итти вотъ этимъ переулкомъ.

— Такъ что жъ? другой дороги нѣтъ?

— Проводникъ говоритъ, что нѣтъ.

— А если такъ... господа!.. вы, кажется, никогда огня не боялись—за мной.

Толпа французовъ кинулась вслѣдъ за Наполеономъ. Въ полминуты нестерпимый жаръ обхватилъ каждаго; всѣ платья задымились. Сильный вѣтеръ раздувалъ пламя, пожиравшее съ ужаснымъ визгомъ дома, посреди которыхъ они шли: то крутилъ его въ воздухѣ, то загибалъ раскаленнымъ сводомъ надъ ихъ головами. Вокругъ съ оглушающимъ трескомъ ломались кровли, падали желѣзные листы и полуобгорѣвшія доски; на каждомъ шагу пылавшіе бревна и кучи кирпичей преграждали имъ дорогу: они шли по огненной землѣ, подъ огненнымъ небомъ, среди огненныхъ стѣнъ.

— Впередъ, господа!—вскричалъ Наполеонъ:—впередъ! Одна быстрота можетъ спасти насъ!

Они добѣжали уже до середины переулка, который круто поворачивалъ налѣво; вдругъ польскій генералъ остановился: переулокъ упирался въ пылавшій домъ—выхода не было.

— Злодѣй, измѣнникъ!—вскричалъ онъ, схвативъ за руку своего проводника.

Купецъ рванулся, повалилъ наземь генерала и кинулся одинъ въ догоравшій домъ.

— За проводникомъ!—закричали нѣсколько голосовъ.—Этотъ домъ долженъ быть сквозной.

Но въ ту самую минуту, передняя стѣна съ ужаснымъ громомъ рухнулась, и среди двухъ столбовъ пламени, которые быстро поднялись къ небесамъ, открылась широкая каменная лѣстница. На одной изъ верхнихъ

ея ступеней, окруженный огнемъ и дымомъ, какъ злой духъ, стерегущій преддверіе ада, стоялъ купецъ. Онъ кинулъ торжествующій взглядъ на толпу французовъ и съ громкимъ хохотомъ исчезъ снова среди пылавшихъ развалинъ.

— Мы погибли! — вскричалъ польскій генералъ.

Наполеонъ поблѣднѣлъ...

— Солдаты, — вскричалъ одинъ изъ маршаловъ, увидя вдали гвардейцевъ, — спасайте императора!

Гренадеры побросали награбленныя ими вещи и провели Наполеона сквозь огонь, на обширный дворъ, покрытый остатками догорѣвшихъ службъ. Тутъ встрѣтили его еще нѣсколько егерей итальянской гвардіи и, при помощи ихъ, вся толпа, переходя съ одного пепелища на другое, добралась, наконецъ, до Арбата. Для Наполеона отыскали какую-то лошаденку; онъ сѣлъ на нее, и въ семъ-то торжественномъ шествіи, наблюдая глубокое молчаніе, завоеватель Россіи доѣхалъ, наконецъ, до Дорогомиловскаго моста. Здѣсь въ первый разъ прояснились лица его свиты; вся опасность миновалась: они уже были почти за городомъ.

Наполеонъ, поворотя направо, вверхъ по теченію Москвы-рѣки, переправился, близъ села Хорошева, чрезъ пловучій мостъ, и, проѣхавъ нѣсколько верстъ полемъ, дотащился, наконецъ, до петербургской дороги. Тутъ кончилось достопамятное путешествіе императора французовъ отъ Кремля до Петровскаго замка, изъ котораго онъ переѣхалъ опять въ Кремль не прежде, какъ прекратились пожары, то-есть когда уже почти вся Москва превратилась въ пепелъ.

М. Загоскинъ.

Въѣздъ въ Москву[1]).

Но вотъ уже близко... Передъ ними
Ужъ бѣлокаменной Москвы,
Какъ жаръ крестами золотыми
Горятъ старинныя главы...
Ахъ, братцы! какъ я былъ доволенъ,
Когда церквей и колоколенъ,
Садовъ, чертоговъ полукругъ
Открылся предо мною вдругъ!
Какъ часто въ горестной разлукѣ,
Въ моей блуждающей судьбѣ,
Москва, я думалъ о тебѣ.
Москва... какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца русскаго слилось!
Какъ много въ немъ отозвалось!
Вотъ, окруженъ своей дубравой,
Петровскій замокъ! Мрачно онъ
Недавнею гордится славой.
Напрасно ждалъ Наполеонъ,
Послѣднимъ счастьемъ упоенный,
Москвы колѣнопреклоненной
Съ ключами стараго Кремля:
Нѣтъ, не пошла Москва моя
Къ нему съ повинной головою!..
Не праздникъ, не пріемный даръ, —

[1]) Отрывокъ изъ произведенія Пушкина „Евгеній Онѣгинъ“.

Она готовила пожаръ
Нетерпѣливому герою...
Отселѣ, въ думу погруженъ,
Глядѣлъ на грозный пламень онъ.
Прощай, свидѣтель нашей славы,
Петровскій замокъ.

А. Пушкинъ.

Посланіе къ Дашкову.

(Разореніе Москвы французами).

Мой другъ, я видѣлъ море зла
И неба мстительнаго кары,
Враговъ неистовыхъ дѣла,
Войну и гибельны пожары.
Я видѣлъ сонмы богачей,
Бѣгущихъ въ рубищахъ издранныхъ;
Я видѣлъ бѣдныхъ матерей,
Изъ милой родины изгнанныхъ!
Я на распутьи видѣлъ ихъ,
Какъ, къ персямъ чадъ прижавъ грудныхъ,
Онѣ въ отчаяньи рыдали
И съ новымъ трепетомъ взирали
На небо рдяное кругомъ.
Трикраты съ ужасомъ потомъ
Бродилъ въ Москвѣ опустошенной,
Среди развалинъ и могилъ;
Трикраты прахъ ея священный
Слезами скорби омочилъ.
И тамъ, гдѣ зданья величавы
И башни древнія царей,
Свидѣтели протекшей славы
И новой славы нашихъ дней;
И тамъ, гдѣ съ миромъ почивали
Останки иноковъ святыхъ,
И мимо вѣки протекали,
Святыни не касаясь ихъ;
И тамъ, гдѣ роскоши рукою,
Дней мира и трудовъ плоды,
Предъ златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады, —
Лишь угли, прахъ камней горы,
Лишь груды тѣлъ кругомъ рѣки,
Лишь нищихъ блѣдные полки
Вездѣ мои встрѣчали взоры!
А ты, мой другъ, товарищъ мой,
Велишь мнѣ пѣть любовь и радость,
Безпечность, счастье и покой
И шумную за чашей младость;
Среди военныхъ непогодъ,
При страшномъ заревѣ столицы,
На голосъ мирныя цѣвницы
Сзывать пастушекъ въ хороводъ.

Мнѣ пѣть коварныя забавы
Армидъ и вѣтреныхъ Цирцей [1])
Среди могилъ моихъ друзей,
Утраченныхъ на полѣ славы!..
Нѣтъ, нѣтъ! Талантъ, погибни мой
И лира, дружбѣ драгоцѣнна,
Когда ты будешь мной забвенна,
Москва, отчизны край златой!
Нѣтъ, нѣтъ! Пока на полѣ чести
За древній градъ моихъ отцовъ
Не понесу я въ жертву мести
И жизнь, и къ родинѣ любовь;
Пока съ израненнымъ героемъ,
Кому извѣстенъ къ славѣ путь,
Три раза не поставлю грудь
Передъ врагомъ сомкнутымъ строемъ —
Мой другъ, дотолѣ будутъ мнѣ
Всѣ чужды музы [2]) и хариты [3]),
Вѣнки, рукой любови свиты,
И радость шумная въ винѣ!

Батюшковъ.

Русскій среди пылающей Москвы.

Гори, родная! — Богъ съ тобою.
Я, самъ перекрестясь, съ мольбою,
Своею грѣшною рукою
Тебя зажегъ. Гори со мною!
Пусть я избитый, изожженный,
Весь въ ранахъ, въ струпьяхъ, изможденный,
Умру въ огнѣ, въ тоскѣ, въ страданьи:
Тебя не дамъ на поруганье!
О, Кремль святой, святые храмы,
Свидѣтели побѣдъ и славы!
Разсыпьтесь надъ Москвой горою,
Родную скройте подъ собою!
Въ слезахъ, съ померкшими очами,
Стою съ молитвой я предъ вами:
Разсыпьтесь надъ Москвой — горою!
Пылай, родная!—Богъ съ тобою.
Враги въ Москвѣ; Москва въ неволѣ;
Прощай, мой домъ, родное поле...
Свирѣпствуй, ангелъ разрушенья!
Россія гибнетъ, нѣтъ спасенья...
Пусть гибнетъ все! Своей рукою
Свой домъ зажегъ. . . Гори со мною!
Москва пылаетъ за отчизну;
Кровавую готовьте тризну!

Тимоѳеевъ.

---

[1]) Волшебница.
[2]) Богини наукъ и искусствъ.
[3]) Богини красоты.

Ворона и курица [1]).

Когда Смоленскій князь [2]),
Противу дерзости искусствомъ воружась,
Вандаламъ новымъ [3]) сѣть поставилъ
И на погибель имъ Москву оставилъ;
Тогда всѣ жители — и малый, и большой,—
Часа не тратя, собралися
И вонъ изъ стѣнъ московскихъ поднялися,
Какъ изъ улья пчелиный рой.
Ворона съ кровли тутъ на эту всю тревогу
Спокойно, чистя носъ, глядитъ.
«А ты, что жъ, кумушка, въ дорогу? —
Ей съ возу курица кричитъ. —
Вѣдь говорятъ, что у порогу
Нашъ супостатъ».
— «Мнѣ что до этого за дѣло? —
Вѣщунья ей въ отвѣтъ. — Я здѣсь останусь смѣло;
Вотъ ваши сестры — какъ хотятъ:
А вѣдь воронъ ни жарятъ, ни варятъ;
Такъ мнѣ съ гостьми не мудрено ужиться;
А, можетъ-быть, еще удастся поживиться
Сыркомъ иль косточкой, иль чѣмъ-нибудь.
Прощай, хохлаточка, счастливый путь!»
Ворона, подлинно, осталась;
Но вмѣсто всѣхъ поживокъ ей,
Какъ голодомъ морить Смоленскій сталъ гостей,
Она сама къ нимъ въ супъ попалась.
Такъ часто человѣкъ въ разсчетахъ слѣпъ и глупъ:
За счастьемъ, кажется, ты по пятамъ несешься,
А какъ на дѣлѣ съ нимъ сочтешься, —
Попался, какъ ворона въ супъ!

И. Крыловъ.

Императоръ Александръ I и Мишо.

Девять дней послѣ оставленія Москвы, въ Петербургъ пріѣхалъ посланный отъ Кутузова съ офиціальнымъ извѣстіемъ объ оставленіи Москвы. Посланный этотъ былъ французъ Мишо, не знавшій по-русски, впрочемъ, «хотя иностранецъ, но русскій въ глубинѣ души», какъ онъ самъ говорилъ про себя.

Государь тотчасъ же принялъ посланнаго въ своемъ кабинетѣ, во дворцѣ Каменнаго острова. Мишо имѣлъ такое печальное лицо, когда онъ былъ введенъ въкабинетъ Государя, что Государь тотчасъ же спросилъ у него:

— Какія извѣстія привезли вы мнѣ? Дурныя, полковникъ?

---

[1]) Здѣсь изображаются бѣдствія французовъ въ Москвѣ отъ голода. Эта басня напечатана въ № 8 „Сына Отечества“ за 1812 г., а въ № 7 была помѣщена небольшая замѣтка объ употребленіи французами въ Москвѣ воронъ въ пищу.

[2]) М. И. Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій.

[3]) Такъ названы здѣсь французы по имени древне-германскаго народа вандаловъ, отличавшихся грубостью и жестокостью.

— Очень дурныя, Ваше Величество,—отвѣчалъ Мишо со вздохомъ, опуская глаза,—оставленіе Москвы.

— Неужели отдали мою древнюю столицу безъ битвы?—вдругъ вспыхнувъ, быстро проговорилъ Государь.

Мишо почтительно передалъ то, что ему приказано было передать отъ Кутузова, именно то, что подъ Москвою драться не было возможности и что такъ какъ оставался одинъ выборъ—потерять армію и Москву или одну Москву, то фельдмаршалъ долженъ былъ выбрать послѣднее.

Императоръ Александръ I и Мишо.

Государь выслушалъ молча, не глядя на Мишо.

— Вступилъ ли непріятель въ городъ?—спросилъ Онъ.

— Да, Ваше Величество, и въ настоящую минуту Москва обращена въ пепелъ. Я оставилъ ее объятую пламенемъ,—рѣшительно сказалъ Мишо, но, взглянувъ на Государя, Мишо ужаснулся тому, что онъ сдѣлалъ. Государь тяжело и часто сталъ дышать, нижняя губа его задрожала, и прекрасные, голубые глаза мгновенно увлажнились слезами.

Но это продолжалось только одну минуту. Государь вдругъ нахмурился, какъ бы осуждая самого себя за свою слабость, и, приподнявъ голову, твердымъ голосомъ обратился къ Мишо:

— Я вижу, полковникъ, по всему, что происходитъ,—сказалъ Онъ,—что Провидѣніе требуетъ отъ насъ большихъ жертвъ... Я готовъ покориться

Его волѣ; но скажите Мнѣ, Мишо, какъ оставили вы армію, покидавшую безъ битвы мою древнюю столицу? Не замѣтили ли вы въ ней упадка духа?

— Государь! Я оставилъ всю армію, начиная съ начальниковъ и до послѣдняго солдата, безъ исключенія, въ великомъ отчаянномъ страхѣ...

— Какъ такъ? — строго нахмурившись, перебилъ Государь. — Мои русскіе могутъ ли пасть духомъ передъ неудачей?.. Никогда!..

Этого только и ждалъ Мишо.

— Государь, сказалъ онъ съ почтительною игривостью выраженія, — они боятся только того, чтобы Ваше Величество по добротѣ души своей не рѣшились заключить миръ. Они горятъ нетерпѣніемъ снова драться и доказать Вашему Величеству, жертвой своей жизни, насколько они вамъ преданы!..

— А! — успокоенно и съ ласковымъ блескомъ глазъ сказалъ Государь, ударяя по плечу Мишо. — Вы меня успокаиваете, полковникъ.

Государь, опустивъ голову, молчалъ нѣсколько времени.

— Ну, такъ возвращайтесь къ арміи, — сказалъ Онъ, выпрямляясь во весь ростъ и съ ласковымъ и величественнымъ блескомъ обращаясь къ Мишо: — скажите храбрецамъ нашимъ, скажите всѣмъ моимъ подданнымъ, вездѣ, гдѣ вы проѣдете, что, когда у меня не будетъ больше ни одного солдата, Я самъ стану во главѣ моимъ любезныхъ дворянъ и добрыхъ мужиковъ, и истощу такимъ образомъ послѣднія средства Моего государства.

— Этихъ средствъ больше, нежели думаютъ Мои враги, - говорилъ Государь, все болѣе и болѣе воодушевляясь. — Но если бы предназначено было Божественнымъ Провидѣніемъ, — сказалъ Онъ, поднявъ свои прекрасные, кроткіе и блестящіе чувствомъ глаза къ небу, — чтобы Династія Наша перестала царствовать на престолѣ Моихъ предковъ, тогда, истощивъ всѣ средства, которыя въ Моихъ рукахъ, Я отпущу бороду до сихъ поръ (Государь показалъ рукой на половину груди) и скорѣе пойду ѣсть одинъ картофель съ послѣднимъ ихъ моихъ крестьянъ, нежели рѣшусь подписать позоръ Моей родины и Моего дорогого народа, жертвы котораго Я умѣю цѣнить!.. — Сказавъ эти слова взволнованнымъ голосомъ, Государь вдругъ повернулся, какъ бы желая скрыть отъ Мишо выступившія ему на глаза слезы, и прошелъ въ глубь своего кабинета. Постоявъ тамъ нѣсколько мгновеній, Онъ большими шагами вернулся къ Мишо, и сильнымъ жестомъ сжалъ его руку пониже локтя. Прекрасное, кроткое лицо Государя раскраснѣлось, и глаза Его горѣли блескомъ рѣшимости и гнѣва.

— Полковникъ Мишо, не забудьте того, что Я вамъ сказалъ здѣсь: можетъ-быть, мы когда-нибудь вспомнимъ объ этомъ съ удовольствіемъ... Наполеонъ, или Я, — сказалъ Государь, дотрагиваясь до груди. — Мы больше не можемъ царствовать вмѣстѣ. Я узналъ его теперь, и онъ Меня больше не обманетъ... — И Государь, нахмурившись, замолчалъ. Услышавъ эти слова, увидавъ выраженіе твердой рѣшимости въ глазахъ Государя, Мишо, хотя иностранецъ, но русскій въ душѣ, въ глубинѣ души почувствовалъ себя въ эту торжественную минуту восхищеннымъ всѣмъ тѣмъ, что онъ услышалъ (какъ онъ говорилъ впослѣдствіи), и онъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ изобразилъ какъ свои чувства, такъ и чувства русскаго народа, котораго онъ считалъ себя уполномоченнымъ.

— Государь! — сказалъ онъ, — Ваше Величество подписываете въ эту минуту славу своего народа и спасеніе Европы!

Государь наклоненіемъ головы отпустилъ Мишо.

Графъ Левъ Толстой.

Пѣснь Донскому воинству.

(Военная пѣсня).

Грянулъ внезапно громъ надъ Москвою,
Выступилъ съ шумомъ Донъ изъ бреговъ!
Все запылало мщеньемъ-войною
Противъ враговъ.
Ай! Донцы!
Молодцы!
Только взгремѣло царское слово:
«Россы Полканы [1]), врагъ подъ Москвой!»
Тотчасъ сто тысячъ храбрыхъ готово
Броситься въ бой.
— Кто противъ Бога, кто противъ русскихъ? —
Выхвативъ саблю, рекъ атаманъ [2]):—
Праха не будетъ полчищъ французскихъ!
Гдѣ вражій станъ?
Царь православный! Всѣ мы готовы
На супостата бранью иттить,
Натискомъ быстрымъ адскія ковы
Предупредить.
Русскимъ знакома къ славѣ дорога:
Съ Дона до Рейна вмигъ пролетимъ,
Всѣхъ превозможемъ съ вѣрой на Бога
И отомстимъ!
Вѣрь и надѣйся: Русь безопасна,
Силъ крестоносныхъ мышца крѣпка,
Страшенъ арканъ нашъ, сабля ужасна,
Пика мѣтка.
Тщетны всѣ козни Наполеона,
Не устрашитъ насъ множество силъ:
Матери Божьей съ нами икона
И Михаилъ [3]).
Время на коня: врагъ наступаетъ,
Вѣра святая къ брани зоветъ;
Правымъ и вѣрнымъ Богъ помогаетъ;
Дѣти, впередъ!
Грянемъ навстрѣчу полчищъ французскихъ,
Встанемъ, какъ горы, на уперти [4]),
Да не посмѣютъ въ сердце странъ русскихъ
Далѣ итти! —
Грянули чада тихаго Дона:
Міръ изумился, врагъ задрожалъ,
Рушилась слава Наполеона —
И побѣжалъ.
Гдѣ ни посмотришь, пики мелькаютъ,
Граду подобно, стрѣлы шумятъ,
Пули, какъ пчелы, роемъ летаютъ,
Сабли звучатъ.

---

[1]) Богатыри.
[2]) Гр. М. И. Платовъ.
[3]) Знамя Архистратига Михаила.
[4]) Какъ препятствіе пути.

Противъ силъ русскихъ не устояли
Полмилліона буйныхъ головъ:
Сернамъ подобно, вострепетали
От казаковъ,
Бросили пушки, ружья, снаряды,
Чая спасенья въ бѣгствѣ найтить,
Всѣми корыстьми жертвовать рады, —
Только бъ уйтить.
Но не успѣли, какъ ни хитрили:
Врагъ кровожадный палъ при орлѣ,
Кости и славу всѣ положили
Въ русской землѣ.
Такъ былъ разрушенъ замыслъ крамольный,
Такъ былъ ужасный врагъ истребленъ,
Такъ православный, первопрестольный
Градъ освобожденъ.
Богу силъ горнихъ благодаренье,
Честь и спасибо мудрымъ вождямъ,
Слава монарху, царству спасенье,
Лавры донцамъ!
Ай! Донцы!
Молодцы!

Студентъ риторики.

Зарѣцкій вынулъ изъ кармана кисетъ, высѣкъ огня и закурилъ свою трубку. Миновавъ Марьину рощу, они выѣхали на дорогу, ведущую въ Останкино; шагахъ въ пятидесяти отъ нихъ той же самою дорогою шелъ одинъ прохожій. По его длинному кафтану, широкому поясу безъ складокъ, а болѣе всего по туго-заплетенной и застегнутой кверху косичкѣ, которая выглядывала изъ-подъ широкихъ полей его круглой шляпы, нетрудно было отгадать, что онъ принадлежитъ къ духовному званію; на полномъ и румяномъ лицѣ его изображалось какое-то беззаботное веселье; онъ шелъ весьма тихо, часто останавливался, поглядывалъ съ удовольствіемъ вокругъ себя, и вдругъ запѣлъ тонкимъ голосомъ:

Воспоемте, братцы, канту прелюбезну,
Воспомянемъ скуку,—сердцу преполезну,
Сидя въ школѣ
Во покоѣ,
Глядя всюду,
Обоюду...

— Послуйшай-ка, любезный,—прервалъ Зарѣцкій, поровнявшись съ пѣвцомъ.

— Quid est?—вскричалъ прохожій, повернувшись къ Зарѣцкому.— Что вамъ угодно, господинъ офицеръ?—продолжалъ онъ, приподнявъ шляпу.

— Не знаете ли, гдѣ намъ проѣхать на Троицкую дорогу?

— Ступайте прямо, а тамъ поверните направо, мимо рощи. Вонъ видите село Алексѣевское? Оно на большой Троицкой дорогѣ. А что, господинъ офицеръ, что слышно о французахъ?

— Я думаю —они будутъ сегодня въ Москвѣ.

— Въ Москвѣ!.. Ну, нечего сказать—Satis pro peccatis!.. А впрочемъ, унывать не надобно: finis coronat opus, то-есть: конецъ дѣло вѣнчаетъ; а до конца еще, кажется, далеко.

— И я тоже думаю.

— Конечно,—продолжалъ ученый прохожій,—Наполеонъ, сей новый Атилла, есть истинно бичъ небесный; но подождите: non semper erunt Saturnalia,—не все коту масленица. Безспорно, этотъ Наполеонъ хитеръ, да и нашего главнокомандующаго не скоро проведешь. Повѣрьте, не даромъ онъ впускаетъ французовъ въ Москву. Пусть они теперь въ ней попируютъ, а онъ свое возьметъ. Нѣтъ, сударь! хоть свѣтлѣйшій смотритъ и не въ оба, а вѣдь онъ: sibi in mente, сирѣчь: себѣ на умѣ!

— Ого...—сказалъ, улыбаясь, Зарѣцкій,—да вы большой политикъ, господинъ... господинъ...

— Студентъ риторики въ Перервинской семинаріи,—отвѣчалъ ученый, приподнявъ свою шляпу.

— А откуда вы, господинъ студентъ, идете и куда пробираетесь?

— Я вышелъ сегодня изъ Перервы, а куда иду—еще самъ не знаю. Вотъ изволите видѣть, господинъ офицеръ: меня забираетъ охота подраться также съ французами.

— Вотъ что!—сказалъ Зарѣцкій.—Ай, да господинъ ученый! Да не хотите ли въ гусары?

— Ни-ни, господинъ офицеръ! Я хочу сражаться, какъ простой гражданинъ. Теперь у насъ, безъ сомнѣнія, будетъ bellum populare—то-есть народная война, а такъ какъ крестьяне должны также имѣть предводителей...

— Понимаю: вы мѣтите въ начальники русскихъ гвериласовъ; но вѣдь и тутъ надобенъ нѣкоторый навыкъ и военныя познанія, а вы...

— Я знаю наизусть всѣ комментаріи Цезаря de Bello Gallico,—отвѣчалъ съ гордымъ взглядомъ семинаристъ.

— Вотъ это другое дѣло,—сказалъ преважно Зарѣцкій.—Итакъ, вы намѣрены...

— Драться до послѣдней капли крови! Да, сударь! Non est ad astra mollis et sera via—лежа на боку, великимъ не сдѣлаешься.

— Великимъ? Да ужъ не Александромъ ли васъ зовутъ, господинъ студентъ?

— Точно такъ, господинъ офицеръ.

— Ого! вотъ куда вы лѣзете! Впрочемъ, вамъ предстоитъ карьера блистательнѣе. Командуя македонской фалангой, нетрудно было побѣждать непріятеля; а вѣдь ваша армія будетъ состоять изъ мужиковъ, вооруженныхъ вилами и топорами; летучіе отряды изъ крестьянскихъ бабъ съ ухватами и кочергами; передовые посты...

— Смѣйтесь, смѣйтесь, господинъ офицеръ! Увидите, что эти мужики надѣлаютъ! Дайте только имъ порасшевелиться, а тамъ французы держись! Свѣтлѣйшій грянетъ съ одной стороны, графъ Витгенштейнъ—съ другой, а мы со всѣхъ; да какъ воскликнемъ въ одинъ голосъ: procul, o procul, profani! то-есть: вонъ отсюда, нечестивцы! такъ Наполеонъ такого дастъ стречка изъ Москвы, что его собаками не догонишь.

— Врядъ ли онъ такъ скоро съ нею разстанется.

— Помилуйте! онъ, чай, и самъ не радъ, что зашелъ такъ далеко, да теперь ужъ дѣлать нечего. Вѣрно, думаетъ: авось пожалѣютъ Москвы и станутъ мириться. Вѣдь онъ ужъ не въ первый разъ поддѣваетъ на эту штуку. На то, сударь, пошелъ: aut Caesar, aut nihil—или панъ, или пропалъ. До сихъ поръ ему удавалось, а какъ разъ промахнется, такъ и поминай—какъ звали!

— Итакъ, вы думаете, господинъ студентъ, что Наполеонъ играетъ теперь на выдержку?

— Хуже, сударь! Онъ уже проигралъ, а теперь отыгрывается.

— Проигралъ? Однако жъ, онъ дошелъ до Москвы.

— А дешево ли ему это стоило? Наши потери ничего: за одного убитаго явится десятеро живыхъ; а онъ хочетъ, не хочетъ, а послѣднiй рубль ставь на карту. Вотъ года три тому назадъ—я не былъ еще тогда въ риторикѣ—во время рекреацiи, двое студентовъ схватились при мнѣ въ горку. Надобно вамъ сказать, что у насъ за столомъ только два блюда: говядина и каша. Одинъ изъ студентовъ, спустивъ всѣ деньги, сталъ играть на свою часть говядины и—проигралъ! Въ отчаянiи, терзаемый предчувствiемъ постной трапезы, онъ воскликнулъ такъ же, какъ Наполеонъ: aut Caesar, aut nihil! и предложилъ играть—на кашу! На кашу, единственное блюдо, оставшееся для утоленiя его голода! Всѣ товарищи ахнули, а у меня волосы стали дыбомъ, и тутъ я въ первый разъ постигнулъ, какъ люди проигрываютъ все свое состоянiе! Къ счастью, насъ позвали обѣдать, и мой товарищъ не успѣлъ довершить своего отчаяннаго предпрiятiя. Повѣрьте мнѣ, господинъ офицеръ, и Наполеонъ играетъ на кашу. Если ему не посчастливится заключить миръ, то горе окаянному! Всѣ язвы, всѣ казни египетскiя обрушатся на главу его! А коли удастся, такъ и то, слава Богу, когда при своемъ останется. Анъ и выйдетъ на повѣрку, что онъ magnus conatus magnas agit nugas, то-есть ходилъ ни по что, принесъ ничего. Но намъ должно прекратить нашу бесѣду,—продолжалъ семинаристъ.—Я пойду прямо на Свирлово, а вы извольте ѣхать вкось по рощѣ, тамъ минуете Алексѣевское и выѣдете на большую дорогу у самаго Ростокина. Прощайте, господинъ офицеръ!.. Cura, ut valeas!..

Студентъ приподнялъ свою шляпу и пошелъ по дорогѣ къ Останкину.

М. Загоскинъ.

Въ Тарутинскомъ лагерѣ [1]).

Разговоръ оживился. Серебряный кубокъ Давыдова переходилъ изъ рукъ въ руки. Въ дружескомъ кружкѣ виднѣлись новыя лица, въ томъ числѣ и молодое, задумчивое цыгановатое лицо Жуковскаго въ ополченскомъ костюмѣ.

— Господа, — торжественно произнесъ Бурцевъ, который успѣлъ хватить больше другихъ и былъ въ возбужденномъ состоянiи. — Господа, сегодня на привалѣ, толкаясь между московскими ратниками, я набрелъ на слѣдующую картину: подъ кустомъ, закрытый отъ солнца тѣнью березы, сидитъ нѣкiй молодой витязь и, положивъ къ себѣ на колѣни записную книжку, строчитъ... И что же вы думали онъ строчитъ? Угадайте!

— Что? стихи?—отозвалось нѣсколько голосовъ, и всѣ обернулись къ Давыдову.

Давыдовъ съ удивленiемъ посмотрѣлъ на Бурцева.

— Строчили подъ кустомъ такое, я вамъ доложу... — и Бурцевъ, коварно подмигивая и щурясь, взглянулъ на Жуковскаго.

Жуковскiй давно сидѣлъ, какъ на иголкахъ.

— Строчили, господа, вотъ что, — продолжалъ Бурцевъ: — «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ».

—Кто же это?—спросилъ Давыдовъ.

[1]) Послѣ оставленiя Москвы Кутузовъ со своею армiею сначала двинулся по рязанской дорогѣ, а потомъ перешелъ на калужскую и остановился у с. Тарутина, гдѣ наши войска отдохнули, прiободрились и усилились вновь прибывшими подкрѣпленiями. Писатель Мордовцевъ въ помѣщаемомъ здѣсь отрывкѣ изъ его произведенiя „Двѣнадцатый годъ“ даетъ картину жизни нашихъ войскъ въ Тарутинскомъ лагерѣ.

— А вонъ, наша красная дѣвушка,—указалъ Бурцевъ на Жуковскаго.

Жуковскій, который совсѣмъ покраснѣлъ, хотѣлъ было уйти; но его стали упрашивать прочесть стихи, говорили, что не хорошо таиться отъ товарищей, что они всѣ теперь—одна семья. Жуковскій говорилъ на это, что его стихи не кончены, что это только наброски, задуманныя, но не исполненныя картины, что въ нихъ нѣтъ связи, не вездѣ отдѣланъ стихъ; но ничто не помогло: его просили прочесть хотя отрывки. Нечего дѣлать, онъ полѣзъ въ карманъ, вынулъ оттуда небольшую, темно-малиноваго бархата, книжечку, вышитую разноцвѣтными бисерами, подсѣлъ ближе къ костру и несмѣлымъ, дрожащимъ голосомъ началъ:

На полѣ бранномъ тишина,
Огни между шатрами!
Друзья, здѣсь свѣтитъ намъ луна!
Здѣсь кровъ небесъ надъ нами!

Приступъ былъ удаченъ. Всѣ слушали, затаивъ дыханіе. Давыдовъ сидѣлъ глубоко задумчивый: онъ чутьемъ поэта сразу ощутилъ мастерство стиха; онъ чувствовалъ вѣяніе таланта. Бурцевъ съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на цыгановатое, робкое и скромное лицо поэта и не шевелился. Въ темнотѣ виднѣлись лица солдатиковъ, на которыя падалъ огонь отъ костра—и они слушали. Жуковскій, у котораго дрожали руки, какъ и голосъ, продолжалъ съ большой силой:

В. А. Жуковскій.

Наполнимъ кубокъ круговой,
Дружнѣе, рука въ руку!
Запьемъ виномъ кровавый бой
И съ падшими разлуку.
Кто любитъ видѣть въ чашахъ дно,
Тотъ бодро ищетъ боя...
О, всемогущее вино,
Веселіе героя!

Онъ остановился. Ропотъ одобренія былъ единодушный. Бурцевъ не усидѣлъ и бросился цѣловать поэта, восторженно повторяя: «безподобно! безподобно!.. божественно!..»

Съ трудомъ усадили забіяку и просили Жуковскаго продолжать. Тотъ снова отговаривался, что далѣе у него не все выправлено, но его просили, и онъ, перевернувъ листокъ, началъ:

Отчизнѣ кубокъ сей, друзья!
Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія!
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,

Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки,—
Что вашу прелесть замѣнитъ?
О, родина святая,
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя!

Отъ этихъ послѣднихъ стиховъ, казалось, дѣйствительно всѣ задрожали. Голосъ читавшаго перешелъ въ какой-то молитвенный тонъ, отзывавшійся и плачемъ, и восторгомъ. На лицахъ слушавшихъ горѣло и дрожало умиленіе. Всѣ были такъ глубоко потрясены и мелодіей голоса читавшаго, и прелестью, и музыкой стиха; мысль, положенная въ этотъ стихъ, до того глубоко выражала душевное настроеніе каждаго; всѣмъ, пережившимъ ужасы послѣднихъ дней за эту именно Родину, до того она казалась теперь дорогою съ ея полями и родными холмами, политыми кровью ихъ товарищей; этотъ милый свѣтъ родного неба, эти знакомые потоки, замутившіеся отъ родной же крови, и злытыя игры первыхъ лѣтъ, и первыхъ лѣтъ уроки, — все это теперь, и именно теперь, до того стало дорогимъ и святымъ, что гармоническія строфы, прочитанныя гармоническимъ полуплачущимъ голосомъ, вызвали какой-то стонъ восторга. Никто сначала не замѣтилъ за общимъ потрясеніемъ, а когда замѣтили, то не повѣрили, что Бурцевъ, этотъ всесвѣтный повѣса и пьяница, горько плакалъ, сидя на корточкахъ и мотая всклокоченной головой. Никто не замѣтилъ и того, что изъ-за спинъ и застывшихъ отъ вниманія лицъ солдатиковъ выглядывало худое и морщинистое и загорѣлое, старое лицо съ сѣдыми, нависшими на маленькіе глаза бровями, — лицо Платова, котораго хотя солдатики и узнали и посторонились было отъ него, но онъ знакомъ показалъ имъ, чтобъ они стояли смирно, не обращая на него вниманія.

Долго не могли придти въ себя слушатели; когда первый нѣмой восторгъ прошелъ, всѣ шумно начали хвалить молодого поэта, благодарили его, жали ему руки, и все просили: «дальше, ради Бога, дальше!»

Ободренный успѣхомъ, Жуковскій сталъ смѣлѣе перелистывать свою книжку.

Хвала, нашъ вихорь-атаманъ,
Вождь невредимыхъ, Платовъ!
Твой очарованный арканъ—
Гроза для супостатовъ.
Орломъ шумишь по облакамъ,
По полю волкомъ рыщешь,
Летаешь страхомъ въ тылъ врагамъ,
Бѣдой имъ въ уши свищешь.
Они лишь къ лѣсу—ожилъ лѣсъ,
Деревья сыплютъ стрѣлы,
Они лишь къ мосту—мостъ исчезъ,
Лишь къ селамъ—пышутъ села.

Солдаты заворошились и оглянулись. Сквозь ихъ кучу протискивался, торопливо и нервно дергая себя за сѣдой усъ, Платовъ: по лицу стараго атамана текли слезы, и онъ громко, какъ-то сердито, сморкался, шагая черезъ ноги сидѣвшихъ у костра офицеровъ и пробираясь къ Жуковскому. При видѣ атамана, произошло общее смятеніе, многіе съ изумленіемъ вскочили съ мѣстъ.

— Сидите, пожалуйста, сидите, господа,—торопливо успокаивалъ старикъ.—Я къ вамъ тоже, я вотъ къ нимъ!..

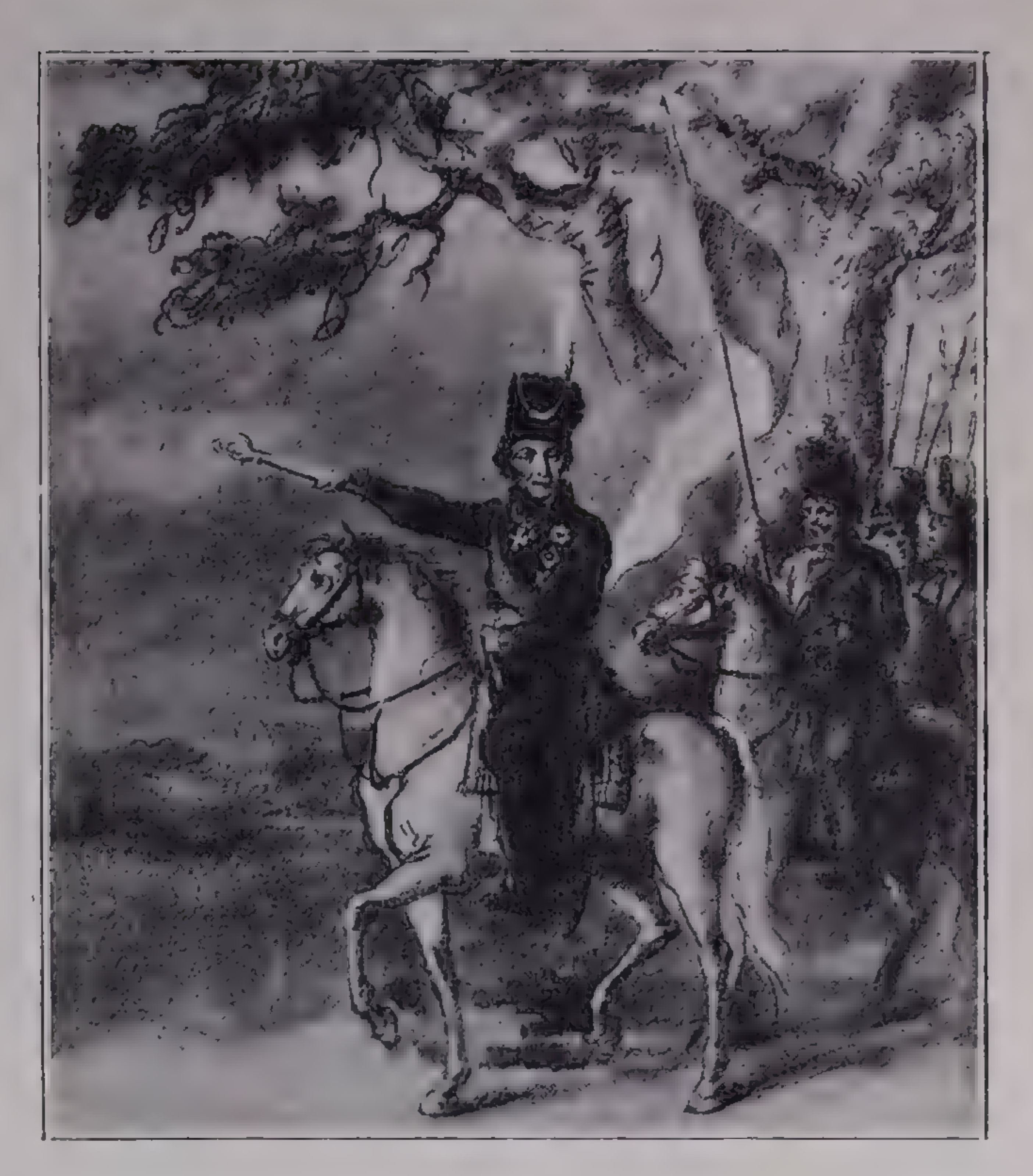
И старикъ порывисто обнялъ молодого, окончательно смутившагося поэта, который узналъ Платова.

— Не стою я этого, мой другъ, — говорилъ расчувствованный старикъ. — Спасибо — похвалили, хоть и не заслужилъ!..

Жуковскій безсвязно бормоталъ что-то. Давыдовъ вѣжливо подошелъ къ старику и просилъ его не побрезговать ихъ кружкомъ— выкушать съ господами офицерами стаканъ чаю или чару вина. Старикъ благодарилъ, жалъ руки, утиралъ глаза. Ему очистили мѣсто около Давыдова, который казался хозяиномъ этой импровизированной гостиной у костра.

— Что прикажете, ваше превосходительство? вина?

— Винца, винца, мой другъ, спасибо!.. погрѣюсь у васъ и послушаю вотъ ихъ...

Гр. М. И. Платовъ съ казаками въ лѣсу.
Рисун. карандашемъ В. А. Тропинина.

Когда смятеніе улеглось и Платовъ высморкался въ послѣдній разъ Жуковскій снова завелъ своимъ пѣвучимъ голосомъ:

Хвала безтрепетнымъ вождямъ!
На коняхъ окрыленныхъ
По доламъ скачутъ, по горамъ
Вослѣдъ враговъ смятенныхъ.
По всѣмъ разсыпаны путямъ,
Невидимы и зримы,
Сломили здѣсь, сражаютъ тамъ,
И всюду невредимы.
Нашъ Фигнеръ старцемъ въ станъ враговъ
Идетъ во мракѣ ночи,
Какъ тѣнь, прокрался въ кругъ шатровъ,
Все зрѣли быстры очи...
Сеславинъ гдѣ ни пролетитъ
Съ крылатыми полками,
Тамъ брошенъ въ прахъ и мечъ, и щитъ,
И устланъ путь врагами.
Давыдовъ, пламенный боецъ,
Онъ вихремъ въ бой кровавый.
Онъ въ мирѣ счастливый пѣвецъ
Вина, любви и славы.

Давыдовъ сидѣлъ блѣдный, глубоко потупившійся; рука, въ которой онъ держалъ давно погасшую трубку, дрожала. Старческіе свѣтлые глаза Платова радостно смотрѣли на него. И вдругъ Бурцевъ, словно сорвавшійся съ петли, зыбывъ и Платова, и все окружавшее, бросился на своего друга и сталъ душить его въ объятьяхъ.

— Дениска, Денисушка мой, вѣдь это ты, ракалья, — бормоталъ онъ, теребя озадаченнаго друга. — У, подлецъ, какой ты хорошій!

Офицеры покатились со смѣху. Даже солдаты прыснули. Но въ этотъ моментъ вдали бухнула, какъ изъ пустой бочки, вѣстовая пушка — и всѣ схватились съ мѣстъ. Надо было торопиться въ походъ.

Д. Мордовцевъ.

Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ [1]).

На полѣ бранномъ тишина,
  Огни между шатрами;
Друзья, здѣсь свѣтитъ намъ луна,
  Здѣсь кровъ небесъ надъ нами.
Наполнимъ кубокъ круговой!
  Дружнѣе! руку въ руку!
Запьемъ виномъ кровавый бой
  И съ падшими разлуку.
Кто любитъ видѣть въ чашахъ дно,
  Тотъ бодро ищетъ боя...
О, всемогущее вино —
  Веселіе героя!
Сей кубокъ чадамъ древнихъ лѣтъ!
  Вамъ слава, наши дѣды!
Друзья, уже могучихъ нѣтъ;
  Ужъ нѣтъ вождей побѣды;
Ихъ домы вихорь разметалъ,
  Ихъ гробы срыли плуги,
И пламень ржавчины сожралъ
  Ихъ шлемы и кольчуги,
Но духъ отцовъ воскресъ въ сынахъ,
  Ихъ поприще предъ нами.
Мы тамъ найдемъ ихъ славный прахъ
  Съ ихъ славными дѣлами...
Сей кубокъ—ратнымъ и вождямъ!
  Въ шатрахъ, на полѣ чести,
И жизнь и смерть — все пополамъ;
  Тамъ дружество безъ лести,

---

[1]) Поэтъ принималъ участіе въ Отечественной войнѣ, когда и написалъ это стихотвореніе, которое онъ закончилъ въ лагерѣ подъ Тарутинымъ.

Здѣсь мы находимъ мѣткія характеристики главныхъ начальствующихъ лицъ русской арміи: Кутузовъ называется героемъ подъ сѣдинами, при которомъ — опытъ, „сынъ труда и лѣтъ“; Ермоловъ — „ратнымъ братъ, жизнь полкамъ“; Раевскій — „слава нашихъ дней“; Милорадовичъ—проходитъ всюду „съ губительною дланью“; Витгенштейнъ „щитъ странѣ родной, хищнымъ истребитель“; смѣлому Коновницыну -- ничто толпы враговъ, мечи и стрѣлы; „вихорь - атаманъ“ Платовъ, шумитъ орломъ по облакамъ и рыщетъ волкомъ по полю; партизаны скачутъ на окрыленныхъ коняхъ; ихъ мечи блистаютъ смертью, отъ ихъ стрѣлъ нѣтъ спасенья. Посвящаются прочувствованныя строки павшимъ героямъ Кульневу, свирѣпому пламени брани; Кутайсову; Багратіону, рѣшителю бранныхъ споровъ. „Отъ нихъ учитесь умирать, такъ скажутъ внукамъ дѣды“. Жуковскій прекрасно передалъ обликъ Кульнева, соединявшаго свирѣпый пламень боя съ нѣжною любовью къ матери. Конечно, падая, Кульневъ главу на щитъ не склонялъ, потому что щитовъ въ 1812 году уже не носили; мечъ во длани онъ также не стискивалъ. Но вѣдь все это—поэтическія вольности.

Экземпляръ „Пѣвца“ былъ поднесенъ И. И. Дмитріевымъ Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ, которая пожелала, чтобы Жуковскій лично переписалъ для нея это стихотвореніе. Жуковскій выполнилъ это повелѣніе и препроводилъ стихи Государынѣ въ апрѣлѣ 1813 года.

Рѣшимость, правда, простота,
И нравовъ непритворство,
И смѣлость, бранныхъ красота,
И твердость, и покорство.
Друзья, мы чужды низкихъ узъ;
Къ вѣнцамъ стезею правой!
Опасность твердый нашъ союзъ;
Одной пылаемъ славой.
Тотъ нашъ, кто первый въ бой летитъ,
На гибель супостата,
Кто слабость падшаго щадитъ
И грозно мститъ за брата.
Онъ взоромъ жизнь даетъ полкамъ;
Онъ махомъ мощной длани
Ихъ мчитъ во срѣтенье врагамъ,
Въ средину шумной брани;
Ему веселье битвы гласъ,
Спокоенъ подъ громами!
Онъ свой послѣднiй видитъ часъ
Безстрашными очами.
Хвала тебѣ, нашъ бодрый вождь [1]),
Герой подъ сѣдинами! [2])
Какъ юный ратникъ, вихрь и дождь
И трудъ онъ дѣлитъ съ нами.
О, сколь съ израненнымъ челомъ
Предъ строемъ онъ прекрасенъ!
И сколь онъ хладенъ предъ врагомъ,
И сколь врагу ужасенъ!
О, диво! се орелъ пронзилъ
Надъ нимъ небесъ равнины... [3])
Могучiй вождь главу склонилъ;
Ура! кричатъ дружины.
Лети ко прадѣдамъ, орелъ,
Пророкомъ славной мести!
Мы тверды: вождь нашъ перешелъ
Путь гибели и чести;
Съ нимъ опытъ, сынъ труда и лѣтъ;
Онъ бодръ и съ сѣдиною;
Ему знакомъ побѣды слѣдъ...
Довѣренность герою!
Нѣтъ, други, нѣтъ! не предана
Москва на расхищенье:
Тамъ стѣны... въ россахъ вся она;
Мы здѣсь — и Богъ нашъ мщенье.
Хвала сподвижникамъ-вождямъ;
Ермоловъ витязь юный,
Ты ратнымъ—братъ, ты—жизнь полкамъ,
И страхъ—твои перуны.

---

[1]) О герояхъ - вождяхъ 12-го года см. книжку проф. А. Елчанинова „Герои - полководцы 1812 года". (Ц. 10 коп.).

[2]) Кутузовъ.

[3]) Во время объѣзда Кутузовымъ лагеря въ Царевѣ - Займищѣ огромный орелъ летѣлъ надъ его головою.

Раевскій, слава нашихъ дней,
Хвала! Передъ рядами
Онъ первый грудь противъ мечей
Съ отважными сынами [1]).
Нашъ Милорадовичъ, хвала!
Гдѣ онъ промчался съ бранью,
Тамъ, мнится, смерть сама прошла
Съ губительною дланью.
Нашъ Витгенштейнъ, вождь и герой,
Петрополя спаситель,
Хвала!.. Онъ щитъ странѣ родной,
Онъ хищныхъ истребитель.
О, сколь величественный видъ,
Когда передъ рядами
Одинъ, склонясь на твердый щитъ,
Онъ грозными очами
Блюдетъ противниковъ полки,
Имъ гибель устрояетъ
И вдругъ... движеніемъ руки
Ихъ сонмы разсыпаетъ.
Хвала тебѣ, славянъ любовь,
Нашъ Коновницынъ смѣлый!..
Ничто ему толпы враговъ,
Ничто мечи и стрѣлы;
Предъ нимъ, за нимъ перунъ гремитъ,
И пышетъ пламень боя...
Онъ веселъ, онъ на гибель зритъ
Съ спокойствіемъ героя;
Себя забылъ... однимъ врагамъ
Готовитъ истребленье;
Примѣръ и ратнымъ, и вождямъ
И смѣлымъ удивленье.
Хвала, нашъ вихорь-атаманъ,
Вождь невредимыхъ, Платовъ!
Твой очарованный арканъ
Гроза для супостатовъ.
Орломъ шумишь по облакамъ,
По полю волкомъ рыщешь,
Летаешь страхомъ въ тылъ врагамъ,
Бѣдой имъ въ уши свищешь;
Они лишь къ лѣсу — ожилъ лѣсъ;
Деревья сыплютъ стрѣлы;
Они лишь къ мосту — мостъ исчезъ,
Лишь къ селамъ — пышутъ селы.
Хвала, нашъ Несторъ [2]) — Беннигсенъ
И вождь, и мужъ совѣта.
Блюдетъ враговъ, не дремля онъ,
Какъ змѣй орелъ съ полета.

---

[1]) Въ битвѣ при Салтановкѣ, въ самомъ началѣ войны, Раевскій сталъ впереди Смоленскаго полка, назначеннаго идти въ головѣ отряда. 16-лѣтній сынъ героя несъ знамя, а 11-лѣтняго самъ отецъ велъ за руку.

[2]) Герой Троянской войны, главный совѣтникъ въ военныхъ дѣлахъ.

Хвала, нашъ Остерманъ-герой,
Въ часъ битвы ратникъ смѣлый!
И Тормасовъ, летящій въ бой,
Какъ юноша веселый!
И Багговутъ среди громовъ,
Средь копій безмятежный!
И Дохтуровъ, гроза враговъ,
Къ побѣдѣ вождь надежный!
Нашъ твердый Воронцовъ, хвала!
О, други, сколь смутилась
Вся рать славянъ, когда стрѣла
Въ безстрашнаго вонзилась;
Когда полмертвъ, окровавленъ,
Съ потухшими очами,
Онъ на щитѣ былъ изнесенъ
За ратный строй друзьями.
Смотрите... язвой роковой
Къ постели пригвожденный,
Онъ страждетъ, братскою толпой
Увѣчныхъ окруженный.
Ему возглавье бранный щитъ;
Незыблемый въ мученьѣ,
Онъ съ яснымъ взоромъ говоритъ:
«Друзья, бѣдамъ презрѣнье!»
И въ ихъ сердцахъ героя рѣчь
Веселье пробуждаетъ,
И, оживясь, до полы мечъ
Рука ихъ обнажаетъ [1]).
Спѣши жъ, о, витязь нашъ, воспрянь,
Ужъ ангелъ истребленья
Горѣ подъялъ ужасну длань,
И близокъ часъ отмщенья.
Хвала, Щербатовъ, вождь младой!
Среди грозы военной,
Друзья, онъ сѣтуетъ душой
О тратѣ незабвенной.
О, витязь, ободрись... она
Твой спутникъ невидимый,
И ею свыше знамена
Дружинъ твоихъ хранимы.
Любви и скорби — оживитъ
Твои для мщенья силы;
Рази дерзнувшихъ возмутить
Покой ея могилы.
Хвала, нашъ Паленъ, чести сынъ!
Какъ бурею носимый,
Вездѣ впереди своихъ дружинъ
Разитъ, неотразимый.
Нашъ смѣлый Строгановъ, хвала!
Онъ жаждетъ чистой славы;

---

[1]) Воронцовъ былъ раненъ при Бородинѣ и увезенъ съ поля сраженія. Отправившись для излѣченія раны въ свое имѣніе—Андреевку (Владим. губ.), герой пригласилъ туда 50 раненыхъ офицеровъ и болѣе 300 рядовыхъ, которые нашли у него заботливый уходъ.

Она изъ міра увлекла
  Его на путь кровавый...
О, храбрыхъ сонмъ, хвала и честь!
  Свершайте истребленье,
Отчизна къ вамъ взываетъ: месть!
  Вселенная: спасенье!
Хвала безропотнымъ вождямъ!
  На коняхъ окрыленныхъ
По доламъ скачутъ, по горамъ
  Вослѣдъ враговъ смятенныхъ;
Днемъ мчатся строй на строй, въ ночи
  Страшатъ, какъ привидѣнья,
Блистаютъ смертью ихъ мечи,
  Отъ стрѣлъ ихъ нѣтъ спасенья,
По всѣмъ разсыпаны путямъ,
  Невидимы и зримы,
Сломили здѣсь, сражаютъ тамъ —
  И всюду невредимы.
Нашъ Фигнеръ [1]) старцемъ въ станъ враговъ
  Идетъ во мракѣ ночи;
Какъ тѣнь, прокрался вкругъ шатровъ:
  Все зрѣли быстры очи...
И станъ еще въ глубокомъ снѣ,
  День свѣтлый не проглянулъ —
А онъ ужъ витязь на конѣ,
  Уже съ дружиной грянулъ!
Сеславинъ гдѣ ни пролетитъ
  Съ крылатыми полками,
Тамъ брошенъ въ прахъ и мечъ и щитъ,
  И устланъ путь врагами.
Давыдовъ, пламенный боецъ,
  Онъ вихремъ въ бой кровавый;
Онъ въ мірѣ счастливый пѣвецъ
  Вина, любви и славы.
Кудашевъ скокомъ черезъ ровъ
  И летомъ на стремнину;
Бросаетъ взглядомъ Чернышевъ
  На мечъ и громъ дружину;
Орловъ — отважностью орелъ;
  И мчитъ грозу ударовъ,
Сквозь дымъ и огнь, по грудамъ тѣлъ,
  Въ среду враговъ Кайсаровъ.
Друзья, кипящій кубокъ сей
  Вождямъ, сраженнымъ въ боѣ.
Уже не придутъ въ сонмъ друзей,
  Не станутъ въ ратномъ строѣ,
Ужъ для врага ихъ грозный ликъ
  Не будетъ вѣстникъ мщенья,
И не помчитъ ихъ мощный кликъ
  Дружину въ пылъ сраженья;

---

[1]) О Фигнерѣ, Сеславинѣ, Давыдовѣ, Кудашовѣ, Чернышовѣ см. книжку Ник. Жервэ „Славные партизаны 1812 г.“ (Ц. 10 коп.).

Ихъ празднен мечъ, безмолвенъ щитъ,
  Ихъ ратники унылы;
И сиръ могучихъ конь стоитъ
  Близъ тихой ихъ могилы.
Гдѣ Кульневъ нашъ, рушитель силъ,
  Свирѣпый пламень брани?
Онъ палъ — главу на щитъ склонилъ
  И стиснулъ мечъ во длани;
Гдѣ жизнь судьба ему дала,
  Тамъ брань его сразила [1]);
Гдѣ колыбель его была,
  Тамъ днесь его могила.
И тихъ его послѣднiй часъ:
  Съ молитвою священной
О милой матери угасъ
  Герой нашъ незабвенный.
А ты, Кутайсовъ, вождь младой...
  Гдѣ прелести? Гдѣ младость?
Увы! онъ видомъ и душой
  Прекрасенъ былъ, какъ радость;
Въ бронѣ ли, грозный, выступалъ,
  Бросали смерть перуны;
Во струны ль арфы ударялъ,
  Одушевлялись струны...
О, горе! вѣрный конь бѣжитъ [2])
  Окровавленъ изъ боя;
На немъ его разбитый щитъ...
  И нѣтъ на немъ героя.
И гдѣ же твой, о, витязь, прахъ?
  Какою взятъ могилой?..
Пойдетъ прекрасная въ слезахъ
  Искать, гдѣ пепелъ милый...
Тамъ чище ранняя роса,
  Тамъ зелень ароматнѣй,
И сладостнѣй цвѣтовъ краса,
  И свѣтлый день прiятнѣй,
И тихiй духъ твой прилетитъ
  Изъ таинственной сѣни,
И трепетъ сердца возвѣститъ
  Ей близость дружной тѣни,
И ты... и ты, Багратiонъ?
  Вотще друзей молитвы,
Вотще ихъ плачъ... во гробѣ онъ,
  Добыча лютой битвы.
Еще дружинъ надежда въ немъ;
  Все мнитъ: съ одра востанетъ [3]);
И робко шепчетъ врагъ враговъ:
  «Увы, намъ! скоро грянетъ».

---

[1]) Я. П. Кульневъ убитъ въ 30 верстахъ отъ г. Люцина, гдѣ онъ родился. О немъ см. книжку г. Ельца „Герой 12-го года Кульневъ". (Ц. 5 к.).

[2]) Гр. А. Н. Кутайсовъ, начальникъ артиллерiи 1-й армiи, убитъ при Бородинѣ; по окровавленному слѣду его лошади, прибѣжавшей къ войскамъ, узнали объ его смерти.

[3]) Багратiонъ тяжело раненъ при Бородинѣ. Эта рана свела героя въ могилу.

А онъ навѣки взоръ смежилъ,
  Рѣшитель бранныхъ споровъ;
Онъ въ область храбрыхъ воспарилъ
  Къ тебѣ, отецъ Суворовъ!
И честь вамъ, падшіе друзья!
  Ликуйте въ горней сѣни;
Тамъ ваша вѣрная семья —
  Вождей минувшихъ тѣни.
Хвала вамъ будетъ оживлять
  И позднихъ лѣтъ бесѣды.
«Отъ нихъ учитесь умирать!»
  Такъ скажутъ внукамъ дѣды;
При вашемъ имени вскипитъ
  Въ вождѣ ретивомъ пламя;
Онъ на твердыню съ нимъ взлетитъ
  И водрузитъ тамъ знамя.
Сей кубокъ мщенью! Други, въ строй!
  И къ небу грозны длани!
Сразить иль пасть—нашъ роковой
  Обѣтъ предъ богомъ брани.
Вотще, о, врагъ, изъ тьмы племенъ
  Ты зиждешь ополченья:
Они бѣгутъ твоихъ знаменъ
  И жаждутъ низложенья.
Сокровищъ нѣтъ у насъ въ домахъ;
  Тамъ стрѣлы и кольчуги;
Мы села — въ пепелъ, грады — въ прахъ,
  Въ мечи — серпы и плуги.
Злодѣй! онъ [1]) лестью приманилъ
  Къ Москвѣ свои дружины;
Онъ низкимъ миромъ намъ грозилъ
  Съ Кремлевскія вершины.
«Пойду по стогнамъ съ торжествомъ!
  Пойду... и все восплещетъ!
И въ прахъ падутъ съ своимъ царемъ!»
  Пришелъ... и самъ трепещетъ;
Подвигло мщеніе Москву:
  Вспылала предъ врагами
И грянулась на ихъ главу
  Губящими стѣнами.
Веди жъ своихъ царей-рабовъ
  Съ ихъ стаей въ область хлада;
Пробей тропу среди снѣговъ
  Во срѣтеніе глада...
Зима, союзникъ нашъ, гряди!
  Имъ запертъ путь возвратный:
Пустыни въ пеплѣ позади,
  Предъ ними сонмы ратны.
Отвѣдай, хищникъ, что сильнѣй:
  Духъ алчности иль мщенья?
Пришлецъ, мы въ родинѣ своей:
  За правыхъ Провидѣнье!

В. Жуковскій.

---

[1]) Наполеонъ.

Партизаны[1]).

Одѣвшись во французскія шинели и кивера, Петя съ Долоховымъ поѣхали на ту просѣку, съ которой Денисовъ смотрѣлъ на лагерь, и, выѣхавъ изъ лѣса въ совершенной темнотѣ, спустились въ лощину. Съѣхавъ внизъ, Долоховъ велѣлъ сопровождавшимъ его казакамъ дожидаться тутъ и поѣхалъ крупною рысью по дорогѣ къ мосту. Петя, замирая отъ волненія, ѣхалъ съ нимъ рядомъ.

— Если попадемся, я живьемъ не отдамся, у меня пистолетъ, — прошепталъ Петя.

— Не говори по-русски! — быстрымъ шопотомъ проговорилъ Долоховъ, и въ ту же минуту въ темнотѣ послышался окликъ: «Кто идетъ?»—и звонъ ружья.

А. С. Фигнеръ.

Кровь бросилась въ лицо Пети и онъ схватился за пистолетъ.

— Уланы шестого полка,— проговорилъ Долоховъ, не укорачивая и не прибавляя хода лошади.

Черная фигура часового стояла на мосту.

— Пароль?

Долоховъ придержалъ лошадь и поѣхалъ шагомъ.

— Скажите, здѣсь ли полковникъ Жераръ?—сказалъ онъ.

— Пароль — не отвѣчая, сказалъ часовой, загораживая дорогу.

— Когда офицеръ объѣзжаетъ цѣпь, часовые не спрашиваютъ пароля! — крикнулъ Долоховъ, вдругъ вспыхнувъ, наѣзжая лошадью на часового.— Я спрашиваю, тутъ ли полковникъ,—и, не дождавшись отвѣта отъ посторонившагося часового, Долоховъ поѣхалъ шагомъ въ гору.

Замѣтивъ черную тѣнь человѣка, переходившаго черезъ дорогу, Долоховъ остановилъ этого человѣка и спросилъ, гдѣ командиръ и офицеры. Человѣкъ этотъ, съ мѣшкомъ на плечѣ, солдатъ, остановился, близко подошелъ къ лошади Долохова, дотрогиваясь до нея рукой, и просто и дружелюбно разсказалъ, что командиръ и офицеры были выше на горѣ съ правой стороны на дворѣ фермы (такъ онъ называлъ господскую усадьбу).

Проѣхавъ по дорогѣ, съ обѣихъ сторонъ которой звучалъ отъ костровъ французскій говоръ, Долоховъ повернулъ во дворъ господскаго дома. Проѣхавъ въ ворота, онъ слѣзъ съ лошади и подошелъ къ большому пылавшему костру, вокругъ котораго, громко разговаривая, сидѣло нѣсколько человѣкъ. Въ котелкѣ съ краю варилось что-то, и солдатъ въ колпакѣ и

[1]) Въ этомъ отрывкѣ изъ романа гр. Л. Н. Толстого „Война и Миръ“ подъ именемъ Долохова изображенъ извѣстный партизанъ 12-го года А. С. Фигнеръ.

синей шинели, стоя на колѣняхъ, ярко освѣщенный огнемъ, мѣшалъ въ немъ шомполомъ.

— Охъ, этотъ жестокъ, не проваришь, — говорилъ одинъ изъ офицеровъ, сидѣвшихъ въ тѣни съ противоположной стороны костра.

— Онъ заставитъ ходить кроликовъ (французская поговорка),—со смѣхомъ сказалъ другой.

Оба замолкли, вглядываясь въ темноту на звукъ шаговъ Долохова и Пети, подходившихъ къ костру со своими лошадьми.

— Здравствуйте, господа! — громко, отчетливо выговорилъ Долоховъ.

Офицеры зашевелились въ тѣни, и одинъ высокій офицеръ съ длинной шеей, обойдя огонь, подошелъ къ Долохову.

— Это — ты, Клеменъ? — сказалъ онъ. — Откуда чортъ...

Но онъ не докончилъ, узнавъ свою ошибку, и, слегка нахмурившись, поздоровался съ Долоховымъ, спрашивая, чѣмъ онъ можетъ служить.

Долоховъ разсказалъ, что онъ съ товарищемъ догонялъ свой полкъ, и спросилъ, обращаясь ко всѣмъ вообще, не знали ли офицеры чего-нибудь о шестомъ полку. Никто ничего не зналъ, и Петѣ показалось, что офицеры враждебно и подозрительно стали осматривать его и Долохова. Нѣсколько секундъ всѣ молчали.

— Если вы разсчитываете на ужинъ, то вы опоздали,—сказалъ съ сдержаннымъ смѣхомъ голосъ изъ-за костра.

Долоховъ отвѣчалъ, что они сыты и что имъ надо въ ночь же ѣхать дальше. Онъ отдалъ лошадей солдату, мѣшавшему въ котелкѣ, и на корточкахъ присѣлъ рядомъ съ офицеромъ съ длинною шеей. Офицеръ этотъ, не спуская глазъ, смотрѣлъ на Долохова и переспросилъ его еще разъ: какого онъ былъ полка? Долоховъ не отвѣчалъ, какъ будто не слыхалъ вопроса, и, закуривая коротенькую французскую трубку, которую онъ досталъ изъ кармана, спрашивалъ офицеровъ о томъ, въ какой степени безопасна дорога отъ казаковъ впереди ихъ.

— Эти разбойники вездѣ, — отвѣчалъ офицеръ изъ-за костра.

Долоховъ сказалъ, что казаки страшны только для такихъ отсталыхъ, какъ онъ съ товарищемъ, но что на большіе отряды казаки, вѣроятно, не смѣютъ нападать, — прибавилъ онъ вопросительно. Никто ничего не отвѣтилъ.

«Ну, теперь онъ уѣдетъ», всякую минуту думалъ Петя, стоя передъ костромъ и слушая его разговоръ.

Но Долоховъ началъ опять прекратившійся разговоръ и прямо сталъ спрашивать, сколько у нихъ людей въ батальонѣ, сколько батальоновъ, сколько плѣнныхъ. Спрашивая про плѣнныхъ русскихъ, которые были при ихъ отрядѣ, Долоховъ сказалъ:

— Скверное дѣло таскать за собой эти трупы. Лучше бы разстрѣлять эту сволочь,—и громко засмѣялся такимъ страннымъ смѣхомъ, что Петѣ показалось, что французы сейчасъ узнаютъ обманъ, и онъ невольно отступилъ на шагъ отъ костра.

Никто не отвѣтилъ на слова и смѣхъ Долохова, и французскій офицеръ, котораго не было видно (онъ лежалъ, укутавшись шинелью), приподнялся и прошепталъ что-то товарищу. Долоховъ всталъ и кликнулъ солдата съ лошадьми.

«Подадутъ или нѣтъ лошадей», думалъ Петя, невольно приближаясь къ Долохову.

Лошадей подали.

— Прощайте, господа, — сказалъ Долоховъ.

Петя хотѣлъ сказать «прощайте» и не могъ договорить слова.

Офицеры что-то шопотомъ говорили между собою. Долоховъ долго садился на лошадь, которая не стояла; потомъ шагомъ поѣхалъ изъ воротъ. Петя ѣхалъ подлѣ него, желая и не смѣя оглянуться, чтобы увидать, бѣгутъ или не бѣгутъ за ними французы.

Выѣхавъ на дорогу, Долоховъ поѣхалъ не назадъ въ поле, а вдоль по деревнѣ. Въ одномъ мѣстѣ онъ остановился прислушиваясь. «Слышишь?» сказалъ онъ. Петя узналъ звуки русскихъ голосовъ, увидалъ у костровъ темныя фигуры русскихъ плѣнныхъ. Спустившись внизъ къ мосту, Петя съ Долоховымъ проѣхали часового, который, ни слова не сказавъ, мрачно ходилъ по мосту, и выѣхали на лощину, гдѣ дожидались казаки.

Гр. Левъ Толстой.

Партизанъ.

Умолкнулъ бой. Ночная тѣнь
Москвы окрестность покрываетъ;
Вдали Кутузова курень
Одинъ, какъ звѣздочка, сверкаетъ.
Громада войскъ во тьмѣ кипитъ,
И надъ пылающей Москвою
Багрово зарево лежитъ
Необозримой полосою.
И мчится тайною тропой
Воспрянувшій съ долины битвы
Наѣздниковъ веселый рой
На отдаленныя ловитвы.
Какъ стая алчущихъ волковъ,
Они долинами витаютъ:
То внемлютъ шороху, то вновь
Безмолвно рыскать продолжаютъ.
Начальникъ, въ буркѣ на плечахъ,
Въ косматой шапкѣ кабардинской,
Горитъ въ передовыхъ рядахъ
Особой яростью воинской.
Сынъ бѣлокаменной Москвы,
Но рано брошенный въ тревогѣ,
Онъ жаждетъ сѣчи и молвы,
А тамъ что будетъ — вольны боги!
Давно незнаемъ имъ покой,
Привѣтъ родни, взоръ дѣвы нѣжный;
Его любовь — кровавый бой,
Родня — донцы, другъ — конь надежный:
Онъ чрезъ стремнины, чрезъ холмы
Отважно всадника приноситъ,
То чутко шевелитъ ушьми,
То фыркаетъ, то удилъ проситъ.
Еще ихъ скокъ примѣтенъ былъ
На высяхъ, за преградной Нарой,
Златимыхъ отблескомъ пожара,
Но скоро буйный рой за высь перекатилъ
И скоро слѣдъ его простылъ...

Д. В. Давыдовъ.
(Съ порт. О. А. Кипренскаго).

Денисъ Давыдовъ.

Народная война.

Посреди большого села, на обширномъ лугу, или площади, на которой разгуливали овцы и рѣзвились ребятишки, стояла ветхая деревянная церковь съ высокой колокольней. У дверей ея, на одной изъ ступеней поросшей травою лѣстницы, сидѣлъ старикъ, лѣтъ восьмидесяти, въ зеленомъ сюртукѣ, съ краснымъ воротникомъ, обшитымъ позументомъ; съ полдюжины медалей, различныхъ формъ и величины, покрывали грудь его. Онъ разговаривалъ съ молодымъ человѣкомъ, который стоялъ передъ нимъ и, по наряду своему, казалось, принадлежалъ къ духовному званію.

— Нѣтъ, Александръ Дмитричъ! — говорилъ старикъ, покачивая головою, — рано ли, поздно ли, а не сдобровать нашему селу: чай, злодѣи-то на насъ больно зубы грызутъ.

— Оно и есть за что! — сказалъ молодой человѣкъ: — вѣдь мы у нихъ, какъ бѣльмо на глазу. Да Богъ милостивъ! Кой-какъ до сихъ поръ съ ними справлялись. Fortes fortuna adjuvat, то-есть: смѣлымъ Богъ владѣетъ, Кондратій Пахомычъ.

— Конечно, батюшка, за правое дѣло Богъ заступа; а все - таки, какъ провѣдаютъ въ Москвѣ, что въ нашемъ селѣ легло сотъ пять-шесть французовъ, да пришлютъ сюда полка два...

— Такъ что жъ? Будемъ драться.

— Александръ Дмитричъ! — раздался голосъ съ колокольни, — никакъ наши идутъ. Вотъ впереди Ерема косой, да солдатъ Потапычъ; они ведутъ какого-то чужого.

— Пойдемъ, Кондратій Пахомычъ, въ мірскую избу. Если они въ самомъ дѣлѣ захватили какого-нибудь подозрительнаго человѣка, такъ надобно его порядкомъ допросить; а то, пожалуй, у нашихъ молодцовъ и правый будетъ виноватъ: auri est bonus...

Мірская изба, построенная на томъ же лугу, или площади, противъ самой церкви, отличалась отъ прочаго жилья только тѣмъ, что не имѣла двора и была нѣсколько просторнѣе другихъ избъ. Когда инвалидъ и семинаристъ вошли въ управу сельскаго благочинія, то нашли уже въ ней человѣкъ пять стариковъ и сотника. Сержантъ и нашъ ученый латинистъ [1]), поклонясь присутствующимъ, заняли передній уголъ. Черезъ нѣсколько минутъ вошли въ избу: отставной солдатъ съ ружьемъ, а за нимъ широкоплечій крестьянинъ съ рыжей бородою, вооруженный также ружьемъ и большимъ поварскимъ ножомъ, заткнутымъ за поясъ. Въ сѣняхъ и вокругъ избы столпилось человѣкъ двѣсти крестьянъ, по большей части, съ ружьями, отбитыми у французскихъ солдатъ.

— Ну что, ребятушки? — вскричалъ сержантъ, — расчесали, что ль, ихъ?

— Какъ пить дали, Кондратій Пахомычъ!

— Неужели-то и отпору вамъ не было?

— Какъ не быть! Мы, знаешь, сначала изъ-за кустовъ какъ шарахнули!.. Вотъ они пріостановились, да и ну отстрѣливаться; а пуще какой-то въ мохнатой шапкѣ, командиръ, что ль, ихъ, такъ и загорланилъ: алонъ, камратъ! Да другіе-то прочіе не такъ, чтобъ очень, все какая-то вольница; стрѣльнули раза три, да и вразсыпную. Не знаю, сколько ихъ ушло, а кучка порядочная въ лѣсу осталась.

— Что за притча такая? — сказалъ сотникъ. — Откуда берутся эти французы? Бьемъ; бьемъ — а все ихъ много!

---

[1]) См. выше, стр. 70—72.

— Видно, сватъ Пахомычъ, — прервалъ крестьянинъ въ синемъ кафтанѣ, — они какъ осеннія мухи. Да вотъ погоди! какъ придетъ на нихъ Егорей съ гвоздемъ, да Никола съ мостомъ, такъ всѣ передохнутъ.

— Мы, Пахомычъ, — сказалъ рыжій мужикъ, — захватили одного живьемъ. Кто его знаетъ? Баетъ по-нашему и стоитъ въ томъ, что онъ православный. Онъ наговорилъ намъ съ три короба: вишь, ушелъ изъ Москвы, и русскій-то онъ офицеръ, и вовсе не якшается съ нашими злодѣями, и то и се, и дьяволъ его знаетъ! Да все лжетъ, проклятый! не вѣрьте; онъ притоманный французъ.

Два крестьянина, вооруженные топорами, ввели Рославлева въ избу.

— Да повѣрьте мнѣ, братцы! — сказалъ Рославлевъ, — я васъ не обманываю: я, точно, русскій офицеръ.

— И впрямь, православные! — промолвилъ Терентій; — ужъ не русскій ли?

— Точно русскій, — подхватилъ семинаристъ.

— А если русскій, — возразилъ отставной солдатъ, — такъ онъ измѣнникъ!

— Измѣнникъ! — повторилъ съ негодованіемъ Рославлевъ.

— Вѣстимо, измѣнникъ! — закричалъ Ерема. — Ради чего ты ѣхалъ съ французскимъ офицеромъ? А?

— Мой товарищъ также русскій офицеръ, а нарядился французомъ для того, чтобъ выручить меня изъ Москвы.

— Экъ съ чѣмъ подъѣхалъ! На васъ пошлюсь, православные: ну, станетъ ли русскій офицеръ пѣть эти басурманскія пѣсни?

— Вѣстимо, не станетъ! — закричали крестьяне.

— Клянусь вамъ Богомъ, ребята, — продолжалъ Рославлевъ, — я и мой товарищъ — мы оба русскіе. Онъ гусарскій ротмистръ Зарѣцкій, а я гвардіи поручикъ Рославлевъ.

— Рославлевъ! — повторилъ съ необычайною живостью сержантъ. — А какъ звали вашего батюшку?

— Сергѣемъ Дмитричемъ.

— Не припомните ли, сударь, гдѣ онъ изволилъ служить капитаномъ?

— Онъ служилъ капитаномъ при Суворовѣ, въ Фанагорійскомъ полку.

— Ну, такъ и есть! — воскликнулъ съ радостью сержантъ, вскочивъ со скамьи. — Ваше благородіе! вѣдь батюшка вашъ былъ моимъ командиромъ, и мы вмѣстѣ съ нимъ штурмовали Измаилъ.

— Слышите ль, братцы! — сказалъ семинаристъ.

— Слышимъ-ста! — отвѣчалъ Ерема: — да намъ-то что до этого?

— Какъ что? — прервалъ сержантъ; — да развѣ сынъ моего командира можетъ быть измѣнникомъ? Ну, статочное ли это дѣло? Не правда ли, дѣтушки?

Всѣ крестьяне встали со своихъ мѣстъ, поглядывали другъ на друга; одинъ почесывалъ голову, другой пожимался; но никто не отвѣчалъ ни слова.

— Что это, братцы? — продолжалъ сержантъ; — неужели-то вы и мнѣ, старику, вѣрить не хотите?

— Вѣрить-та мы тебѣ вѣримъ, — отвѣчалъ Ерема, — да вѣдь не всѣ сыновья въ отцовъ родятся, Пахомычъ!

— Всяко бываетъ, конечно, — промолвилъ Терентій: — да вѣдь не даромъ же и пословица: недалеко яблочко отъ яблони падаетъ. Ну, какъ вы думаете, православные?

— Какъ ты, Терентій Иванычъ? — отвѣчали сотникъ и старики.

— А по мнѣ вотъ какъ: ужъ если Кондратій Пахомычъ за него порукою, такъ намъ и баять нечего. Поклонъ его благородію, да милости просимъ въ передній уголъ! Такъ ли, православные?

— Ну, коли такъ, такъ такъ! — повторили въ одинъ голосъ крестьяне. — Милости просимъ, батюшка!

— Ваня, — сказалъ Терентій, — сбѣгай ко мнѣ, да принеси-ка жбанъ браги, каравай хлѣба и спроси у Андреевны пирогъ съ кашею: чай, его милость проголодаться изволилъ.

— Чу!..—вскричалъ сотникъ: — что это?

— Французы, французы! — загремѣли сотни голосовъ на улицѣ. Всѣ бросились опрометью изъ избы, и въ одну минуту густая толпа окружила колокольню.

— Ну, ребята! — сказалъ сержантъ, — смотрите, стоять грудью за нашу матушку, святую Русь, и вѣру православную.

— Стоять - то мы рады, — прервалъ сотникъ; — да слышишь, Кондратій Пахомычъ, ихъ идетъ несмѣтная сила.

— Такъ что жъ!

— Не одолѣешь, кормилецъ! Много ли насъ?

— Да и французовъ-то, вѣрно, не больше, — сказалъ Рославлевъ, они растянулись по дорогѣ, такъ издали кажется, что ихъ много.

— Охъ, батюшка! — подхватилъ Терентій, — хитры они, злодѣи! не пошлютъ мало. Вѣдь они, басурманы, ужъ давнымъ-давно до насъ добираются.

— Ну, православные! — сказалъ Пахомычъ, — говорите, что дѣлать?

Ни одинъ голосъ не отозвался на вопросъ сотника. Всѣ крестьяне поглядывали молча другъ на друга, и на многихъ лицахъ ясно изображались недоумѣніе и робость.

— Эхъ, худо дѣло! — шепнулъ сержантъ. — Ваше благородіе! — продолжалъ онъ, обращаясь къ Рославлеву, — не принять ли вамъ команды? Вы человѣкъ военный, такъ авось это нашихъ ребятъ поокуражитъ. Эй, братцы, сюда! слушайте его благородія!

— Ужъ если вы начали служить вѣрой и правдой царю православному, такъ и дослуживайте! Что намъ считать, много ли ихъ? Наше дѣло правое — съ нами Богъ!—воскликнулъ Рославлевъ.

— А съ ними чортъ! — заревѣлъ Ерема. — Что, въ самомъ дѣлѣ! драться, такъ драться!

— Такъ за мной, православные! — воскликнулъ отставной солдатъ.— Ура! за батюшку Царя и святую Русь!

— Ура! — подхватила вся толпа.

— Теперь слушайте, ребята! — продолжалъ Рославлевъ. — Ты, я вижу, господинъ церковникъ, молодецъ! Возьми-ка съ собой человѣкъ пятьдесятъ съ ружьями, да засядь вонъ тамъ въ кустахъ, за болотомъ, около дороги, и лишь только непріятель васъ минуетъ...

— Такъ мы вдогонку и откроемъ по немъ огонь? Понимаю, господинъ офицеръ. Это въ родѣ тѣхъ засадъ, о коихъ говоритъ Цезарь въ коментаріяхъ своихъ de bello Gallico.

— Ты, служивый, и ты, молодецъ,— продолжалъ Рославлевъ, обращаясь къ отставному солдату и Еремѣ, — возьмите съ собой человѣкъ сто также съ ружьями, ступайте къ рѣчкѣ, разломайте мостъ, и когда французы станутъ переправляться въ бродъ...

— То мы изъ-за деревьевъ пустимъ по нихъ такую дробь, — прервалъ солдатъ, — что имъ небо съ овчинку покажется.

Крестьяне, зарядивъ свои ружья, отправились въ назначенныя для нихъ мѣста, и на лугу осталось не болѣе восьмидесяти человѣкъ, вооруженныхъ по большей части дубинами, топорами и рогатинами. Къ нимъ вскорѣ присоединились сотни три женщинъ съ ухватами и вилами. Ребятишки, старики, больные, — однимъ словомъ, всякій, кто могъ только двигаться и подымать руку, вооруженную чѣмъ ни попало, вышелъ на лугъ.

Въ глубокой тишинѣ, изрѣдка прерываемой рыданіями и молитвою, стояла вся толпа вокругъ церкви.

Вдругъ вдали раздался залпъ изъ ружей, и вслѣдъ за нимъ загремѣли частые выстрѣлы по эту сторону рѣчки, на берегу которой стояли французы.

Минутъ двадцать продолжалась жаркая перестрѣлка; потомъ выстрѣлы стали рѣже, раздался конскій топотъ, и мальчикъ закричалъ:

— Крестный, крестный! никакъ нашихъ гонятъ назадъ.

— Впередъ, друзья!—воскликнулъ Рославлевъ; но въ ту же самую минуту показались на улицѣ бѣгущіе безъ порядка крестьяне, преслѣдуемые французскими латниками.

— За мной, ребята, на паперть! — закричалъ Рославлевъ.

Сержантъ и человѣкъ тридцать крестьянъ, вооруженныхъ ружьями, кинулись вслѣдъ за нимъ, а остальные разсыпались во всѣ стороны. Непріятельская конница выскакала на площадь.

— Ну, братцы!—сказалъ Рославлевъ,—если злодѣи насъ одолѣютъ, то, по крайней мѣрѣ, не дадимся живые въ руки. Стрѣляйте по коннымъ, да мѣтьте хорошенько!

Въ полминуты человѣкъ десять латниковъ слетѣло съ лошадей.

— Славно, дѣтушки! — вскричалъ сержантъ; — знатно! вотъ такъ!.. Саржируй, то-есть заряжай, проворнѣй, ребята! Ай да Герасимъ!.. другова-то еще!.. Смотри, вонъ этого-то, что юлитъ впереди!.. Свалилъ!.. Ну, молодецъ!.. Эхъ, братъ! въ фаногорійцы бы тебя!..

Густая колонна непріятельской пѣхоты приближалась скорымъ шагомъ къ площади.

— Ребята!—вскричалъ сержантъ,—стыдно и грѣшно старому солдату умереть съ пустыми руками; дайте и мнѣ ружье!

Вдругъ дикій, пронзительный крикъ пронесся отъ другого конца селенія, и человѣкъ двѣсти казаковъ, наклоня свои дротики, съ визгомъ промчались мимо церкви. Въ одну минуту латники были смяты, пѣхота опрокинута, и въ то же время, русское «ура!» загремѣло въ тылу у французовъ; человѣкъ триста крестьянъ изъ сосѣднихъ деревень и семинаристъ со своимъ отрядомъ ударили въ разстроеннаго непріятеля. Съ четверть часа, окруженные со всѣхъ сторонъ, французы упорно защищались; наконецъ, болѣе половины непріятельской пѣхоты и почти вся конница легли на мѣстѣ, остальные положили оружіе.

Въ продолженіе сего короткаго, но жаркаго дѣла, Рославлевъ замѣтилъ одного русскаго офицера, который, повидимому, командовалъ всѣмъ отрядомъ; онъ леталъ и крутился, какъ вихрь, впереди своихъ наѣздниковъ: лихой горскій конь его перепрыгивалъ черезъ кучи убитыхъ, топталъ въ ногахъ французовъ и съ быстротою молніи переносилъ его съ одного мѣста на другое. Когда сраженье кончилось и всѣхъ плѣнныхъ окружили цѣпью казаковъ, едва успѣвавшихъ отгонять крестьянъ, которые, какъ дикіе звѣри, рыскали вокругъ побѣжденныхъ, начальникъ отряда, окруженный офицерами, подъѣхалъ къ церкви. При первомъ взглядѣ на его вздернутый кверху носъ, черные усы и живые, исполненные ума

и веселости глаза, Рославлевъ узналъ въ немъ, несмотря на старинный полуказачій и полукрестьянскій нарядъ своего знакомца, который въ мирное время—пѣвецъ любви, вина и славы—обворожалъ друзей своей любезностью и добродушіемъ, а въ военное, какъ ангелъ истребитель, являлся съ своими крылатыми полками, какъ молнія губилъ и исчезалъ среди враговъ, изумленныхъ его отвагою; но и посреди безпрерывныхъ тревогъ войны, подобно древнему Скальду, онъ [1]) не оставлялъ своей златострунной цѣвницы:

Славилъ Марса и Темиру
И бранную повѣсилъ лиру
Межъ вѣрной сабли и сѣдла.

— Это ты, — раздался знакомый голосъ на церковной паперти. — Ты живъ, мой другъ? Слава Богу.

Рославлевъ обернулся — передъ нимъ стоялъ Зарѣцкій въ томъ же французскомъ мундирѣ, но въ русской кавалерійской фуражкѣ и форменной сѣрой шинели.

М. Загоскинъ.

Нашъ первый успѣхъ.

Тарутинскій бой.

Въ Тарутинѣ, противъ нашего авангарда, расположенъ былъ Мюратъ со всею резервною кавалеріею и четырьмя пѣхотными дивизіями, всего до 25.000 человѣкъ. Французы стояли на правомъ берегу Чернишины, отъ впаденія ея въ Нару до селеній Тетеринки и Дмитріевскаго. Правый флангъ Мюрата былъ защищенъ крутыми берегами Нары и Чернишины, но его лѣвое крыло стояло въ мѣстахъ открытыхъ, безъ природной и искусственной обороны. Находившійся на оконечности его фланга лѣсъ не былъ занятъ непріятелями; они даже не сдѣлали въ лѣсу засѣкъ и не имѣли въ немъ постовъ.

Нѣсколько разъ казаки авангарда Милорадовича пробирались сквозь лѣсъ, до крайней опушки, откуда ясно видѣли лагерь непріятельскій, и все, въ немъ происходившее. Казачья партія съ сотникомъ Урюпинскимъ заходила даже въ тылъ французамъ, которые ее не замѣтили. Объ оплошности Мюрата увѣдомили казаки начальниковъ своихъ, и когда показанія донцовъ были признаны справедливыми, родилась мысль о возможности подвести скрытно часть арміи къ нашей передовой цѣпи, а съ другою частью пройти лѣсомъ и ударить во флангъ французовъ. Беннигсенъ предложилъ Кутузову напасть на Мюрата.

Назначили атаковать Мюрата 6-го числа. Фельдмаршалъ пріѣхалъ въ лагерь къ вечеру 5-го. При немъ переправлялись колонны черезъ Нару.

Смерклось; облака покрыли небо. Погода была сухая, но земля влажна, такъ, что войска шли безъ шума, даже не слышно было движенія— артиллеріи. Запретили разговаривать громко, курить трубки, высѣкать огонь; лошадей удерживали отъ ржанья, все приняло видъ таинственнаго предпріятія. Наконецъ, при свѣтломъ заревѣ огней непріятеля, показавшихъ намъ мѣсто расположенія французовъ, остановились колонны на ночь, тамъ, откуда въ слѣдующее утро надлежало вести атаку, поставили ружья въ козлы и улеглись на холодной землѣ.

Графъ Орловъ-Денисовъ былъ у крайней опушки лѣса, на тропинкѣ изъ Стромилова въ Дмитріевское. Передъ зарею, 6-го октября, явился къ

---

[1]) Поэтъ—партизанъ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ.

Тарутинскій бой.

нему польскій унтеръ-офицеръ корпуса Понятовскаго, вызываясь, если дадутъ ему конвой, схватить Мюрата, ночевавшаго, по его увѣренію, въ деревнѣ позади лагеря, съ незначительнымъ карауломъ. Сто червонцевъ при успѣхѣ, смерть въ случаѣ обмана, обѣщаны переметчику. Съ нимъ отрядили генералъ-майора Грекова, съ двумя казачьими полками, въ томъ числѣ Атаманскимъ. Едва отправились они за лакомою добычею, какъ начало свѣтать. Орловъ-Денисовъ вышелъ изъ лѣса, и, взглянувъ съ возвышенія влѣво, откуда наши колонны должны были наступать, не видѣлъ ни одной изъ нихъ. Напротивъ, въ непріятельскомъ лагерѣ, позади котораго стоялъ онъ, начинали подниматься отъ сна. Опасаясь быть открытымъ французами и ожидая ежеминутно появленія нашихъ пѣхотныхъ колоннъ, онъ отмѣнилъ намѣреніе схватить Мюрата, послалъ воротить Грекова, и тотчасъ понесся съ 10-ю донскими полками прямо на французовъ. Едва успѣли поворотить пушки, и сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ, побѣжали за Рязановскій оврагъ. Весь лагерь на правомъ берегу Чернишины и 38 орудій схвачены казаками; сотня донцовъ съ сыномъ Платова проскакала черезъ лагерь мимо Петеринки, прямо къ нашей пѣхотѣ.

Пока Орловъ-Денисовъ собиралъ разсыпавшіеся по французскимъ бивакамъ полки, чтобы вести ихъ далѣе противъ непріятеля, начавшаго за оврагомъ выстраиваться, показался изъ лѣса Багговутъ, не со всѣмъ своимъ корпусомъ, но только съ егерскою бригадою Пиллара и полуротою артиллеріи. Ея выстрѣлы должны были служить сигналомъ общей атаки, уже произведенной Орловымъ-Денисовымъ, прежде, нежели послѣдовали эти выстрѣлы. Маршъ корпуса Багговута, за которымъ шелъ корпусъ графа Строганова, былъ задержанъ въ лѣсу разными противорѣчащими приказаніями, привозимыми къ войскамъ.

Сверхъ того, полки 4-й дивизіи, Кременчугскій и Волынскій, и слѣдовавшая позади ихъ 17-я дивизія, Олсуфьева, впотьмахъ сбились съ

дороги въ лѣсу, и отъ того ни они, ни корпусъ графа Строганова не поспѣли во-время на назначенныя мѣста, а пришли только бригада Пиллара и бывшій въ головѣ 4-й дивизіи Тобольскій пѣхотный полкъ, при которомъ находился дивизіонный ея начальникъ, принцъ Евгеній Виртембергскій.

Выйдя изъ лѣса съ бригадой, Багговутъ тотчасъ открылъ огонь изъ орудій, но былъ убитъ однимъ изъ первыхъ ядеръ, пущенныхъ съ непріятельской батареи при Тетеринкѣ. Со смертью этого отличнаго генерала прекратилась общая связь дѣйствій его корпуса. Егеря разсыпались въ стрѣлки, нападали храбро, но не были своевременно поддержаны запоздавшими въ лѣсу колоннами; частныя усилія ихъ оставались тщетны, потому что Мюратъ успѣлъ уже выстроиться, перемѣнилъ фронтъ и осадилъ лѣвый флангъ назадъ. Слѣва отбивалъ онъ кирасирами атаки графа Орлова-Денисова, съ фронта открылъ огонь съ батарей, а между тѣмъ отправлялъ назадъ обозы, чтобы они не мѣшали отступленію, но минута удачнаго нападенія уже прошла, и Мюратъ былъ въ полномъ отступленіи. Отрядъ графа Орлова-Денисова нѣсколько разъ покушался отрѣзать ему дорогу на Спасъ-Куплю, но не могъ въ томъ успѣть, хотя и былъ поддержанъ частью дивизіи принца Евгенія.

Другіе корпуса, при которыхъ лично находился фельдмаршалъ, долго стояли неподвижно на мѣстѣ. По диспозиціи было имъ назначено быстрымъ наступленіемъ опрокинуть все находящееся передъ ними, но при началѣ сраженія Кутузовъ не ввелъ ихъ въ дѣло. Онъ разсчитывалъ, что успѣхъ тотчасъ рѣшится въ нашу пользу, если Беннигсену удастся произвести внезапную атаку, а въ противномъ случаѣ, если Беннигсена отобьютъ, то корпусъ, не вступившій въ сраженіе, и стоявшій въ виду непріятеля въ боевомъ порядкѣ, однимъ появленіемъ своимъ сможетъ предупредить послѣдствія, какія могла повлечь за собою неудача нашего праваго крыла.

Увидя, что наше правое крыло начало подаваться впередъ и непріятель отступаетъ, фельдмаршалъ велѣлъ стоявшимъ въ центрѣ пѣхотнымъ корпусамъ, предшествуемымъ кавалеріею Корфа, двинуться къ Чернишинѣ, а Васильчикова съ отдѣльнымъ отрядомъ послалъ въ правый флангъ непріятеля.

Неоднократно покушался Мюратъ, останавливаться, не для отпора, но для устройства войскъ и удаленія тяжестей, однако—каждый разъ испытываетъ неудачу. Нѣсколько полковъ его обратились въ бѣгство; кавалеристы, безъ сѣделъ и мундштуковъ, мчались туда и сюда по произволу своихъ тощихъ клячъ. Преслѣдованіе продолжалось семь верстъ, до Спасъ-Купли, гдѣ Мюратъ занялъ позицію и прикрылъ ее батареями; но онѣ не помѣшали бы дальнѣйшему за нимъ преслѣдованію, если бъ была на то воля Кутузова. Въ вечеру Мюратъ потянулся къ Воронову, тревожимый нашими легкими войсками. Регулярная кавалерія и пѣхотные корпуса графа Остермана и бывшій Багговута получили приказаніе остановиться, не доходя до Спасъ-Купли, а всѣ другіе корпуса не переступая за Чернишиню.

Поводомъ къ приказанію не итти далѣе было слѣдующее. Во время общаго наступательнаго движенія урядникъ Жирова полка привезъ отъ находившагося съ партіею на Подольской дорогѣ полковника князя Кудашева, перехваченное, предписаніе маршала Бертье къ одному французскому генералу объ отправленіи всѣхъ тяжестей на Можайскую дорогу.

Прочитавъ предписаніе, Кутузовъ заключилъ, что Наполеонъ намѣренъ выходить изъ Москвы, но куда? когда? съ какою цѣлью? было не-

извѣстно. Фельдмаршалъ ходилъ нѣсколько минутъ взадъ и впередъ, и рѣшилъ не преслѣдовать французовъ, имѣя въ виду не одно пораженіе Мюрата, но начало, такъ сказать, зародышъ новаго похода, который долженъ былъ послѣдовать въ самомъ скоромъ времени. Онъ предвидѣлъ, что съ часу на часъ ему придется выдержать противъ главной непріятельской арміи рядъ кровопролитныхъ сраженій, въ которыхъ, конечно, Наполеонъ будетъ биться на жизнь и на смерть.

Трофеи Тарутинскаго боя заключались въ 38 орудіяхъ, одномъ знамени, 40 зарядныхъ ящикахъ, 1.500 плѣнныхъ и большомъ количествѣ обоза. Въ числѣ убитыхъ находились генералы Фишеръ и Дери.

Въ непріятельскомъ лагерѣ и въ отбитыхъ обозахъ найдено много награбленныхъ въ Москвѣ вещей и предметовъ роскоши. Они составляли разительную противоположность съ недостаткомъ въ жизненныхъ припасахъ, который испытывалъ непріятель во время продолжительной стоянки при Чернишинѣ. Вокругъ догоравшихъ бивачныхъ огней валялись заколотыя для пищи, или уже объѣденныя лошади и ободранныя кошки. На дымившихся очагахъ стояли чайники и котлы съ конскимъ отваромъ; кое-гдѣ видны были крупа и горохъ, но и слѣдовъ не находилось муки, хлѣба и говядины. Вина, головы сахара и другія лакомства, привезенныя изъ Москвы, брошены были подлѣ жареной конины и пареной ржи. Больные, лишенные всякаго присмотра, лежали на холодной землѣ. Между ними находились дѣти и женщины, француженки, нѣмки, польки. Около шалашей разметаны были иконы, похищенныя изъ сосѣднихъ церквей и употребляемыя святотатцами вмѣсто дровъ. Въ находившихся близъ стана непріятельскаго церквахъ престолы были разрушены, лики святыхъ ниспровергнуты; лошади даже стояли въ алтаряхъ, оглашая ржаніемъ священныя стѣны, гдѣ искони возносились хвалебныя пѣсни Божеству.

Тарутинское сраженіе, стоявшее намъ 500 убитыхъ и раненыхъ, имѣло на войска большое нравственное вліяніе. Оно было первымъ наступательнымъ дѣйствіемъ нашей главной арміи и увѣнчалось, хотя и не совершеннымъ, какъ слѣдовало ожидать, но, по крайней мѣрѣ, значительнымъ успѣхомъ. Это сраженіе показало, что русскіе не помышляли о прекращеніи войны.

Подъ вечеръ армія возвратилась въ Тарутино. На половинѣ дороги стояла линія непріятельскихъ орудій. Тутъ же былъ Кутузовъ, сидѣвшій на крыльцѣ полуразрушенной избы. Указывая на трофеи, онъ привѣтствовалъ колонны словами:

— Вотъ сегодня вашъ подарокъ Государю и Россіи. Благодарю васъ именемъ Царя и отечества!

«Ура!», перемѣшанное съ веселыми пѣснями, долетало эхомъ радости къ нашему лагерю. Шумно и весело вступали въ него войска. Покой не шелъ имъ на умъ, какъ будто праздновалось воскресеніе умолкнувшей на время русской славы.

Богдановичъ.

„Спасена Россія“.

Выходъ Наполеона изъ Москвы.

Ночь была темная, теплая, осенняя. Шелъ дождикъ уже четвертый день. Два раза перемѣнивъ лошадей и въ полтора часа проскакавъ тридцать верстъ по грязной, вязкой дорогѣ, Болховитиновъ во второмъ часу ночи былъ въ Леташевкѣ.

Кутузовъ, какъ всѣ старые люди, мало спалъ по ночамъ. Онъ днемъ неожиданно задремывалъ; но ночью онъ, не раздѣваясь, лежа на своей постели, большею частью не спалъ и думалъ.

Такъ онъ лежалъ и теперь на своей кровати, облокотивъ тяжелую, большую изуродованную голову на пухлую руку и думалъ, открытымъ однимъ глазомъ присматриваясь къ темнотѣ.

Неразрѣшенный вопросъ о томъ, смертельна или не смертельна была рана, нанесенная въ Бородинѣ, уже цѣлый мѣсяцъ висѣлъ надъ головой Кутузова. Съ одной стороны, французы заняли Москву. Съ другой стороны, несомнѣнно всѣмъ существомъ своимъ Кутузовъ чувствовалъ, что тотъ страшный ударъ, въ которомъ онъ вмѣстѣ со всѣми русскими людьми напрягъ всѣ свои силы, долженъ былъ быть смертеленъ. Но во всякомъ случаѣ, нужны были доказательства, и онъ ждалъ уже ихъ мѣсяцъ, и чѣмъ дальше проходило время, тѣмъ нетерпѣливѣе онъ становился.

Въ ночь на 11-го октября онъ лежалъ, облокотившись на руку, и думалъ объ этомъ.

Въ сосѣдней комнатѣ зашевелились: послышались шаги Толя, Коновницына и Болховитинова.

— Эй, кто тамъ? Войдите, войди! Что новенькаго?—окликнулъ ихъ фельдмаршалъ.

Пока лакей зажигалъ свѣчку, Толь разсказывалъ содержаніе извѣстій.

— Кто привезъ?—спросилъ Кутузовъ съ лицомъ, поразившимъ Толя, когда загорѣлась свѣча, своею холодною строгостью.

— Не можетъ быть сомнѣнія, ваша свѣтлость!

— Позови, позови его сюда.

Кутузовъ сидѣлъ, спустивъ одну ногу съ кровати и навалившись большимъ животомъ на другую согнутую ногу. Онъ щурилъ свой зрячій глазъ, чтобы лучше разсмотрѣть посланнаго, какъ будто въ его чертахъ онъ хотѣлъ прочесть то, что занимало его.

— Скажи, скажи, дружокъ,—сказалъ онъ Болховитинову своимъ старческимъ голосомъ, закрывая распахнувшуюся на груди рубашку.— Подойди, подойди поближе. Какія ты привезъ мнѣ вѣсточки?.. А? Наполеонъ изъ Москвы ушелъ! Воистину, такъ? А?

Болховитиновъ подробно доносилъ все то, что ему было приказано.

— Говори, говори скорѣе, не томи душу,—перебилъ его Кутузовъ.

Болховитиновъ разсказалъ все и замолчалъ, ожидая приказанія. Толь началъ было говорить что-то, но Кутузовъ перебилъ его. Онъ хотѣлъ сказать что-то, но вдругъ лицо его сощурилось, сморщилось; онъ, махнувъ рукой на Толя, повернулся въ противную сторону, къ красному углу избы, чернѣвшему отъ образовъ.

— Господи, Создатель мой! Внялъ Ты молитвѣ нашей!..—дрожащимъ голосомъ сказалъ онъ, сложивъ руки.—Спасена Россія! Благодарю Тебя, Господи!..

И онъ заплакалъ. *Графъ Левъ Толстой.*

Сказаніе о 1812 годѣ.

(Бѣгство Наполеона изъ Москвы)

Вѣтеръ гонитъ отъ востока
Съ воемъ снѣжныя метели...
Дикой пѣснью злая вьюга
Заливается въ пустынѣ...

По безлюдному простору,
Безъ ночлега, безъ привала,
Точно сонмъ тѣней, проходятъ
Славной арміи остатки,
Егеря и гренадеры,
Кто окутанъ дамской шалью,
Кто церковною завѣсой, —
То въ сугробахъ снѣжныхъ вязнутъ,
То скользятъ, вразбродъ взбираясь
На подъемъ оледянѣлый...
Гдѣ пройдутъ — по всей дорогѣ
Пушки брошены, лафеты;
Снѣгъ заноситъ трупы коней,
И людей, и колымаги,
Нагруженныя добычей
Изъ святыхъ московскихъ храминъ...
Посреди разбитой рати
Ѣдетъ вождь ея [1]), привыкшій
Къ торжествамъ лишь да побѣдамъ...
Въ пошевняхъ, на жалкихъ клячахъ,
Ѣдетъ той же онъ дорогой,
Гдѣ прошелъ еще недавно,
Полный гордости и славы,
Къ той загадочной столицѣ
Съ золотыми куполами,
Гдѣ, казалось, совершится
Въ полномъ блескѣ чудный жребій
Повелителя вселенной,
Сокрушителя имперій...
Гдѣ жъ вы, пышныя мечтанья,
Гордый замыселъ?.. Надежды
И глубокіе расчеты
Прахомъ стали — и упорно
Ищетъ онъ всему разгадки,
Гдѣ и въ чемъ его ошибка?
Все напрасно!..
И поникъ онъ, и въ дремотѣ
Видитъ, какъ въ пріемномъ залѣ —
Незадолго до похода —
Въ Тюльери стоитъ онъ гнѣвный;
Вѣнценосцевъ всей Европы
Передъ нимъ послы: всѣ внемлютъ
Съ трепетомъ его угрозамъ...
Лишь одинъ стоитъ посланникъ [2]),
Не склонивъ покорно взгляда,
Съ затаенною улыбкой...
И, вспыливши, императоръ —
«Князь, вы видите, — воскликнулъ: —
Мнѣ никто во всей Европѣ
Не дерзаетъ поперечить:

---

[1]) Наполеонъ.
[2]) Русскій посланникъ князь Куракинъ.

Императоръ вашъ, на что же
Онъ надѣется, на что же?» —
«Государь, — въ отвѣтъ посланникъ, —
Взять въ расчетъ вы позабыли,
Что за русскимъ государемъ
Русскій весь стоитъ народъ!»
Онъ тогда расхохотался, —
А теперь-теперь онъ вздрогнулъ...
И глядитъ: утихла вьюга,
На морозномъ небѣ звѣзды,
А кругомъ на горизонтѣ
Всюду зарева пожаровъ...
Вспомнилъ онъ дворецъ Петровскій,
Гдѣ бояръ онъ ждалъ съ поклономъ
И ключами отъ столицы...
Вспомнилъ онъ пустынный городъ,
Вдругъ со всѣхъ сторонъ объятый
Моремъ пламени... А мира —
Мира нѣтъ!.. И днемъ, и ночью
Неустанная погоня
Вслѣдъ за нимъ враговъ незримыхъ...
Справа, слѣва — ихъ миллъоны
Тамъ въ лѣсахъ... «Такъ вотъ что значитъ —
Весь народъ!..»
И безнадежно
Вдаль онъ взоры устремляетъ:
Что-то грозное таится
Тамъ за синими лѣсами,
Въ необъятной этой дали.

Майковъ.

Москва и Кремль.

. . . . .Съ возвышенной главой,
Средь тысячи палатъ и храмовъ и домовъ,
Стоитъ чудесный Кремль, и блескъ его крестовъ
Лазурный свѣтъ небесъ лучами разсѣкаетъ —
И взоръ конца Москвы вдали не достигаетъ!
О, сколько подвиговъ, бореній, дѣлъ благихъ
Свершилось нѣкогда на сей землѣ священной,
И кровію сыновъ своихъ
И кровію враговъ средь битвы упоенный!
Не здѣсь ли доблестный Пожарскій [1]) нашъ гремѣлъ
Перуномъ мщенія и казни?
Не здѣсь ли сей герой безъ страха, безъ боязни
Въ сомкнутые ряды противниковъ летѣлъ?..
Тогда отчизны край, увы! былъ сиротою:
Въ немъ не было царя [2]), но мощной онъ рукою
Повергнувъ пришельцевъ, его намъ указалъ
И миръ, и тишину отчизнѣ даровалъ!

---

[1]) Предводитель народнаго ополченія въ 1612—1613 годахъ.
[2]) Еще не былъ избранъ на царство Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ.

И Кремль попрежнему съ утесистой вершины
Взглянулъ съ веселіемъ на градъ и на равнины!
Объ этотъ старый Кремль, какъ будто о скалу,
Въ нашъ вѣкъ разбилася вся мощь Наполеона!
Съ побѣдныхъ колесницъ онъ здѣсь сошелъ во мглу,
Какъ сходитъ въ мрачный гробъ съ возвышеннаго трона.
И ты, казалося, погибла вмѣстѣ съ нимъ.
Москва, покрытая вокругъ опустошеніемъ!
Пожаръ все истребилъ, и къ алтарямъ святымъ
Проникло мрачное безмолвье съ запустѣньемъ!
Но Царь небесъ въ Своихъ неислѣдимъ путяхъ!
Ты съ новой красотой и славою востала!
Глава Кремля вновь засіяла
Въ златыхъ, блистающихъ лучахъ!
И вновь воздвиглися и храмы, и чертоги,
Народомъ заперлись безлюдныя дороги,
И голосъ зашумѣлъ на торжищахъ твоихъ!
Теперь, что съ красотой твоей, скажи, сравнится?
Въ гранитныхъ берегахъ рѣка твоя струится,
И тысячи садовъ раскинулись на нихъ!
Москва, Москва! О, родина святая
Великихъ, доблестныхъ мужей!
Красуйся, торжествуй, всегда благословляя
Удѣлъ своихъ счастливыхъ дней!

А. Волковъ.

Площадь у Никольскихъ воротъ.

Есть у Кремлевскихъ Никольскихъ воротъ трехсторонняя площадь:
Зданье сената съ одной стороны, а съ другой — арсенала;
Съ третьей же — древнихъ сокровищъ и утварей царскихъ палата.
Вотъ, иноземецъ, смотри и скажи, что у насъ нераздѣльны
Ратный снарядъ, храмъ суда и величіе царской короны.
А глядите, какъ эти орлы, полетѣвши рядами,
Мѣдно-когтистыми лапами въ ржавыя пушки впилися!
Чьи же всѣ были онѣ? — И не вспомнишь! Двадцать народовъ
Шли на Москву и на Русь: то ихъ онѣмѣвшіе громы!
Русь незлопамятна: пушки взяла, имена позабыла!
Вотъ и Никольская башня, гдѣ древній святителя образъ
Вдѣланъ въ стѣнѣ, и горитъ день и ночь передъ ликомъ лампада.
Треснула въ взрывѣ Кремля и она въ двѣнадцатомъ годѣ;
Но святыня цѣла, уцѣлѣло стекло на кіотѣ,
Та же лампада на слабой цѣпи виситъ и донынѣ...

М. Дмитріевъ.

Кремль[1]).

О Кремль отеческій, твой прахъ
Лобзаемъ въ умиленьи!
Смотрите: на его стѣнахъ

[1]) Выступая изъ Москвы, Наполеонъ приказалъ взорвать Кремль. Но его замыселъ не вполнѣ удался, такъ какъ не всѣ подкопы взорвались: отъ взрывовъ пострадали часть кремлевскихъ стѣнъ и колокольня Ивана Великаго.

Отчаянное мщенье
Слѣдъ черный впечатлѣло свой:
Казня въ безумствѣ камень,
Губитель трепетной рукой
На нихъ свой бросилъ пламень.
«Не будь Кремля!» изрекъ злодѣй;
Но Кремль стоитъ священный;
Вспылалъ лишь древній домъ Царей,
Убійцей оскверненный.
Но ты, Царя вѣнчавшій храмъ,
Свѣтлѣй вознесъ ты къ небесамъ
Свой крестъ непобѣдимый!
И ты, Царей минувшихъ прахъ,
Твой сонъ не возмутился,
Когда въ пожарѣ и громахъ
Гулъ злобы разразился
Надъ тихой сѣнію твоей...
О, нашъ Сіонъ священный,
О, Кремль, свидѣтель славныхъ дней,
Красуйся обновленный!

В. Жуковскій.

Французы въ Москвѣ.

Чу! труба продребезжала...
Русь! тебѣ надменный зовъ.
Вспомяни жъ, какъ ты встрѣчала
Всѣ нашествія враговъ.
Созови изъ странъ далекихъ
Ты своихъ богатырей,
Со степей, съ равнинъ широкихъ,
Съ рѣкъ великихъ, съ горъ высокихъ,
Отъ семи твоихъ морей!

Пламень въ небо упирая,
Лютъ пожаръ Москвы реветъ:
Златоглавая, святая,
Ты ли гибнешь?.. Русь, впередъ!
Громче буря истребленья!
Крѣпче смѣлый ей отпоръ!
Это жертвенникъ спасенья,
Это пламень очищенья,
Это фениксовъ костеръ!
Гдѣ же вы, незваны гости,
Сильны славой и числомъ?
Снѣгъ засыпалъ ваши кости, —
Вамъ почетный былъ пріемъ.
Упилися — еле живы —
Вы въ московскихъ теремахъ:
Тяжелы домой пошли вы,
Безобразно полегли вы
На холодныхъ пустыряхъ.

Вы отвѣдать русской силы
Шли въ Москву: за дѣломъ шли!
Иль не стало на могилы
Вамъ отеческой земли?!.

1835. *Н. Языковъ.*

Малоярославецъ и Вязьма.

Вскорѣ послѣ Тарутинскаго дѣла, 6-го октября, Кутузовъ получилъ извѣстіе, что Наполеонъ, оставляя Москву, намѣренъ прорваться въ Малороссію. Дохтуровъ съ корпусомъ своимъ отряженъ былъ къ Боровску. Вслѣдъ за нимъ и вся армія, фланговымъ маршемъ, передвинулась на старую Калужскую дорогу, заслонила собою врата Малороссіи и была

Сраженіе подъ Малоярославцемъ 12 октября 1812 г.

свидѣтельницею жаркаго боя между нашимъ 6-мъ и 4-мъ французскимъ корпусами при Маломъ Ярославцѣ.

Милорадовичъ, сдѣлавъ въ этотъ день съ кавалеріею 50 верстъ, не далъ отрѣзать себя непріятелю и поспѣшилъ къ самому тому времени, когда сраженіе пылало и присутствіе его съ войсками было необходимо. Фельдмаршалъ, удивленный такою быстротою, обнималъ его и называлъ «крылатымъ». На глазахъ нашихъ сгорѣлъ и разрушился Малый Ярославецъ. На разсвѣтѣ генералъ Дохтуровъ, съ храбрыми войсками своего корпуса, присоединился къ арміи, которая подвинулась еще лѣвѣе, и стала твердою ногою на выгоднѣйшихъ высотахъ.

Милорадовичъ оставленъ былъ съ войсками своими на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ночь только прекратила сраженіе. Весь слѣдующій день проведенъ въ небольшой пушечной и ружейной перестрѣлкѣ.

Въ этотъ день жизнь генерала была въ явной опасности, и Провидѣніе явно оказало ему покровительство Свое. Отличаясь отъ всѣхъ шляпою съ длиннымъ султаномъ и сопровождаемый своими офицерами, заѣхалъ онъ очень далеко впередъ, и тотчасъ обратилъ на себя вниманіе непріятеля.

Множество стрѣлковъ, засѣвъ въ кустахъ, начали мѣтить въ него. Едва успѣлъ выговорить адъютантъ его Паскевичъ:

— Въ васъ цѣлятъ, ваше превосходительство!

Пули засвистали у насъ мимо ушей. Но ни одна никого не зацѣпила. Генералъ, хладнокровно простоявъ тамъ еще нѣсколько времени, спокойно повернулъ лошадь и тихо поѣхалъ къ своимъ колоннамъ, сопровождаемый пулями. Ермоловъ, прославившійся и самъ необычайною храбростью, очень справедливо сказалъ въ письмѣ Милорадовичу: «надобно имѣть запасную жизнь, чтобъ быть вездѣ съ вашимъ превосходительствомъ!»

Черезъ два дня бѣгство непріятеля стало очевидно, и нашъ арьергардъ, сдѣлавшись уже авангардомъ, устремился преслѣдовать его. Темныя, дремучія ночи, скользкія проселочныя дороги, голодъ и труды; вотъ что преодолѣли мы во время искуснѣйшаго фланговаго марша, предпринятаго генераломъ Милорадовичемъ *отъ Егорьевска прямо къ Вязьмѣ.*

Главное достоинство этого марша было то, что онъ былъ совершонъ въ тайнѣ отъ непріятеля, который тогда только узналъ, что сильное войско у него во флангѣ, когда мы вступили съ нимъ въ бой, ибо до того времени одинъ генералъ Платовъ тѣснилъ его летучими своими отрядами.

Началось сраженіе, съ первымъ лучомъ солнца, въ 12 верстахъ отъ Вязьмы. У насъ было 30.000, а вице-король итальянскій и маршалы Даву и Ней выставили противъ насъ болѣе 50.000. Непріятель занималъ попеременно шесть выгоднѣйшихъ позицій; но всякій разъ съ великимъ урономъ сбиваемъ былъ съ каждой, побѣдоносными войсками нашими.

Превосходство въ силахъ и отчаянное сопротивленіе непріятеля продлили сраженіе цѣлый день. Противникъ хотѣлъ непремѣнно дать обозамъ время уйти, и, продержавшись цѣлую ночь въ Вязьмѣ,весь городъ превратить въ пепелъ. Такъ увѣряли плѣнные; и слова ихъ подтверждались тѣмъ, что почти всѣ печи въ домахъ наполнены были порохомъ и горючими веществами.

Но Милорадовичъ, пославъ Паскевича и Чоглокова съ пѣхотою, которые тотчасъ и ворвались съ штыками въ улицы, самъ, съ бывшими при немъ генералами, устроивши всю кавалерію, повелъ ее въ объятый пламенемъ и наполненный непріятелемъ городъ.

Рота конной артиллеріи, идя впереди, очищала улицы выстрѣлами, кругомъ горѣли и съ сильнымъ трескомъ распадались дома; бомбы и гранаты, до которыхъ достигало пламя, съ громомъ разряжались; непріятель стрѣлялъ изъ развалинъ и садовъ; пули свистали по улицамъ...

Видя рѣшимость войскъ нашихъ и свою гибель, непріятель оставилъ городъ и бѣжалъ, бросая повсюду за собою зажигательныя вещества.

На дымившемся горизонтѣ угасало солнце. Помедли оно еще часъ, и пораженіе было бы еще болѣе рѣшительнымъ, но мрачная осенняя ночь приняла бѣгущія толпы непріятеля подъ свой покровъ.

До пяти тысячъ плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ извѣстный генералъ Пелетье, знамена и пушки были трофеями этого дня. Врагъ потерялъ, конечно, до 10.000. Путь на 12 верстахъ устланъ его трупами. Генералъ Милорадовичъ остановился въ томъ самомъ домѣ, гдѣ стоялъ Наполеонъ, и велѣлъ тушить горящій городъ. На другой день назначенъ комендантъ, устроена военная полиція, велѣно очищать улицы отъ мертвыхъ тѣлъ, разослано по уѣзду объявленіе, приглашавшее жителей къ возстановленію, по возможности, домовъ и храмовъ Божіихъ въ отечественномъ ихъ городѣ, исторгнутомъ нынѣ изъ кровавыхъ рукъ нечестивыхъ враговъ.

Со временемъ благородное дворянство и граждане Вязьмы почувствуютъ цѣну этого великаго подвига и воздадутъ должную благо-

дарность освободителю ихъ города. Пусть поставятъ они на томъ самомъ полѣ, гдѣ было сраженіе, хотя не многоцѣнный, памятникъ, и украсятъ его, по примѣру древнихъ, простою надписью: «Отъ признательности благороднаго дворянъ сословія и гражданъ Вязьмы начальствовавшему россійскимъ авангардомъ генералу-отъ-инфантеріи Милорадовичу за то, что онъ, съ 30.000 россіянъ, разбивъ 50-тысячное войско непріятельское, исторгнувъ изъ рукъ его горящій городъ ихъ, потушилъ пожары и возвратилъ оный обрадованному отечеству и утѣшеннымъ гражданамъ въ достопамятный день 22 октября 1812 года».

Въ битвѣ участвовали: извѣстный генералъ графъ Остерманъ; князь Сергѣй Николаевичъ Долгорукій, который, отличаясь прежде на поприщѣ дипломатическомъ, горѣлъ желаніемъ служить въ Отечественной войнѣ и промѣнялъ перо на шпагу. Но, служа въ полѣ, онъ не переставалъ украшать бесѣдъ своихъ тою же неподражаемою остротою ума, которою блисталъ нѣкогда при дворахъ государей. Русскіе ко всему способны!.. Генералы: Ермоловъ, Паскевичъ, Олсуфьевъ и Чоглоковъ, храбростью и благоразуміемъ своимъ содѣйствовали къ совершенному пораженію врага. Полковникъ Потемкинъ, со свойственнымъ ему мужествомъ, какъ начальникъ штаба по авангарду, наблюдалъ за движеніями нашихъ войскъ въ опаснѣйшихъ мѣстахъ.

Ѳ. Глинка.

Наполеонъ въ Городнѣ.

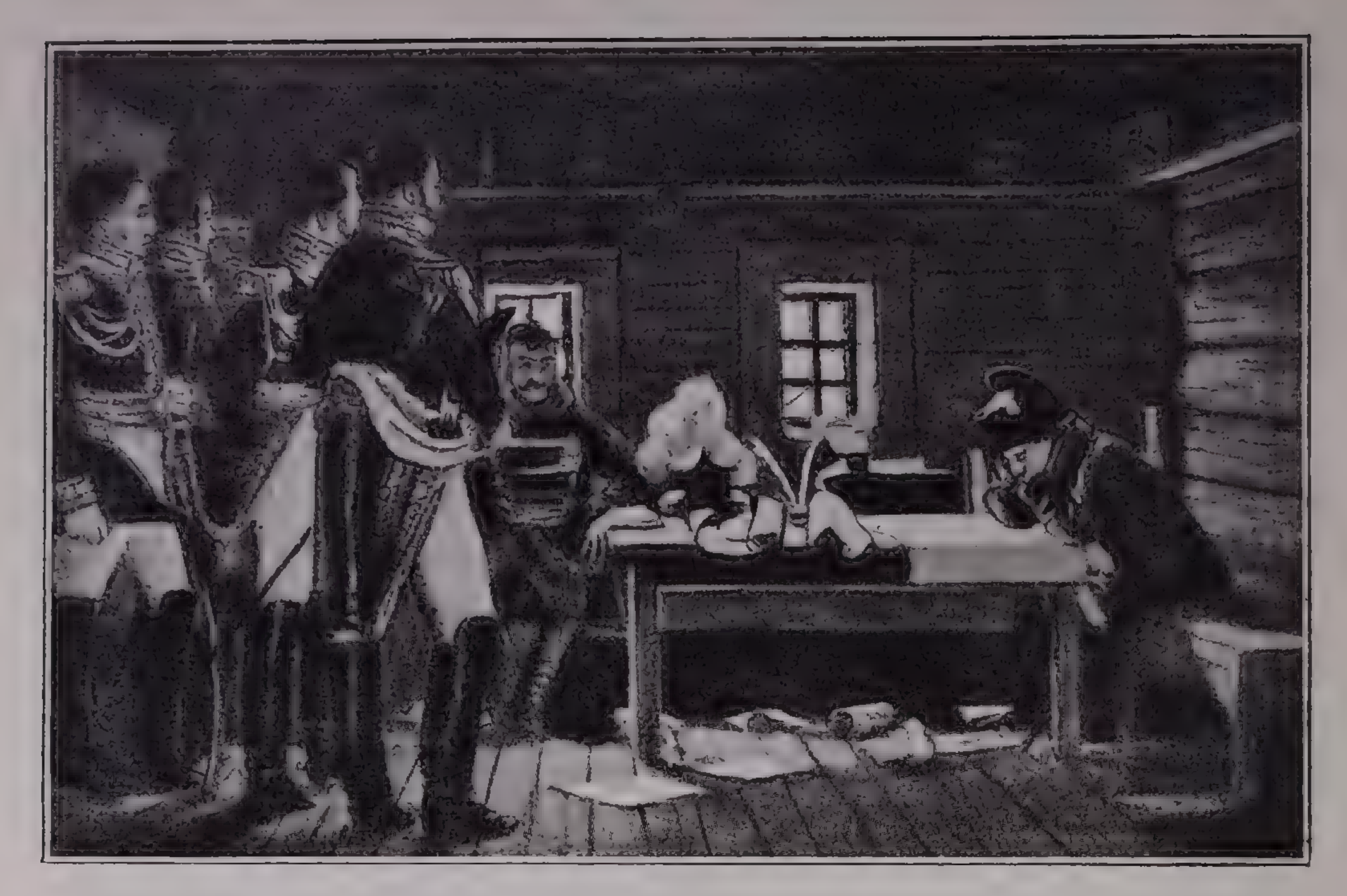
Ночью послѣ Малоярославскаго сраженія Наполеонъ находился въ Городнѣ, въ избушкѣ ткача. Предъ нимъ на столѣ былъ главный его совѣтникъ и путеводитель—карта: на картѣ нѣсколько серебряныхъ подсвѣчниковъ, изъ которыхъ восковыя свѣчи бросали свѣтъ на этотъ тѣсный дворецъ императора.

Къ Наполеону собрались: два короля и три главные генерала рѣшать судьбу Европы.

Мраченъ, блѣденъ, угрюмъ, былъ Наполеонъ. Опершись на оба локтя, положа на руки свою голову, онъ пристально разсматривалъ карту. Печальны, задумчивы стояли, сотворенные императоромъ, вице-король Италійскій и король Неаполитанскій. Этотъ щеголь, наѣздникъ, являвшійся всегда въ сраженіяхъ, какъ рыцарь на турнирѣ, за которымъ всегда носились тысячи сабель, палашей и уланскихъ пикъ! Молча, но съ сильнымъ, внимательнымъ любопытствомъ глядѣли на него маршалы Даву и умные, исполнительные его генералы Бессьеръ и Бертье. И всѣхъ этихъ сановниковъ и генераловъ, вездѣ и всегда враждовавшихъ другъ противъ друга за славу и громкіе титулы, роднила и соединяла теперь одна мысль: что порѣшитъ Наполеонъ? Они всѣ одинаково ждали могучаго его слова. Но императоръ, не перемѣняя положенія, безмолвно глядѣлъ на карту, и его мертвое раздумье сомкнуло гробовымъ молчаніемъ всѣ уста.

Мюратъ, витязь боя и всегдашній рабъ перваго своего впечатлѣнія, всегда упрямо руководимый смѣлымъ вдохновеніемъ своей души, первый приблизился къ Наполеону:

— Можно поправить дѣло,—сказалъ онъ рѣшительнымъ, твердымъ голосомъ, облокотясь на свою, изукрашенную каменьями саблю;—въ войнѣ всегда одинъ успѣхъ боя рѣшаетъ все! Намъ остается одно: напасть и прорваться! Благоразуміе и наше спасеніе сами бросаютъ насъ на этотъ отважный подвигъ. Остановиться нельзя, невозможно; бѣгство опасно, остается одно—гнать и преслѣдовать русскихъ! Откуда эти непроходимые,

Наполеонъ рѣшаетъ въ Городнѣ вопросъ: «пробиваться или отступать».
Съ карт. В. Верещагина.

грозные лѣса и ущелья! Пусть мнѣ дадутъ всю кавалерію, находящуюся здѣсь съ нами, и гвардію, и мы пройдемъ сквозь эти лѣса, разбросаемъ русскіе батальоны и проведемъ всю нашу армію въ Калугу.

При словѣ «Калуга» Наполеонъ быстро поднялъ взоръ и спокойно сказалъ:

— Замыселъ дерзкій, отважный; но мы уже и такъ принесли много въ жертву славѣ; теперь насъ должно занимать одно—спасеніе войска.

Бессьеръ, котораго глубоко раздражало самолюбіе при одной уже мысли—покориться королю Неаполитанскому, и совсѣмъ не желая отдáть ему въ жертву гвардейскую кавалерію, которую онъ самъ составлялъ и надъ которой самъ начальствовалъ, смѣло началъ возражать Мюрату:

— Порывъ итти сражаться—уничтожитъ нашу кавалерію, погубитъ всю гвардію. Вникните: наше продовольствіе слишкомъ недостаточно, мы можемъ быть и отъ одного голода обезоружены и порабощены! Наши раненые гибнутъ безъ помощи, такъ въ этомъ ли положеніи намъ рѣшиться сражаться и слѣдить непріятеля? Вчера мы видѣли, мы были свидѣтелями—съ какимъ ожесточеніемъ, рѣшимостью русскіе бились и умирали, намъ остается одно—отступать.

Всѣ быстро, какъ бы потрясенные сильнымъ электричествомъ, вгзлянули на императора; но Наполеонъ молчалъ, и своимъ спокойнымъ безмолвіемъ какъ бы одобрялъ мнѣніе Бессьера.

— И я полагаю,—прибавилъ князь Экмюльскій,—что намъ всего удобнѣе отступать чрезъ Медынь на Смоленскъ.

— Подобное предложеніе,—выразился Мюратъ, постоянно враждуя съ Даву,—по-моему, самая неблагоразумная мѣра къ спасенію; идя на Медынь, мы подвергаемся всѣ опасности; насъ задавитъ правый флангъ русской арміи. И зачѣмъ итти на Медынь, когда у насъ есть Верея и Бо-

ровскъ? И путь, который вы избираете намъ къ спасенію, будетъ вѣрнымъ путемъ—къ нашей гибели.

— Я предлагаю,—вспыхнувъ отвѣчалъ Даву,—дорогу, которая еще не разорена войной, на которой мы еще можемъ сыскать продовольствіе, убѣжища и которая ближе насъ выведетъ къ Смоленску; а тутъ итти на Боровскъ и Верею, какъ вы предлагаете намъ, по песку, разоренію, трупамъ и голодными; впрочемъ, я сказалъ свое мнѣніе, прибавилъ онъ, и буду повиноваться волѣ императора. Одинъ только онъ можетъ рѣшить, но съ вами я никогда не соглашусь.

Въ этой горячей ссорѣ и распрѣ вице-король и Бертье молчали. Наполеонъ, погруженный въ думу, казалось, повидимому, не вималъ ихъ спорамъ, но утомленный и желая кончить всѣ ихъ безплодныя разсужденія, всталъ со своего мѣста и сказалъ:

— Хорошо, господа! Я подумаю и рѣшу.

На утро, призвавъ Бертье, онъ разослалъ приказы своимъ корпуснымъ командирамъ, отступать въ назначенныя имъ мѣста, и все войско Наполеона потащилось назадъ, а самъ онъ быстро проѣхалъ въ Боровскъ, въ которомъ уцѣлѣлъ одинъ только домъ куцпа Большакова, гдѣ останавливался императоръ, и то потому только, что приказчикъ Большакова на колѣняхъ умолилъ Наполеона пощадить собственность его хозяина,— и онъ пощадилъ.

В. Глинка.

Роковая минута.

Тревожно, съ боязнью проводилъ Наполеонъ ночь въ темной, душной избѣ на 13-е октября въ Городнѣ, подъ Малоярославцемъ. Сонъ не смыкалъ его глазъ. Онъ все къ чему-то прислушивался: казалось, онъ боялся, что вся русская армія обойдетъ, захватитъ и уничтожитъ его со всѣми гигантскими замыслами. Нетерпѣливо ожидалъ онъ разсвѣта; а ночь была длинная, темная, вполнѣ осенняя... Мрачныя думы сильно тревожили его душу; онъ часто спрашивалъ: «не слыхать ли выстрѣловъ?»

Въ голову самого Наполеона запала тяжкая мысль раздумья: какъ спасти свою армію? Малоярославецъ былъ занятъ его войскомъ; но какъ собрать ему разсѣянныя свои полчища и куда вести корпуса, когда передъ нимъ сто тысячъ воиновъ, которыхъ нашъ полководецъ, предвидя замыселъ Наполеона, теперь такъ неожиданно выс авилъ ему навстрѣчу?

Въ четыре часа утра, одинъ изъ адъютантовъ императора, князь Арембергъ, привезъ извѣстіе, что нѣсколько казачьихъ отрядовъ, воспользовавшись темнотою ночи, пронеслись вихремъ мимо аванпостовъ и, скрывшись въ лѣсъ по лѣвую сторону дороги, могутъ принести много бѣдъ. Наполеонъ не ожидалъ большого дѣла на пути отрядовъ Понятовскаго съ кавалеріею по Медынской дорогѣ, которая была тогда въ селѣ Кременскѣ, почти въ сорока верстахъ отъ его ночлега, а потому онъ совершенно равнодушно прослушалъ донесеніе и предупрежденіе своего адъютанта, относительно казаковъ, какъ бы презирая нестройныя орды удалыхъ наѣздниковъ.

Ему тѣснило въ груди; надоѣла эта октябрьская осенняя ночь. Онъ вскочилъ съ постели, потребовалъ одѣваться, дежурнаго генерала и охранный взводъ.

Густыя, сырыя, туманныя облака застилали небо. Утренняя прохлада, растворяя воздухъ, не проницала тяжелаго тумана,—тумана испареній крови надъ городомъ. Вторые пѣтухи пропѣли, и свѣтъ дня, прокрадываясь сквозь туманный, ночной мракъ, началъ освѣщать облака и

мало-по-малу обозначать всѣ предметы виднѣе и ярче... Восточная часть небосклона залилась розовымъ свѣтомъ, отбрасывая прямой, яркій блескъ на всю мѣстность, съ одной стороны открывая большую Московскую дорогу въ виду горъ, съ разрушеннымъ городкомъ, обгорѣлыми церквами и строеніями, по которой черной полосой тянулся артиллерійскій обозъ и тяжелый паркъ къ Боровску. Съ другой, вправо отъ города, тихо пробрались, между лѣсомъ, посланные атаманомъ Платовымъ, въ разъѣздъ казачьи сотни. Отрядъ, сильный болѣе смѣлостью, чѣмъ числомъ, перейдя рѣку Лужу, обошелъ непріятеля, и заслыша стукъ колесъ, завидя обозъ и остановясь, выжидалъ удобной минуты къ нападенію. Лужайка и пологая возвышенность, по которой раскидывалась большая дорога и тянулись пороховые ящики, походный госпиталь артиллеріи, артиллерійскія фуры, великолѣпныя, пышныя коляски, кареты, полуразвалившіяся брички и весь непріятельскій обозъ, со всѣмъ его безпорядкомъ. Всѣ торопились спрятать награбленное свое достояніе, боясь быть отрѣзанными и попасться въ плѣнъ.

Неподалеку отъ этой сумятицы, по лѣвую сторону дороги, какъ черная туча, освѣщенная яркимъ лучомъ солнца, выѣзжалъ въ мохнатыхъ шапкахъ, украшенныхъ мѣдными бляхами, красными кистями, съ красными висящими эполетами, конвойный взводъ конныхъ французскихъ гвардейскихъ гренадеръ. За отрядомъ, идущимъ съ какою-то важною почтительною тишиною, ѣхалъ небольшого роста, смѣлой осанки всадникъ. Онъ былъ въ простомъ сѣромъ сюртукѣ, застегнутомъ на нѣсколько среднихъ пуговицъ, въ ботфортахъ, незакрывавшихъ колѣнъ; одна рука всадника покойно заложена на груди за сѣрый сюртукъ подъ жилетъ, другою онъ слабо держалъ мундштучные поводья. Его крѣпкій конь выступалъ мѣрно и твердо; арабская морда его была опущена, глаза сонные, остальныя лошади всего отряда также шли съ опущенными головами сонно и спокойно, какъ обыкновенно бываетъ у строевыхъ коней на зарѣ, не растревоженныхъ еще шпорами, не разгоряченныхъ скачкою. Всадникъ былъ въ фуражкѣ; важноспокойно задумчивый видъ его исполненъ былъ ума и душевной силы. Изъподъ нависшихъ бровей его сверкалъ сильный, рѣзкій лучъ свѣта, освѣщая мрачный, свинцовый обликъ, склоненный къ груди. Что-то особенно важное, теперь занимало этого небольшого всадника. Его рѣзкая улыбка, видъ, его движенія и простая, но оригинальная одежда — все показывало въ немъ человѣка, живущаго не по-просту, какъ живутъ всѣ люди; а безмолвное почтеніе окружавшихъ его генераловъ обличало въ немъ не простого начальника, отправившагося для обозрѣнія мѣстности и непріятельскихъ дѣйствій.

Позади этого маленькаго человѣка ѣхавшаго безмолвно, съ мрачнымъ взоромъ, исполненнаго ума, гордой самонадѣянности и душевной силы, слѣдовало два генерала и еще нѣсколько адъютантовъ. Все ихъ вниманіе, было приковану къ всаднику; казалось, онъ составлялъ ихъ душу.

Внимательно обозрѣвая окрестность, всадникъ, молча, вглядывался вдаль. Передъ нимъ, съ одной стороны, была черная груда испепеленныхъ дровъ на горахъ, съ дымившимися строеніями, съ обгорѣвшими церквами и колокольнями, а съ другой—безпорядокъ обоза и смятеніе бѣгущихъ отъ какой-то страшной опасности. Бросая изумленные и любопытные взоры, онъ ищетъ грознаго непріятеля, и не найдя, хладнокровно улыбается надъ бѣгущими страдальцами, воображавшими мнимую опасность. Однако, генералы и адъютанты признаютъ въ этой черной тучѣ, тихо двигавшейся, конный строй, но въ такомъ порядкѣ, съ такою тишиною въ ря-

дахъ, что всадникъ, принимая отряды нашихъ казаковъ за французскую кавалерію, поѣхалъ впередъ прямо къ нимъ. Показались мохнатыя шапки и малорослыя донскія лошади; но ряды такъ стройны, казаки не гарцуютъ, не кидаются на добычу къ обозу по ихъ прадѣдовскому, заповѣдному обычаю. И всадникъ ѣдетъ спокойно впередъ.

— Ваше величество! Непріятель! Берегитесь!—произнесъ генералъ Рапъ, быстро подскочивъ къ Наполеону. И вдругъ окрестность ожила громкими гиками и ржаніемъ лошадей и черная стая, такъ пугавшая издали обозъ, разнеслась калеными стрѣлами во всѣ стороны. Донцы бросились на фуры, пушки и повозки... Вначалѣ ихъ шумныя восклицанія казалось Наполеону громкими привѣтствіями его кавалеріи. Желая удостовѣриться, онъ дернулъ поводья, и его конь, поднявъ морду и уши, остановился, какъ вкопанный.

— Казаки! Казаки!—кричали Рапъ и адъютанты Наполеона, и Наполеонъ, окруженный казаками, увидѣлъ всю опасность. Презирая бѣгство онъ выхватилъ шпагу, блѣдное лицо его вспыхнуло, взоръ зажегся безстрашіемъ, и онъ упрямо приготовился защищаться. Казаки были близки, они неслись прямо къ Наполеону. Рапъ рѣшился спасти императора; онъ схватилъ за узду его лошадь, круто повернулъ ее, крича: «Спасайтесь! Вамъ должно спасаться!»—и быстро перевернувъ своего коня навстрѣчу казацкихъ пикъ, закрылъ своею грудью Наполеона.

А между тѣмъ одинъ удалецъ казацкаго отряда, прильнувъ острой пикой къ шеѣ своего бѣгуна, мѣтя ударить въ Наполеона, упалъ со всего размаха подъ свою лошадь на землю, отъ удара его коня объ лошадь Рапа, освободившаго Наполеона. Адъютанты и весь малочисленный отрядъ съ саблями на-голо, окруживъ Наполеона, дали залпъ и, скрестя сабли, выручили Рапа.

Солнце заиграло своими лучами, озаривъ страшную минуту, въ которую вся слава великаго завоевателя могла исчезнуть въ безславіи плѣна. Вдали по дорогѣ, заслыша выстрѣлы, неслись четыре эскадрона конныхъ егерей: то было прикрытіе Наполеона, котораго не дождался нетерпѣливый императоръ, отправляясь къ Малоярославцу.

А казаки, посланные своимъ атаманомъ въ тылъ непріятелю на высмотръ и розыскъ, наткнувшись нечаянно на вооруженный отрядъ, провожавшій самого Наполоена, дружно бросились хозяйничать въ фурахъ, захватывая полные бочонки съ вычеканенными французскими имперіалами. Быстро перескакивая съ коней своихъ къ добычѣ на фуры и пушки, донцы оставляли вовсе безъ вниманія сумрачнаго, небольшого человѣка въ сѣромъ сюртукѣ, не только не подозрѣвая въ немъ великаго вождя, но и французскаго генерала. Завидя скакавшіе съ палашами и саблями отряды гвардейской французской кавалеріи, которая неслась, чтобы отнять свои фуры и обозъ, казаки пустились утекать, бросая все то, съ чѣмъ не подъ силу было имъ ладить, и завладѣвъ одиннадцатью орудіями, золотомъ, трехъ аршинной мѣдной печкой Наполеона, предъ которой онъ грѣлся по вечернимъ и утреннимъ зарямъ, помчались къ рѣкѣ и за рѣку къ своимъ, въ ставку графа Платова.

Наполеонъ, въ сопровожденіи кавалерійскихъ отрядовъ, велѣлъ слѣдовать за собою всей своей гвардіи и поѣхалъ къ Малоярославцу,

Солнце уже во всемъ блескѣ сіяло надъ окровавленными горами, гдѣ догоравшія развалины замѣнили городъ. Картина была поразитель-

ная—ужасная: равнина и ущелія горъ были завалены трупами. Наполеонъ окинулъ быстрымъ взоромъ всѣ эти печальныя, горестныя трофеи вчерашняго боя.

Для него было теперь все ясно; онъ видѣлъ самъ, что Кутузовъ удалялся на Калужскую дорогу со сто двадцатью тысячами, заграждалъ ему прямой путь въ Калугу, а по лѣвой сторонѣ города стояли еще наши корпуса и наши застрѣльщики, засѣвши въ кустахъ, изрѣдка перестрѣливались съ непріятельскими стрѣлками. А вправо, на Медынской дорогѣ, стоялъ съ пушками и кавалеріею Платовъ... Императоръ видѣлъ, что бой безполезенъ, прорваться нельзя, и, сумрачно сойдя съ лошади, долго въ глубокомъ размышленіи стоялъ предъ разложенною картою. Тихо и молча окружали его маршалы и генералы, и въ нѣмомъ молчаніи и надеждѣ ожидали мысли, которая бы, вспыхнувъ въ головѣ Наполеона, вывела всѣхъ на дорогу къ спасенію.

Вл. Глинка.

Подъ Краснымъ.

Поля давно покрылись снѣгомъ. Начались сильные морозы, сопровождаемые вѣтромъ и метелями. Но вдругъ снова потеплѣло. Стужа смѣнилась туманами. Начало таять. По дорогамъ образовались выбоины и невылазная грязь. Кутузовъ, сопровождая свои ободренные побѣдой отряды, ѣхалъ то въ крытыхъ саняхъ, то въ коляскѣ, и даже, смотря по пути, на дрожкахъ.

На дневкѣ 6-го ноября князь, осматривая верхомъ биваки, часу въ пятомъ дня приблизился къ лагерю гвардейскаго Семеновскаго полка. Его сопровождали нѣсколько генераловъ и адъютантовъ. Всѣ были въ духѣ, оживленно и весело толковали объ окончательномъ пораженіи корпуса Нея, причемъ въ одномъ изъ захваченныхъ русскими обозовъ былъ даже взятъ маршальскій жезлъ грознаго герцога Даву.

Вечерѣло. Густой туманъ съ утра плавалъ надъ полями; среди него кое-гдѣ, какъ острова, виднѣлись опустѣлыя деревеньки и чернѣли вершины лѣса. Свѣтлѣйшій подъѣхалъ къ палаткѣ командира гвардейцевъ генерала Лаврова. Князь и его свита сошли съ лошадей. Князю у палатки поставили скамью, на которую онъ съ удовольствіемъ опустился, кряхтя и разминая усталые члены.

Сопровождавшіе князя гвардейскіе солдаты—кирасиры, сойдя въ это время съ лошадей, стали вокругъ него съ отбитыми непріятельскими знаменами, составивъ изъ нихъ для защиты отъ вѣтра нѣчто въ родѣ шатра. Кутузовъ смотрѣлъ на эти знамена. Туманъ вправо надъ полемъ разошелся, и заходившее солнце изъ-за холма ярко освѣтило ряды палатокъ, пушки, ружья въ козлахъ, оживленныя кучки солдатъ, бродившихъ по лагерю и сидѣвшихъ у разведенныхъ костровъ. Денщики разносили чай. Кто-то сталъ читать вслухъ надписи надъ знаменами.

— Что тамъ?—спросилъ, взглянувъ на знамена, Кутузовъ.—Написано Австерлицъ? Да, правда, жарко было подъ Австерлицемъ, но теперь мы отомщены. Укоряютъ, что я за Бородино выпросилъ гвардейцамъ капитанамъ брильянтовые кресты... Какіе же навѣсить теперь за Красное?.. Да осыпь я не только офицеровъ, каждаго солдата алмазами—все будетъ мало!

Князь помолчалъ. Онъ улыбался. Всѣ въ тихомъ удовольствіи смотрѣли на стараго полководца, который теперь былъ въ духѣ, а за послѣдніе дни даже будто помолодѣлъ.

— Помню я, господа, лучшую мою награду,—сказалъ Кутузовъ,— награду за Мачинъ. Я получилъ тогда Георгіевскую звѣзду. Въ то время эта звѣзда была въ особой чести; я же былъ помоложе и полонъ надеждъ... Да... вотъ и получилъ я завѣтную звѣзду. Матушка же царица, блаженной памяти Екатерина, потребовала меня въ Царское Село. Ѣду я, пріѣхалъ. Вижу, пріемъ заготовленъ парадный. Вхожу въ раззолоченныя залы, полныя пышными, раззолоченными сановниками и придворными. Всѣ съ уваженіемъ, какъ и подобало, смотрятъ на храбраго и статнаго измаильскаго героя, скажу даже красавца, да именно, красавца. Потому что я тогда, въ сорокъ шесть лѣтъ, еще не былъ, какъ теперь, старою вороной... Я же—ни на кого. Иду и думаю объ одномъ: у меня на груди преславная георгіевская звѣзда. Дошелъ до кабинета, смѣло отворяю дверь... Что же со мной и гдѣ я? вдругъ спросилъ я себя. Забылъ я, господа, и Георгія, и Измаилъ, и то, что я—Кутузовъ... И ничего какъ есть передъ собой не взвидѣлъ, кромѣ небесныхъ голубыхъ глазъ, кромѣ величаваго царскаго взора Екатерины... Да, вотъ была награда!..

Кутузовъ съ трудомъ дсстalъ изъ кармана платокъ, отеръ имъ глаза и лицо и задумался. Всѣ почтительно молчали.

— А гдѣ-то онъ сегодня ночуетъ,—вдругъ сказалъ князь, громко засмѣявшись:—гдѣ-то нашъ Бонапартъ? Пошелъ по шерсть, самъ стриженный воротился. Не везетъ ему. Бѣжитъ отъ насъ теперь, какъ школьникъ отъ березовой каши.

Дружный хохотъ присутствовавшихъ покрылъ слова князя.

— Кстати,—снова заговорилъ Кутузовъ,—сегодня я изъ Петербурга отъ нашего уважаемаго писателя Ивана Андреевича Крылова получилъ его новую собственноручную басню. Вотъ такъ подарокъ!

Кутузовъ, заложа руку за спину, вынулъ изъ мундирнаго кармана скомканный листъ синеватой почтовой бумаги, расправилъ его, и будучи съ молодыхъ лѣтъ отличнымъ чтецомъ, отчетливо, съ одушевленіемъ прочелъ басню «Волкъ на псарнѣ», написанную Крыловымъ на попытку Наполеона завести переговоры о мирѣ при Тарутинѣ.

Волкъ ночью, думая залѣзть въ овчарню,
Попалъ на псарню.
Поднялся вдругъ весь псарный дворъ.
Почуя сѣраго такъ близко забіяку,
Псы залились въ хлѣвахъ и рвутся вонъ на драку.
Псари кричатъ: «Ахти, ребята, воръ!»
И вмигъ ворота на запоръ.
Въ минуту псарня стала адомъ.
Бѣгутъ: иной съ дубьемъ,
Иной съ ружьемъ.
«Огня! — кричатъ. — Огня!» Пришли съ огнемъ.
Мой волкъ сидитъ, прижавшись въ уголъ задомъ.
Зубами щелкая и ощетиня шерсть,
Глазами, кажется, хотѣлъ бы всѣхъ онъ съѣсть.
Но, видя то, что тутъ не передъ стадомъ,
И что приходитъ, наконецъ,
Ему расчесться за овецъ,
Пустился мой хитрецъ
Въ переговоры
И началъ такъ: «Друзья! къ чему весь этотъ шумъ?
Я, вашъ старинный сватъ и кумъ,

Пришелъ мириться къ вамъ, совсѣмъ не ради ссоры.
Забудемъ прошлое, уставимъ общій ладъ!
А я не только впредь не трону здѣшнихъ стадъ, —
Но самъ за нихъ съ другими грызться радъ
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я...» — «Послушай-ка, сосѣдъ, —
Тутъ ловчій перервалъ въ отвѣтъ:
— Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ!..

При этихъ словахъ басни Кутузовъ приподнялъ бѣлую съ краснымъ околышемъ гвардейскую фуражку, и указавъ на свою сѣдую съ рѣдкими, зачесанными назадъ волосами голову, громко и съ чувствомъ продекламировалъ заключительныя слова ловчаго:

А потому обычай мой —
Съ волками иначе не дѣлать мировой,
Какъ снявши шкуру съ нихъ долой!..»
И тутъ же выпустилъ на волка гончихъ стаю.

Окружавшіе князя восторженно крикнули «ура», подхваченное всѣмъ лагеремъ.

— Ура, спасителю отечества! крикнулъ, отирая слезы и съ восторгомъ офицеръ Квашнинъ.

— Не мнѣ, русскому солдату честь!—закричалъ Кутузовъ, взобравшись, при помощи подскочившихъ офицеровъ, на лавку и размахивая фуражкой.—Онъ, онъ сломилъ и гонитъ теперь подстрѣленнаго на-смерть, голоднаго звѣря!..

Г. Михайловичъ-Данилевскій.

Красный.

(Разсказъ участника войны).

Тихо подкрались мы къ большой дорогѣ, изъ Смоленска въ Красное. Непріятель полагалъ насъ за тридевять земель; а мы, какъ будто изъ подъ земли, очутились вдругъ передъ нимъ!

Это впрямь по-суворовски!

Теперь называютъ это фланговымъ или боковымъ маршемъ.

3 ноября показались мы изъ лѣсовъ противъ деревни Ржавки. Непріятель шелъ по большой дорогѣ покойно и весело.

Великіе обозы съ сѣверными гостинцами тянулись между колоннъ. Милорадовичъ приказалъ тотчасъ нападать.

Непріятель остановился, направилъ въ овраги и тростники множество стрѣлковъ, выставилъ, между березъ, по высотамъ дороги легкія орудія; а тяжелой артиллеріи и обозамъ, въ сопровожденіи конницы своей, велѣлъ спасаться впередъ. Наши наступали съ обычнымъ мужествомъ и дѣло загорѣлось! Несмотря на великое превосходство въ силахъ непріятеля предъ нами, онъ былъ мгновенно сбитъ съ большой дороги, понесъ рядъ пораженій въ поляхъ и обязанъ спасеніемъ одной только темнотѣ ночной и ближнимъ лѣсамъ, въ которыхъ скрылся. Змамена, пушки, плѣнные и множество обоза наградили побѣдителей, на первый разъ, за трудный фланговый маршъ.

Впереди насъ видна была деревня, Милорадовичъ хотѣлъ въ ней провести ночь; ему говорятъ, что тамъ еще французы. Онъ посылаетъ казаковъ истребить ихъ—и мы тамъ ночевали.

4, 5 и 6 числа, три дня сряду мы проводили въ безпрерывныхъ сраженіяхъ. Всякій вечеръ отбивали себѣ у французовъ ночлегъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ большой дороги. Съ каждою утренней зарей, коль скоро съ передовыхъ постовъ приходило извѣстіе, что колонны показались на большой дорогѣ, мы садились на лошадей и выѣзжали въ бой.

Наполеону очень не нравилось, что Милорадовичъ стоитъ подъ дорогою и разбиваетъ въ пухъ корпуса его; но дѣлать нечего!..

Послѣдняя рана, нанесенная ему 6 ноября, чувствительнѣе всѣхъ прочихъ.

Милорадовичъ разбилъ совершенно тридцатитысячный корпусъ, подъ предводительствомъ искуснѣйшаго изъ маршаловъ Наполеона—Нея, недавно прозваннаго княземъ московрѣцкимъ. Уронъ непріятельскій чрезвычайно великъ. Всѣ четыре начальствующихъ генерала убиты. Мѣста сраженій покрыты грудами непріятельскихъ тѣлъ. Въ эти четыре дня потеря непріятеля, навѣрное, простиралась убитыми до 20.000; въ плѣнъ взято войсками Милорадовича: генераловъ 2, штабъ-и оберъ-офицеровъ 285, рядовыхъ сколько ты думаешь? 22.000; пушекъ—60...

Поля города Краснаго, въ самомъ дѣлѣ, покраснѣли отъ крови. Въ этомъ четырехдневномъ боѣ участвовали генералы Раевскій и Паскевичъ. Храбрыя войска ихъ многія толпы непріятельскія подняли на штыки. Отважны были нападенія конницы Уварова. Артиллерія оказала громадныя услуги. Полковникъ Мерлинъ начальствовалъ ею въ авангардѣ. Его рота и рота отважнаго капитана Башмакова покрыли себя славою. Дѣйствія пушекъ искуснаго и храбраго Нилуса подъ Смоленскомъ и Гулевича подъ Вязьмою останутся навсегда памятны французамъ.

Остальные 6.000 изъ разбитаго Неева корпуса, укрѣпившіеся съ пушками въ лѣсахъ, прислали уже поздно въ вечеру переговорщика сказать, что они сдадутся одному только генералу Милорадовичу, а иначе готовы биться до послѣдняго. Французы называютъ Милорадовича русскимъ Баярдомъ, плѣнные вездѣ кричатъ ему: vive li brave general Miloradovitsch! Его и непріятели любятъ, вѣроятно, за то, что онъ даетъ послѣдній свой запасъ и деньги плѣннымъ.

Трофеевъ у насъ много; лавровъ дѣвать негдѣ; а хлѣба—ни куска... Ты не повѣришь, какъ мы голодны! Вслѣдствіе крайне дурныхъ дорогъ и скораго хода войскъ, обозы наши съ сухарями отстали; всѣ окрестности соженны непріятелемъ и достать нигдѣ ничего нельзя. У насъ теперь удивляются, какъ можно ѣсть! и не вѣрятъ тому, кто скажетъ, что онъ ѣлъ.

Разбитые французскіе обозы доставили казакамъ возможность завести такого рода продажу, о которой ты, вѣрно, не слыхивалъ. Здѣсь, по рву, подлѣ большой дороги, среди разбитыхъ фуръ, изломанныхъ каретъ и мертвыхъ тѣлъ, кромѣ шубъ, бархатовъ и парчей, можно покупать серебряныя деньги мѣшками! За сто рублей бумажками покупаютъ обыкновенно мѣшокъ серебра, въ которомъ бываетъ по сту и болѣе пятифранковыхъ монетъ. Отчего же сбываютъ здѣсь такъ дешево серебро? Оттого, что негдѣ и тяжело возить его. Однакоже, куплею сею пользуются очень немногіе: маркитанты и прочіе нестроевые. Но тамъ, гдѣ мѣряютъ мѣшками деньги—нѣтъ ни крохи хлѣба!

Хлѣбъ у насъ считается единственною драгоцѣнностью!

Всѣ почти избы въ деревняхъ сожжены, и мы живемъ въ шалашахъ.

Какъ жалко смотрѣть на плѣнныхъ женщинъ! ихъ у насъ много. Одна прекрасная нѣмка, съ прострѣленною рукою, лежитъ въ ближней избѣ. Ей перевязали рану и, за неимѣніемъ хлѣба, кормятъ сахаромъ и ко-

рицею, отнятыми у французовъ. Третьяго дня видѣли и прекрасную женщину, распростертую подлѣ молодого мужчины. Одно ядро лишило ихъ жизни, можетъ-быть, въ минуту послѣдняго прощанія.

Тогда же, въ пылу самаго жаркаго боя, подъ сильнымъ картечнымъ огнемъ, двое маленькихъ дѣтей, братъ и сестра, какъ Павелъ и Виргинія, взявшись за руки, бѣжали по мертвымъ тѣламъ, сами не зная—куда. Милорадовичъ приказалъ ихъ тотчасъ взять и отнести на свою квартиру. Съ того времени ихъ возятъ въ его коляскѣ. Пьеръ и Лизета, одинъ 7, другая 5 лѣтъ, очень милыя и повидимому благовоспитанныя дѣти. Всякій вечеръ они молятся Богу, поминаютъ своихъ родителей, и потомъ подходятъ къ генералу цѣловать его руку

Теперь эти бѣдняжки совсѣмъ сироты. Вчера между нѣсколькими тысячами плѣнныхъ увидѣли они какъ-то одного, и вдругъ вмѣстѣ закричали: «вотъ нашъ батюшка». Въ самомъ дѣлѣ, это былъ отецъ ихъ, полковой слесарь. Генералъ тотчасъ взялъ его къ себѣ, и онъ плачетъ отъ радости, глядя на дѣтей. Мать ихъ нѣмка—убита.

Ѳ. Глинка.

Въ Борисовѣ.

Разсказъ очевидца.

Ушла лисица, только хвостъ въ западнѣ остался! .

Никакой человѣческій умъ не можетъ придумать соображеній лучше тѣхъ, какія сдѣланы были Кутузовымъ, и принять лучшихъ мѣръ, какія принялъ онъ для поимки Наполеона у рѣки Березины въ городѣ Борисовѣ. Одна непостижная судьба могла спасти его.

Адмиралъ Чичаговъ съ арміею своею слѣва внизъ, а графъ Витгенштейнъ справа вверхъ по теченію рѣки, сближались одинъ противъ другого, чтобы сомкнуть войска свои, какъ двѣ стѣны, въ томъ мѣстѣ, гдѣ могъ переправиться непріятель, за которымъ шла армія Кутузова, и котораго неослабно преслѣдовали графъ Платовъ съ казаками, Милорадовичъ съ авангардомъ, Ермоловъ и Бороздинъ съ летучими отрядами.

Всѣ эти дни погода была самая бурная и ненастная. Морозы достигали до 20 градусовъ. Мы шли проселочными дорогами; артиллерія наша прорѣзывала пути по глубокимъ снѣгамъ; пѣхота и конница пробиралась дремучими лѣсами, и при всемъ этомъ нѣсколько переходовъ сдѣлано по 40 верстъ въ день. Это въ зимній день!

Духъ великаго Суворова, конечно, веселился, взирая съ высотъ на столь быстрое шествіе побѣдоносныхъ Россіянъ. Сбылся и стихъ великаго поэта:

Гдѣ только вѣтры могутъ дуть,
Проступятъ тамъ полки орлины!

Жаль, однакожъ, что всѣ наши труды были напрасны!.. Наполеонъ уже за Березиною!.. Витгенштейнъ тѣмъ же самымъ громомъ, который бросалъ на Клястицкихъ поляхъ, отбилъ у переправлявшагося непріятеля одинъ изъ заднихъ его корпусовъ, и 12 тысячъ, увидѣвъ себя окруженными, положили оружіе. Мы остановились въ разоренномъ и еще дымившемся отъ пожара Борисовѣ.

Несчастные Наполеоновцы ползаютъ по тлѣющимъ развалинамъ и не чувствуютъ, что тѣло ихъ горитъ!.. Тѣ, которые поздоровѣе, втѣсняются въ избы, живутъ подъ лавками, подъ печьми, и заползаютъ въ камины. Они страшно воютъ, когда начнутъ ихъ выгонять. Недавно вошли мы въ одну избу и просили старую хозяйку протопить печь.

— Нельзя топить,—отвѣчала она;—тамъ сидятъ французы.

Мы закричали имъ по-французски, чтобъ они выходили скорѣе ѣсть хлѣбъ. Это подѣйствовало. Тотчасъ трое, черные какъ арапы, выпрыгнули изъ печи и явились передъ нами.

Каждый предлагалъ свои услуги. Одинъ просился въ повара, другой въ лѣкаря, третій въ учителя. Мы дали имъ по куску хлѣба, и они пошли подъ печь.

Ѳ. Глинка.

Щука и котъ [1]).

Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ,
А сапоги тачать пирожникъ:
И дѣло не пойдетъ на ладъ,
Да и примѣчено стократъ,
Что кто за ремесло чужое браться любитъ,
Тотъ завсегда другихъ упрямѣй и вздорнѣй;
Онъ лучше дѣло все погубитъ
И радъ скорѣй
Посмѣшищемъ стать свѣта,
Чѣмъ у честныхъ и знающихъ людей
Спросить иль выслушать разумнаго совѣта.
Зубастой щукѣ въ мысль пришло
За кошачье приняться ремесло.
Не знаю: завистью ль ее лукавый мучилъ,
Иль, можетъ-быть, ей рыбный столъ наскучилъ;
Но только вздумала кота она просить,
Чтобъ взялъ ее съ собой онъ на охоту
Мышей въ амбарѣ половить.
«Да, полно, знаешь ли ты эту, свѣтъ, работу? —
Сталъ щукѣ Васька говорить. —
Смотри, кума, чтобы не осрамиться:
Не даромъ говорится,
Что дѣло мастера боится».
— «И, полно, куманекъ! Вотъ невидаль: мышей!
Мы лавливали и ершей».
— «Такъ въ добрый часъ, пойдемъ!» Пошли, засѣли.
Натѣшился, наѣлся котъ,
И кумушку провѣдать онъ идетъ,
А щука, чуть жива, лежитъ, разинувъ ротъ,
И крысы хвостъ у ней отъѣли.
Тутъ видя, что кумѣ совсѣмъ не въ силу трудъ,
Кумъ замертво стащилъ ее обратно въ прудъ.
И дѣльно! Это, щука,
Тебѣ наука:
Впередъ умнѣе быть
И за мышами не ходить.

И. Крыловъ.

---

[1]) Написана басня подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ Березинской неудачи, которая сильно взволновала современниковъ. Этою баснею, получившею широкое распространеніе, Крыловъ содѣйствовалъ тому, что надъ Чичаговымъ долгое время тяготѣло обвиненіе, которое впослѣдствіи едва удалось снять съ него. По этому поводу необходимо привести слова одного изъ полководцевъ 1812 года, генерала Беннигсена: „Если бы всѣ стоявшіе во главѣ операцій были преданы военному суду, самые строгіе судьи должны были бы

Бѣгство Наполеона [1]).

Было 23 ноября 1812 года.

Стояла тихая, ясная погода. День былъ солнечный; морозъ свыше двадцати градусовъ. По бѣлому ярко-блестящему полю, столбовою, обставленною вербами дорогой, несся на полозьяхъ, съ обитыми, потертымъ волчьимъ мѣхомъ стеклами, жидовско- шляхетскій возокъ, въ какомъ тогда ѣздили зажиточные поссессоры, арендаторы и помѣщики средней руки. За нимъ слѣдовала рогожная кибитка, съ полостью, въ видѣ зонтика. Оба экипажа охраняло конное прикрытіе изъ нѣсколькихъ сотъ, смѣнявшихся по пути, польскихъ улановъ. Снѣгъ визжалъ подъ полозьями. Красивые султаны, мелькавшіе на шапкахъ прикрытія, издали казались цвѣтками мака на снѣжной равнинѣ.

Въ возкѣ, въ медвѣжьей шубѣ и въ такой же шапкѣ, сидѣлъ Наполеонъ. Съ нимъ рядомъ, въ лисьемъ тулупѣ,—Коленкуръ; напротивъ нихъ въ буркѣ,—генералъ Раппъ. На козлахъ, въ мужичьихъ, бараньихъ шубахъ, обмотавъ, чѣмъ попало, головы, сидѣли мемелюкъ Рустанъ и, въ качествѣ переводчика, польскій шляхтичъ Вонсовичъ. Въ кибиткѣ слѣдовали оберъ-гофмаршалъ Дюрокъ и генералъ адъютантъ Мутонъ. Наполеонъ ѣхалъ подъ именемъ «герцога Виченскаго», то-есть Коленкура.

— Да гдѣ же ихъ проклятые села, города?—твердилъ Наполеонъ, то и дѣло высовывая изъ медвѣжьяго мѣха иззябшій, покраснѣвшій носъ, и съ нетерпѣніемъ приглядываясь въ оледянѣлое окно:—пустыня, снѣгъ, и снѣгъ... ни человѣческой души! Скоро ли стоянка, перемѣна лошадей?

Раппъ вынулъ изъ-подъ бурки серебряную луковицу часовъ и, едва держа ихъ окостенѣлой рукой, взглянулъ на нихъ.

— Перемѣна, ваше величество, скоро,—сказалъ онъ:—а стоянка, по расписанію, еще за Ошмянами, не ближе, какъ черезъ четыре часа.

— Есть съ нами провизія?—спросилъ Наполеонъ.

— Утромъ, ваше величество, за завтракомъ,—отозвался Коленкуръ,—вы все изволили кончить: фаршированную индѣйку и страсбургскій пирогъ.

— А ветчина?

— Остались кости, вы велѣли отдать проводнику.

— Сыръ?

Есть кусокъ стараго.

— Благодарю; горькій и сухой, какъ щепка. Ну, хоть бѣлый хлѣбъ?

— Ни куска; Рустанъ подалъ за десертомъ послѣдній ломоть.

Проѣхали еще съ десятокъ верстъ. Вечерѣло. Наполеонъ, чувствуя, какъ мучительно ноютъ иззябшіе пальцы его ногъ, опять задремалъ.

— Нѣтъ, не въ силахъ, не могу!—рѣшительно сказалъ онъ, хватаясь за кисть окна:—у перваго жилья мы остановимся. Найдемъ же тамъ хоть кусокъ мяса или тарелку горячаго.

Возокъ и кибитка направились въ сторону, къ небольшому, подъ черепицей домику, рядомъ съ которымъ были конюшня, амбаръ и людская

признать наименѣе виновнымъ адмирала Чичагова, потому что одинъ онъ точно выполнилъ данныя ему предписанія и одинъ оказался на мѣстѣ, прибывъ на Березину ранѣе французской арміи, чтобы встрѣтить ее и противодѣйствовать ея переправѣ“.

[1]) Послѣ пораженія при мѣстечкѣ Сморгонь Наполеонъ поручилъ жалкіе остатки своей арміи неаполитанскому королю Мюрату, сѣлъ вмѣстѣ съ бывшимъ посланникомъ въ Петербургѣ, Коленкуромъ, въ крытый возокъ и, проѣхавъ подъ чужимъ именемъ предмѣстьями Вильны, помчался въ Парижъ набирать новое войско. 26 ноября, въ день св. Георгія Побѣдоносца, онъ переѣхалъ наши границы.

изба. За домомъ, въ занесенномъ снѣгомъ саду, виднѣлась деревянная церковь, за церковью—небольшой, пустой поселокъ.

Въ сѣняхъ дома путниковъ встрѣтилъ толстый и лысый, невысокаго роста ксендзъ. За нимъ у стѣны жался какой-то подростокъ. Одежда, видъ и конвой путниковъ смутило ксендза. Онъ, блѣдный, растерянно послѣдовалъ за ними. Войдя въ комнату, Наполеонъ бросилъ на поставленныя руки Рустана и Вонсовича шубу и шапку и, оставшись въ бархатной, на ватѣ, зеленой курткѣ, надѣтой сверхъ егерскаго мундира, присѣлъ на стулъ и строго взглянулъ на Вонсовича.

— Кушать государю!—почтительно согнувшись, шепнулъ Вонсовичъ священнику.

Пораженный вѣстью, что передъ нимъ императоръ французовъ, ксендзъ въ молчаливомъ изумленіи глядѣлъ на Наполеона, съ котораго Рустанъ стягивалъ высокіе, на волчьемъ мѣху, сапоги.

— Чего-нибудь,—продолжалъ Вонсовичъ:—ну, супу, борщу, стаканъ грѣтаго молока. Только скорѣй...

— Нѣтъ ничего!—жалостно проговорилъ ксендзъ, сложивъ на груди крестомъ руки.

— Такъ бѣлаго хлѣба, сметаны, творогу.

— Ничего, ничего!—въ отчаяніи твердилъ помертвѣлыми губами священникъ,—гдѣ же я возьму?—все ограбили сегодня прохожіе солдаты.

— Что онъ говоритъ?—спросилъ Наполеонъ.

Вонсовичъ перевелъ слова священника.

— Они отбили мою кладовую,—продолжалъ ксендзъ,—угнали послѣднюю мою корову и порѣзали всѣхъ птицъ... я остался, какъ видите, въ одной рясѣ и самъ съ утра ничего не ѣлъ. Не ропщу... О, его цезарское величество, я въ томъ убѣжденъ, современемъ, все вознаградитъ..

Вонсовичъ перевелъ отвѣтъ и заключеніе ксендза. Наполеонъ при словахъ о грабежѣ и о томъ, что нечего ѣсть, нахмурился. Но онъ сообразилъ, что дѣлать нечего и что таковы слѣдствія войны для всѣхъ, въ томъ числѣ и для него, и рѣшилъ показать себя великодушнымъ и выше встреченныхъ невзгодъ. Милостиво потрепавъ ксендза по плечу, онъ сказалъ ему, черезъ переводчика, что радъ случаю видѣть его, такъ какъ въ жизни встрѣчаетъ перваго священника, который такъ покоренъ обстоятельствамъ и некорыстолюбивъ.

Говоря это, Наполеонъ сталъ прохаживаться по комнатѣ.

Вдругъ, нагнувшись къ окну, онъ остановился. Онъ увидѣлъ во дворѣ нѣчто, удивившее и обрадовавшее его. Въ слуховое окно конюшни выглянула пестрая, хохлатая курица. Уйдя днемъ отъ грабителей на сѣнникъ, она озадаченно теперь оттуда посматривала на новыхъ, нахлынувшихъ посѣтителей и, очевидно, не рѣшалась, въ обычный часъ, пробраться въ разоренный птичникъ, на свой нашестъ, какъ бы раздумывая: а что, какъ поймаютъ здѣсь и зарѣжутъ?

— Почтеннѣйшій, вотъ курица!—сказалъ Наполеонъ, обращаясь къ священнику.

Ксендзъ и прочіе бросились къ окну... Они, дѣйствительно, увидѣли курицу и выбѣжали на дворъ. Уланы справа и слѣва оцѣпили конюшню и полѣзли на сѣнникъ. Курица съ крикомъ вылетѣла оттуда черезъ ихъ головы въ садъ. Офицеры, мамелюкъ Рустанъ и Мутонъ пустились ее догонять. Имъ помогалъ, командуя и расставляя полы шубы, даже важный и толстый Дюрокъ. Наполеонъ съ улыбкой слѣдилъ изъ окна за этою охотой. Курица была поймана и торжественно внесена въ домъ.

Подростокъ, племянникъ священника, растопилъ въ кухнѣ печь. Рустанъ иззябшими руками ощипалъ и выпотрошилъ зарѣзанную хохлатку.

Похлебку приготовили. Къ дивану, на которомъ сидѣлъ Наполеонъ, придвинули столъ. Въ виду того, что вся посуда у ксендза была ограблена, кушанье принесли въ простомъ глиняномъ горшкѣ; у солдатъ достали походную деревянную ложку.

— Дивно, прелесть!—твердилъ Наполеонъ, жадно глотая и смакуя жирный, душистый наваръ.

Мамелюкъ прислуживалъ. Онъ вынулъ куриное мясо, разрѣзалъ его на части своимъ складнымъ ножомъ и подалъ на опрокинутой крышкѣ горшка часть грудинки съ крыломъ. Наполеонъ потянулъ къ себѣ всю курицу, кончилъ ее и, весь въ поту отъ вкусной ѣды, оглянулся на руки Рустана, державшаго походную флягу, съ остатками бордо.

— Да, это, друзья мои, не бивачная закуска, а цѣлый пиръ!—восторженно сказалъ Наполеонъ, допивъ въ нѣсколько пріемовъ флягу:—я такъ не ѣлъ и въ Тюльери.

— Пора, ваше величество, осмѣлюсь сказать,—произнесъ Коленкуръ,—смеркается, мы здѣсь цѣлый часъ.

Наполеонъ улыбнулся, счастливою, блаженною улыбкой, протянулъ ноги на подставленный ему стулъ, безнадежно махнувъ рукой и, какъ сидѣлъ на диванѣ, оперся головой о стѣну, закрылъ глаза и, въ теплой, уютной, полуосвѣщенной комнатѣ, почти мгновенно заснулъ. Лица свиты вытянулись. Коленкуръ дѣлалъ нетерпѣливые знаки Раппу, Раппъ —Дюроку; но всѣ раболѣпно почтительно земерли, и, не смѣя пикнуть, молча ожидали пробужденія усталаго цезаря.

Наполеонъ проѣхалъ Вильну въ Екатерининъ день, 24 ноября, а русскую границу—26 ноября, въ день св. Георгія. Эту границу императоръ французовъ проѣхалъ въ томъ же жидовско-шляхетскомъ возкѣ.

Его путь у границы лежалъ по кочковатому, замерзшему болоту. На одномъ изъ толчковъ возокъ вдругъ такъ подбросило, что императоръ стукнулся шапкой о верхъ кузова и, если бы не ухватился за сидѣвшаго рядомъ съ нимъ Коленкура, его выбросило бы въ распахнувшуюся дверку.

— Отъ великаго до смѣшного одинъ шагъ!—съ горькою улыбкой сказалъ при этомъ Наполеонъ—слова, повторенныя имъ потомъ въ Варшавѣ и ставшія съ тѣхъ поръ историческими—знаете, Коленкуръ, что мы такое теперь?

— Вы тотъ же великій императоръ, а я—вашъ вѣрный министръ,—поспѣшилъ отвѣтить ловкій придворный.

— Нѣтъ, мой другъ, мы въ эту минуту—жалкіе, вытолкнутые за порогъ фортуной, проигравшіеся до новаго счастья, авантюристы!

Г. Михайловскій-Данилевскій.

Народная пѣсня.

За горами, за долами
Бонапарте съ плясунами
    Вздумалъ вровень стать, —
Конь куда съ копытомъ мчится,
Ракъ туда съ клешней тащится, —
    И давай плясать!
Невпопадъ пошелъ англезу,
Вздумалъ, бросивъ экосезу,
    Польскую пройтить,

Не видавши пыли русской,
Кверху вздернулъ носъ французскій
И давай кружить!
Скоро польскимъ онъ наскучилъ,
Музыкантовъ перемучилъ.
— Семъ, на Русь пойду!

Тамъ я «барыню» пройдуся,
Фертомъ въ боки подопрумся,
Пляску заведу!
Бородинскія заботы
Не отбили въ немъ охоты
Въ матушку Москву.

Побывать-то удалося,
Да не такъ отозвалося:
Не съ кѣмъ поплясать.
Только проложилъ дорогу,
Занозилъ скоренько ногу:
Пришлось отдыхать.

Князь Кутузовъ помнилъ слово:
Хоть не скоро, да здорово!
Старый воробей!..
Знавши вывертки французски,
Заиграть велѣлъ по-русски
Музыкѣ своей.

Наши грянули по-свойски, —
Мы не знаемъ по-заморски,
Ну-тка, казачка!
Чуть прослышалъ корсиканецъ:
— Провались, проклятый танецъ!
Дастъ онъ мнѣ толчка!

То ли дѣло по-нѣмецки
Танцовать по-молодецки
Старый алемандъ.
— Видно, хватъ, ты изъ французовъ, —
Говоритъ ему Кутузовъ. —
Нѣтъ, братъ, погоди!

Шаркать мастеръ ты ногою,
Семъ, попляшемъ мы съ тобою,
Ну-тка, выходи!

Захотѣлъ плясать по-русски,
Присѣдай-ка по-французски
Ты, Наполеонъ! —

Бонапарту не до пляски,
Растерялъ свои подвязки,
Хоть кричать пардонъ.

Сталъ онъ въ стороны кидаться,
Мелкимъ бѣсомъ извиваться,
Дрогнула нога.

Морганулъ онъ Коленкуру:
Семъ-ка выкинемъ фигуру
На цыганскій ладъ!

Бросивъ пышныя ухватки,
По-цыгански, безъ оглядки
Шаркнули назадъ.
Не соваться было въ воду,
Не спросяся прежде броду
Хватъ-богатырю!
Мать россійская держава, —
Силы много! Слава, слава
Бѣлому Царю!

И давно ль это было

И давно ль было,
Когда съ Запада
Облегли тебя
Тучи темныя?..
Подъ грозой ея
Лѣса падали,
Мать сыра-земля
Колебалася.
И зловѣщій дымъ
Отъ горѣвшихъ селъ
Высоко вставалъ
Чернымъ облакомъ!
Но лишь кликнулъ Царь
Свой народъ на брань, —
Вдругъ со всѣхъ концовъ
Поднялася Русь, —
Собрала дѣтей,
Стариковъ и женъ,
Приняла гостей
На кровавый пиръ.
И въ глухихъ степяхъ
Подъ сугробами,
Улеглися спать
Гости навѣки.
Хоронили ихъ
Вьюги снѣжныя,
Бури сѣвера
О нихъ плакали!..
И теперь среди
Городовъ твоихъ
Муравьемъ кишитъ
Православный людъ.
По сѣдымъ морямъ
Изъ далекихъ странъ
На поклонъ тебѣ
Корабли идутъ.
И поля цвѣтутъ,
И лѣса шумятъ,
И лежатъ въ землѣ
Груды золота;

И во всѣхъ концахъ
Свѣта бѣлаго
Про тебя идетъ
Слава громкая.
  Ужъ и есть за что,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью,
Стать за честь твою
Противъ недруга,
За тебя въ нуждѣ
Сложить голову.

И. Никитинъ.

25 декабря 1812 года [1].

  Россія, дивная держава!
И церковь родины святой!
Васъ озарила Божья слава
Въ годину скорби роковой,
  Какъ двадцати народовъ силу
Съ собой привелъ къ намъ гордый галлъ
И ужъ позорную могилу
Въ отчизнѣ самой намъ копалъ.
  Народъ нашъ, свыше вдохновенный,
Гордыни стеръ надменный рогъ
И, отъ враговъ освобожденный,
Воскликнулъ дружно: «Съ нами Богъ!»
  Полъ-вѣка болѣе ужъ нынѣ,
Какъ въ день Христова Рождества
Творитъ Россія той годинѣ
Святую память торжества.
  Съ пророкомъ вмѣстѣ восклицая:
«Языки, знайте — съ нами Богъ!
Совѣтъ вашъ дерзкій разоряя,
Онъ благодатно намъ помогъ;
  «Мы страха вашего отнынѣ
Не убоимся, съ нами миръ!
Онъ вашей не знакомъ гордынѣ —
Не знаетъ мира злобный міръ!»

Бутовскій.

О народной оборонѣ.

  Неужто забыть намъ двѣнадцатый годъ?
Неужели нами забыты —
Тѣ дни испытаній и тяжкихъ невзгодъ,
Когда поголовно всталъ русскій народъ
Во имя народной защиты?
  Порогъ нашъ былъ попранъ, къ намъ грозной войной
Всѣ двадесять вторглось языка,

[1] Ежегодно 25 декабря, въ день Рождества Христова, православная церковь празднуетъ избавленіе нашей родины отъ нашествія галловъ и съ ними двадесяти языкъ.

И въ самое сердце Россіи родной,
Пророча ей гибель, привелъ ихъ съ собой
Плѣненной Европы владыка.
Въ то время—не въ писаномъ правѣ войны,
Въ народѣ спасенья искали;
И были всѣ силы земли призваны;
И въ лѣтопись кровью Россіи сыны
Дѣянья тѣхъ дней записали.
Во гнѣвѣ востали за честь очага
И старый и малый не даромъ;
И бабы съ ухватами шли на врага...
Свѣтло озарились родные снѣга
Москвы незабвеннымъ пожаромъ.
Доселѣ мы въ пѣсняхъ народныхъ поемъ,
На память великой той были,
Какъ мы, не стѣсняясь во гнѣвѣ своемъ,
Десятками тысячъ французовъ живьемъ
Въ родные сугробы зарыли.
И лава за лавой, по зову Царя,
Стремились на брань ополченья,
Любовью къ отчизнѣ и местью горя.
И грозно свѣтила пожаровъ заря
На дерзкихъ враговъ отступленье.
Извѣдалъ тогда ужаснувшійся врагъ,
Узнали Европы народы,
Какъ грозенъ возстанія русскаго стягъ,
Подъятый въ могучихъ народа рукахъ
Во имя народной свободы!
Народною dланію Русь спасена!
Мы вѣрить привыкли сызмала,
Что тѣмъ-то была и права, и славна
Родной обороны святая война,
Что духомъ народнымъ дышала...

Хитрово.

Переходъ русскихъ войскъ черезъ Нѣманъ.

(1 января 1813 года [1]).

Снѣгами погребенъ, угрюмый Нѣманъ спалъ.
Равнину льдистыхъ водъ и берегъ опустѣлый,
И на брегу покинутыя села
Туманный мѣсяцъ озарялъ.
Все пусто... Кое-гдѣ на снѣгѣ трупъ чернѣетъ,
И брошенныхъ костровъ огонь, дымяся, тлѣетъ,
И хладный, какъ мертвецъ,
Одинъ среди дороги,
Сидитъ задумчивый бѣглецъ,
Недвижимъ, смутный взоръ вперивъ на мертвы ноги.
И всюду тишина... И се, въ пустой дали,
Сгущенныхъ копій лѣсъ возникнулъ изъ земли!

---

[1]) 1 января 1813 года русскія войска, подъ предводительствомъ Императора Александра I и Кутузова, перешли черезъ Нѣманъ; такъ началась новая война за освобожденіе Европы.

Онъ движется. Гремятъ щиты, мечи и брони,
  И грозно въ сумракѣ ночномъ
Чернѣютъ знамена и ратники, и кони:
Несутъ полки славянъ погибель за врагомъ,
Достигли Нѣмана и копья водрузили.
Изъ снѣга возросли безчисленны шатры,
И на брегу зажженные костры
Все небо заревомъ багровымъ обложили.
  И въ станѣ Царь младой [1])
  Сидѣлъ между вождями,
И старецъ-вождь [2]) предъ нимъ, блестящій сѣдинами
И бранной въ старости красой...

Батюшковъ.

Къ тѣни полководца [3]).

(На смерть М. И. Кутузова).

Передъ гробницею святой
Стою съ поникшею главой...
Все спитъ кругомъ; однѣ лампады
Во мракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.
Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.
Въ твоемъ гробу восторгъ живетъ!
Онъ русскій гласъ намъ издаетъ;
Онъ намъ твердитъ о той循 годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
«Иди, спасай!» Ты всталъ и спасъ...

А. Пушкинъ.

Донъ.

  Здравствуй, батько Донъ широкій,
Царь рѣкамъ родной земли!
Многи лѣта издалека
Дону славу принесли!
  Чай, прослышалъ ты, родимый,
Какъ гуляли казаки:
Какъ Платовъ непобѣдимый
Въ бой водилъ твои полки;
  Какъ за нимъ они летали,
Словно грозный ураганъ;
Какъ душили и трепали
Шайки тощихъ басурманъ;

---

[1]) Императоръ Александръ I.
[2]) Кутузовъ.
[3]) Гробница М. И. Кутузова находится въ С.-Петербургѣ въ Казанскомъ соборѣ.

Какъ землякъ, морозъ холодный,
Вдругъ на нехристя напалъ;
Какъ изъ Руси онъ голодный
Безъ оглядки удиралъ;
Какъ чрезъ Вислу, Рейнъ и Рону
И до Сены береговъ
Мы на славу батькѣ Дону
Гнали дерзостныхъ враговъ;
Какъ за честь твою стояли,
Не жалѣючи себя,
Какъ въ Парижѣ пировали,
Вспоминаючи тебя.
Разыграйся жъ, Донъ широкій,
Царь рѣкамъ родной земли!
Много дѣти издалека
Дону славы принесли.

Розенгеймъ.

Денису Васильевичу Давыдову [1]).

Жизни баловень счастливый,
Два вѣнка ты заслужилъ!
Знать, Суворовъ [2]) справедливо
Грудь тебѣ перекрестилъ.
Не ошибся онъ въ дитяти:
Выросъ ты — и полетѣлъ,
Полонъ всякой благодати,
Подъ знамена русской рати,
Гордъ и радостенъ и смѣлъ.
Грудь твоя горитъ звѣздами:
Ты геройски добылъ ихъ
Въ жаркихъ схваткахъ со врагами,
Въ ратоборствахъ роковыхъ.
Воинъ смлада знаменитый,
Ты еще подъ шведомъ былъ,
И на финскіе граниты
Твой скакунъ звучнокопытый
Блескъ и топотъ возносилъ.
Жизни бурно-величавой
Полюбилъ ты шумъ и трудъ:
Ты ходилъ съ войной кровавой
На Дунай, на Бугъ и Прутъ.
Но тогда лишь собиралась
Прямо русская война;
Многогромная скоплялась
Вдалекѣ и къ намъ примчалась
Разрушительна, грозна.
Чу, труба продребезжала!
Русь, тебѣ надменный зовъ!

---

[1]) Знаменитый партизанъ 1812 г. См. о немъ въ книжкѣ Н. Жервэ „Славные партизаны 1812 года“ (ц. 10 коп.).

[2]) Великій Суворовъ предсказалъ 7-лѣтнему Давыдову блестящую военную будущность.

Вспомяни жъ, какъ ты встрѣчала
Всѣ нашествія враговъ!
Созови изъ странъ далекихъ
Ты своихъ богатырей,
Со степей, съ равнинъ широкихъ,
Съ рѣкъ великихъ, съ горъ высокихъ,
Отъ осьми твоихъ морей!
  Пламень въ небо упирая,
Лютъ пожаръ Москвы реветъ;
Златоглавая, святая,
Ты ли гибнешь? Русь впередъ!
Громче буря истребленья,
Крѣпче смѣлый ей отпоръ!
Это жертвенникъ спасенья,
Это пламень очищенья,
Это фениксовъ [1]) костеръ!
  Гдѣ же вы, незваны гости,
Сильны славой и числомъ?
Снѣгъ засыпалъ ваши кости!
Вамъ почетный былъ пріемъ!
Упилися, еле живы,
Вы въ московскихъ теремахъ;
Тяжелы домой пошли вы,
Безобразно полегли вы
На холодныхъ пустыряхъ!
  Вы отвѣдать русской силы
Шли въ Москву: за дѣломъ шли!
Иль не стало на могилы
Вамъ отеческой земли?
Много въ этотъ день кровавый,
Въ эту смертную борьбу,
У враговъ ты отнялъ славы,
Ты, боецъ чернокудрявый,
Съ бѣлымъ локономъ на лбу!
  Удальцовъ твоихъ налетомъ
Ты, ихъ честь, примѣръ и вождь,
По лѣсамъ и по болотамъ,
Днемъ и ночью, въ вихрь и дождь,
Сквозь огни и дымъ пожара,
Мчалъ врагамъ, съ твоей толпой
Вездѣсущъ, какъ Божья кара,
Страхъ нежданаго удара
И нещадный, дикій бой!
  Лучезарна слава эта,
И конца не будетъ ей!
Но такія жъ многи лѣта
И поэзіи твоей:
Не умретъ твой стихъ могучій,
Достопамятно-живой,
Упоительный, кипучій,

---

[1]) Фениксъ — миѳическая птица древнихъ — самъ себя сжигалъ каждыя 500 лѣтъ, чтобы вновь возродиться изъ пепла.

И воинственно-летучій,
И разгульно-удалой.
Нынѣ ты на лонѣ мира:
И любовь и тишину
Намъ поетъ златая лира,
Гордо пѣвшая войну.
И какъ прежде громогласенъ
Былъ ея воинскій ладъ,
Такъ и нынѣ свѣжъ и ясенъ,
Такъ и нынѣ онъ прекрасенъ,
Полный нѣги и прохладъ.

Языковъ.

Два гренадера.

Гренадеры.

Во Францію два гренадера
Изъ русскаго плѣна брели,
И оба душой пріуныли,
Дойдя до нѣмецкой земли.
Придется имъ слышать и видѣть
Въ позорѣ родную страну:
Ихъ храброе войско разбито,
И самъ императоръ [1]) въ плѣну!
Печальныя слушая вѣсти,
Одинъ изъ нихъ вымолвилъ: «Братъ!
Болитъ мое скорбное сердце,
И старыя раны горятъ».

---

[1]) Наполеонъ-Бонапартъ.

Другой отвѣчаетъ: «Товарищъ,
И мнѣ умереть бы пора,
Но дома жена, малолѣтки —
У нихъ ни кола, ни двора.
Да что мнѣ! Просить Христа ради
Пущу и дѣтей, и жену;
Иная на сердцѣ забота:
Въ плѣну императоръ, въ плѣну!
Исполни жъ завѣтъ мой: коль здѣсь я
Окончу солдатскіе дни,
Возьми мое тѣло, товарищъ,
Во Францію — тамъ схорони.
Ты орденъ на ленточкѣ красной
Положишь на сердце мое
И саблей меня опояшешь
И въ руки мнѣ вложишь ружье.
И смирно, и чутко я буду
Лежать, какъ на-стражѣ, въ гробу.
Заслышу я конское ржанье
И пушечный громъ, и трубу:
То онъ надъ могилою ѣдетъ!
Знамена побѣдно шумятъ...
Тутъ выйдетъ къ тебѣ, императоръ,
Изъ гроба твой вѣрный солдатъ!»

Михайловъ.

Пѣсня Александру Благословенному отъ русскихъ воиновъ.

Гряди нашъ царь, твоя дружина
Благословляетъ твой возвратъ;
Вселенной рѣшена судьбина,
И ниспровергнутъ супостатъ [1]).
Гряди, гряди къ странѣ своей,
Нашъ царь, нашъ славный вождь царей!
Къ его стопамъ мечи кровавы;
Къ его стопамъ и шлемъ, и щитъ;
Его главу да знамя славы
При кликахъ славы осѣнитъ;
Ему вѣнцы готовьте въ дань,
Рѣшившему святую брань.
Нашъ царь, въ отчизну съ поля чести
Твою мы славу принесли;
Вотъ громъ, твоей свершитель мести;
Вотъ знамена еще въ пыли;
Вотъ нашей вѣрности алтарь;
Предъ нимъ обѣтъ нашъ: честь и царь!
Младый наслѣдникъ полвселенны!
Межъ насъ впервый ты мечъ пріялъ;
Нашъ царь, ко брани ополченный,
Ты путь намъ къ славѣ указалъ;
Нашъ вождь! ты былъ предтечный намъ
Вездѣ во срѣтенье врагамъ.

---

1) Наполеонъ.

Скажи жъ, о, вождь, гдѣ измѣнилась
Твоя дружина предъ тобой?
Погибель насъ пожрать стремилась —
Ее отбилъ нашъ твердый строй;
Намъ взоръ царя, какъ Божій лучъ,
Свѣтилъ во мглѣ громовыхъ тучъ.
Ко мщенью ты воззвалъ народы;
Ты спасъ владычество царямъ,
Ты знамена святой свободы
Покорнымъ даровалъ врагамъ;
И твой покрылъ вселенну щитъ;
И брань окована молчитъ.
Отъ Нѣмана до океана
Твоихъ трофеевъ славный рядъ;
И гдѣ парилъ орелъ тирана,
Тамъ днесь твои орлы парятъ;
И громъ, безмолвный въ ихъ когтяхъ,
На брань и бунтъ наводитъ страхъ.
Но кто на Русь твою возстанетъ?
Противныхъ нѣтъ полкамъ твоимъ;
Твой страшный гнѣвъ съ престола грянетъ
И сѣверъ грянетъ вслѣдъ за нимъ;
И казни вѣстникъ, грозный страхъ
Враговъ умчитъ, какъ дымъ и прахъ.
Гряди, нашъ царь, твоя дружина
Благословляетъ твой возвратъ:
Вселенной рѣшена судьбина,
И ниспровергнутъ супостатъ.
Гряди, гряди къ странѣ своей,
Нашъ царь, нашъ славный вождь царей!

В. Жуковскій.

На возвращеніе Императора Александра изъ Парижа (1815 годъ[1]).

Утихла брань племенъ; въ предѣлахъ отдаленныхъ
Не слышенъ битвы шумъ и голосъ трубъ военныхъ;
Съ небесной высоты, при звукѣ стройныхъ лиръ,
На землю мрачную нисходитъ свѣтлый миръ.
Свершилось!.. Русскій царь, достигъ ты славной цѣли!
Вотще надменные на родину летѣли;
Вотще впреди знаменъ безчисленныхъ дружинъ,
Въ могучей дерзости, вѣнчанный исполинъ
На гибель грозно шелъ, влекъ цѣпи за собою:
Мечъ огненный блеснулъ за дымною Москвою,
Звѣзда губителя потухла въ вѣчной мглѣ,
И пламенный вѣнецъ померкнулъ на челѣ!
Содрогся счастья сынъ, и, брошенный судьбою,
Онъ землю русскую не взвидѣлъ подъ собою,
Бѣжитъ — и мести громъ слетѣлъ ему вослѣдъ;
И съ трона гордый палъ... и вновьársталъ... и нѣтъ!

---

1) Эта ода написана Пушкинымъ, по желанію гр. А. К. Разумовскаго. Поэтъ былъ искренно восхищенъ славою Государя.

Тебѣ, нашъ храбрый царь, хвала, благодаренье!
Когда полки враговъ покрыли отдаленье,
Во броню ополчась, взложивъ пернатый шлемъ,
Колѣна преклонивъ предъ вышнимъ алтаремъ,
Ты браней мечъ извлекъ и клятву далъ святую
Отъ ига оградить страну свою родную.
Мы вняли клятвѣ сей, и гордыя сердца
Въ восторгѣ пламенномъ летѣли вслѣдъ отца
И смертью роковой горѣли и дрожали;
И россы предъ врагомъ твердыней грозной стали...
Къ мечамъ! — раздался кликъ, и вихремъ понеслись;
Знамена восшумѣвъ, по вѣтру развились;
Обнялся съ братомъ братъ, и милымъ дали руку
Младые ратники на грустную разлуку.
Сразились. Воспылалъ свободы ярый бой,
И смерть хватала ихъ холодною рукой!..
А я... вдали громовъ, въ сѣни твоей надежной,
Я тихо расцвѣталъ, безпечный, безмятежный!
Увы! мнѣ не судилъ таинственный удѣлъ
Сражаться за тебя подъ градомъ вражьихъ стрѣлъ
Сыны Бородина, о, кульмскіе герои!
Я видѣлъ, какъ на брань летѣли ваши строи,
Душой восторженной за братьями спѣшилъ...
Почто жъ на бранный долъ я крови не пролилъ?
Почто, сжимая мечъ младенческой рукою,
Покрытый ранами, не палъ я предъ тобою
И славы подъ крыломъ на утрѣ не почилъ?
Почто великихъ дѣлъ свидѣтелемъ не былъ?
О, сколь величественъ, безсмертный, ты явился,
Когда на сильнаго съ сынами устремился;
И челы приподнявъ изъ мрачности гробовъ,
Народы, падшіе подъ бременемъ оковъ,
Тяжелой цѣпію съ восторгомъ потрясали
И съ робкой радостью другъ друга вопрошали:
«Ужель свободны мы?.. Ужели грозный палъ?..
Кто смѣлый? Кто въ громахъ на Сѣверѣ возсталъ?..»
И ветхую главу Европа преклонила,
Царя-спасателя колѣна окружила
Освобожденною отъ рабскихъ узъ рукой,
И власть мятежная исчезла предъ тобой!..
И нынѣ ты къ сынамъ, о, царь нашъ, возвратился,
И край полуночи восторгомъ озарился!
Склони на свой народъ смиренья полный взглядъ:
Всѣ лица радостью, любовію блестятъ.
Внемли: повсюду вѣсть отрадная несется,
Повсюду гордый кликъ веселья раздается;
По стогнамъ шумъ, вездѣ сіяетъ торжество,
И ты среди толпы, Россіи божество!
Встрѣчать вождя побѣдъ летятъ твои дружины;
Старикъ, счастливый вѣкъ забывъ Екатерины,
Взираетъ на тебя съ безмолвною слезой.
Ты нашъ, о, русскій царь! оставь же шлемъ стальной
И грозный мечъ войны и щитъ — ограду нашу,

Излей предъ Янусомъ священну мира чашу,
И, брани сокрушивъ могучею рукой,
Вселенну осѣни желанной тишиной!..
И придутъ времена спокойствія златыя,
Покроетъ шлемы ржа, и стрѣлы каленыя,
Въ колчанахъ скрытыя, забудутъ свой полетъ;
Счастливый селянинъ, не зная бурныхъ бѣдъ,
По нивамъ повлечетъ плугъ, миромъ изощренный;
Суда летучія, торговлей окрыленны,
Кормами разсѣкутъ свободный океанъ;
И юные сыны воинственныхъ славянъ
Спокойной праздности съ досадой предадутся
И, молча, нѣкогда вкругъ старца соберутся,
Преклонятъ жадный слухъ — и ветхимъ костылемъ
И станъ, и ратный строй, и дальный боръ съ холмомъ
На прахѣ начертитъ онъ медленно предъ ними;
Словами истины, свободными, простыми,
Имъ славу прошлыхъ лѣтъ въ разсказахъ оживитъ
И добраго Царя въ слезахъ благословитъ.

А. Пушкинъ.

Два великана.

(Императоръ Александръ I и Наполеонъ).

Въ шапкѣ золота литого
Старый русскій великанъ
Поджидалъ къ себѣ другого
Изъ далекихъ чуждыхъ странъ.
За горами, за долами
Ужъ гремѣлъ о немъ разсказъ,
И помѣряться главами
Захотѣлось имъ хоть разъ.
И пришелъ съ грозой военной
Трехнедѣльный удалецъ
И рукою дерзновенной
Хвать за вражескій вѣнецъ!
Но улыбкой роковою
Русскій витязь отвѣчалъ:
Посмотрѣлъ, тряхнулъ главою —
Ахнулъ дерзкій и упалъ...
Но упалъ онъ въ дальнемъ морѣ
На невѣдомый гранитъ,
Тамъ, гдѣ буря на просторѣ
Надъ пучиною шумитъ.

М. Лермонтовъ.

Наполеонъ.

Не сила народовъ тебя подняла,
Не воля чужая вѣнчала:
Ты мыслилъ и властвовалъ, жилъ, побѣждалъ,
Ты землю желѣзной стопой попиралъ.

Главу самозданнымъ вѣнцомъ увѣнчалъ,
Помазанникъ собственной силы!
Не сила народовъ повергла тебя,
Не всталъ тебѣ равный соперникъ,
Но Тотъ, Кто предѣлы морямъ положилъ,
Въ побѣдномъ бою твой булатъ сокрушилъ,
Въ пожарѣ святомъ твой вѣнецъ растопилъ
И снѣгомъ засыпалъ дружины.
Скатилась звѣзда съ омраченныхъ небесъ,
Величье земное во прахѣ...
Скажите, не утро ль съ Востока встаетъ?
Не новая ль жатва надъ прахомъ растетъ?
Скажите!.. Міръ жадно и трепетно ждетъ
Властительной мысли и слова.

Хомяковъ.

Наполеонъ[1]).

Чудесный жребій совершился:
Угасъ великій человѣкъ.
Въ неволѣ грозной закатился
Наполеона грозный вѣкъ.
Исчезъ властитель осужденный,
Могучій баловень побѣдъ,
И для изгнанника вселенной
Уже потомство настаетъ.
О, ты, чьей памятью кровавой
Міръ долго, долго будетъ полнъ,
Пріосѣненъ своею славой,
Почій среди пустынныхъ волнъ!
Великолѣпная могила...
Надъ урной, гдѣ твой прахъ лежитъ,
Народовъ ненависть почила,
И лучъ безсмертія горитъ.
Давно ль орлы твои летали
Надъ обезславленной землей?
Давно ли царства упадали
При громахъ силы роковой?
Послушны волѣ своенравной,
Бѣдой шумѣли знамена,

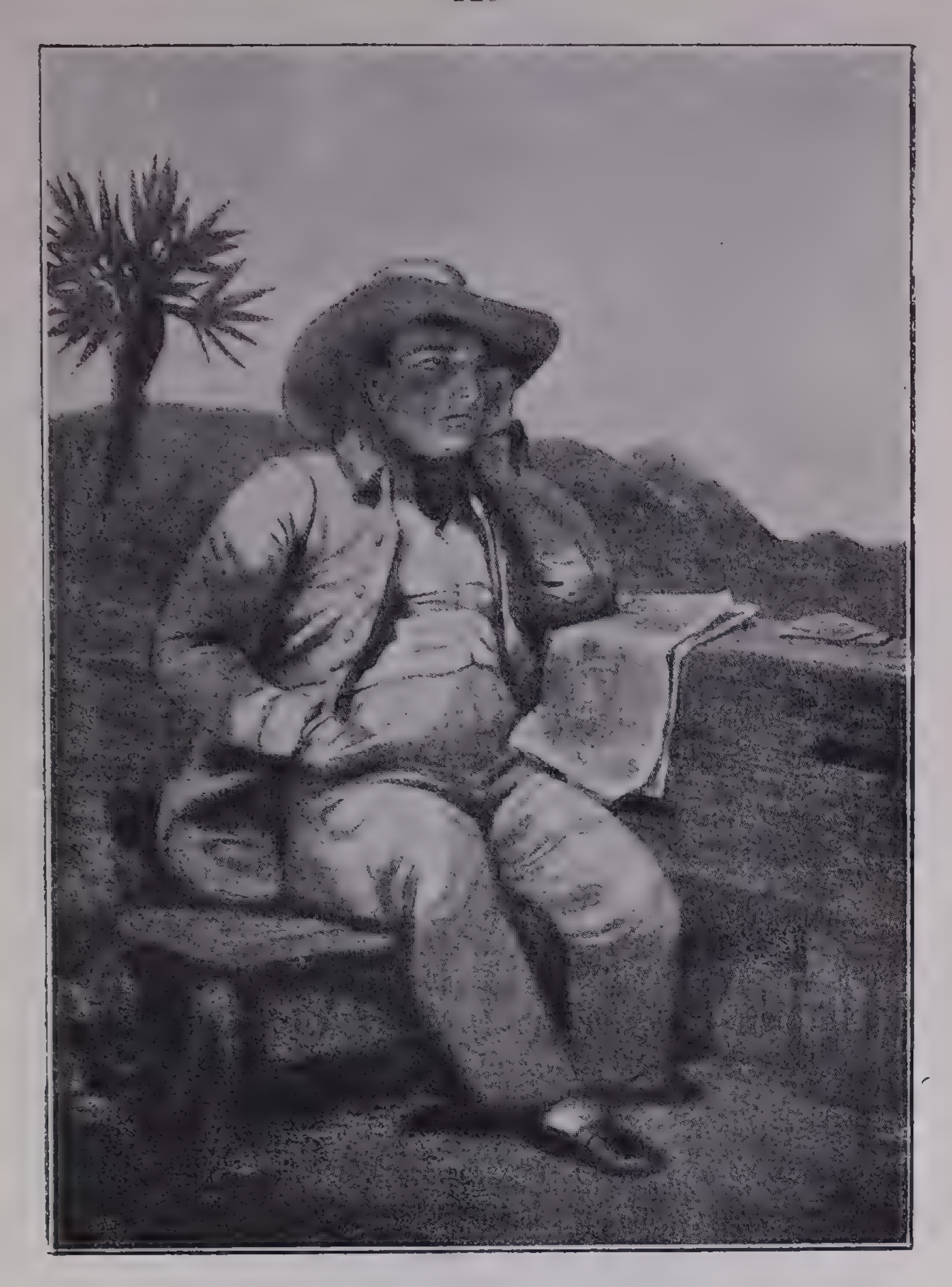
[1]) Въ 1821 г. на далекомъ океанскомъ островѣ Св. Елены умеръ Наполеонъ. Извѣстіе объ его смерти потрясло весь міръ. „Намъ теперь трудно,—писалъ П. И. Бартеневъ въ 1866 г.,—составить понятіе, какъ поразительна была эта вѣсть для тогдашнихъ людей. Цѣлая эпоха, цѣлый міръ событій и воспоминаній сосредоточивались и олицетворялись въ одномъ этомъ человѣкѣ, который и въ далекой ссылкѣ, съ своего острова, продолжалъ занимать современниковъ своими отзывами и мнѣніями. Люди все еще прислушивались къ голосу великаго властелина. При немъ все необыкновенное казалось возможнымъ“. При вѣсти о кончинѣ Наполеона Пушкинъ написалъ это прекрасное стихотвореніе „Наполеонъ“.

Теперь Наполеонъ пересталъ быть для поэта врагомъ, а обратился въ великаго человѣка. Стихотвореніе, по словамъ Бѣлинскаго, раздалось какъ освѣжительная гроза надъ полемъ русской литературы, заросшимъ сорными травами общихъ мѣстъ. Многіе поэты, престарѣлые и возмужалые, прислушивались къ нему съ удивленіемъ, поднявъ встревоженныя головы вверхъ, словно гуси на громъ. Это была „поэтическая тризна надъ урной великаго“.

И налагалъ яремъ [1]) державный
Ты на земныя племена.
Когда надеждой озаренный,
Отъ рабства пробудился міръ,
И галлъ десницей разъяренной
Низвергнулъ ветхій свой кумиръ;
Когда на площади мятежной
Во прахѣ царскій трупъ [2]) лежалъ,
И день великій, неизбѣжный,
Свободы яркій день вставалъ, —
Тогда въ волненьи бурь народныхъ,
Предвидя чудный свой удѣлъ,
Въ его надеждахъ благородныхъ
Ты человѣчество презрѣлъ.
Въ свое погибельное счастье
Ты дерзкой вѣровалъ душой;
Тебя плѣняло самовластье
Разочарованной красой.
И обновленнаго народа
Ты буйность юную смирилъ;
Новорожденная свобода,
Вдругъ онѣмѣвъ, лишилась силъ.
Среди рабовъ до упоенья
Ты жажду власти утолилъ,
Помчалъ къ боямъ ихъ ополченья,
Ихъ цѣпи лаврами обвилъ.
И Франція, добыча славы,
Плѣненный устремила взоръ,
Забывъ надежды величавы,
На свой блистательный позоръ.
Ты велъ мечи на пиръ обильный;
Все пало съ шумомъ предъ тобой:
Европа гибла; сонъ могильный
Носился надъ ея главой.
Надменный, кто тебя подвигнулъ,
Кто обуялъ твой дивный умъ?
Какъ сердца русскихъ не постигнулъ
Ты съ высоты отважныхъ думъ?
Великодушнаго пожара
Не предузнавъ, ужъ ты мечталъ,
Что мира вновь мы ждемъ, какъ дара,
Но поздно русскихъ разгадалъ...
Оцѣпенѣлыми руками
Схвативъ желѣзный свой вѣнецъ,
Онъ бездну видитъ предъ очами,
Онъ гибнетъ, гибнетъ, наконецъ!
Бѣжатъ Европы ополченья;
Окровавленные снѣга
Провозгласили ихъ паденье,
И таетъ съ ними слѣдъ врага.

---

[1]) Иго.
[2]) Французскій король Людовикъ XVI, казненный въ 1793 году.

Наполеонъ на островѣ св. Елены.

И все, какъ буря, закипѣло;
Европа свой расторгла плѣнъ.
Вослѣдъ тирану полетѣло,
Какъ громъ, проклятіе племенъ.
И длань народной Немезиды [1])
Подъяту видитъ великанъ, —
И до послѣдней всѣ обиды
Отплачены тебѣ, тиранъ!
Искуплены его стяжанья
И зло воинственныхъ чудесъ
Тоскою душнаго изгнанья

[1]) Богиня мести у древнихъ грековъ.

Подъ сѣнію чужихъ небесъ.
И знойный островъ заточенья
Полнощный парусъ посѣтитъ,
И путникъ слово примиренья
На ономъ камнѣ начертитъ,
  Гдѣ, устремивъ на волны очи,
Изгнанникъ помнилъ звукъ мечей,
И льдистый ужасъ полуночи,
И небо Франціи своей;
Гдѣ иногда, въ своей пустынѣ,
Забывъ войну, потомство, тронъ,
Одинъ, одинъ о миломъ сынѣ
Въ уныньѣ горькомъ думалъ онъ.
  Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его развѣнчанную тѣнь.
Хвала! Онъ русскому народу
Высокій жребій указалъ
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ.

А. Пушкинъ.

Воздушный корабль[1]).

  По синимъ волнамъ океана,
Лишь звѣзды блеснутъ въ небесахъ,
Корабль одинокій несется,
Несется на всѣхъ парусахъ.
  Не гнутся высокія мачты,
На нихъ флюгера не шумятъ,
И молча въ открытые люки
Чугунныя пушки глядятъ.
  Не слышно на немъ капитана,
Не видно матросовъ на немъ,
Но скалы и тайныя мели
И бури ему ни-почемъ.
  Есть островъ на томъ океанѣ —
Пустынный и мрачный гранитъ;
На островѣ томъ есть могила,
А въ ней императоръ [2]) зарытъ.
  Зарытъ онъ безъ почестей бранныхъ
Врагами въ сыпучій песокъ;
Лежитъ на немъ камень тяжелый,
Чтобъ встать онъ изъ гроба не могъ.
  И въ часъ его грустной кончины,
Въ полночь, какъ свершается годъ,
Къ высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаетъ.

---

[1]) Это стихотвореніе, посвященное Наполеону, извѣстно каждому учащемуся.
[2]) Наполеонъ - Бонапартъ.

Изъ гроба тогда императоръ,
Очнувшись, является вдругъ:
На немъ треугольная шляпа
И сѣрый походный сюртукъ.
Скрестивши могучія руки,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и къ рулю онъ садится
И быстро пускается въ путь.

Несется онъ къ Франціи милой,
Гдѣ славу оставилъ и тронъ,
Оставилъ наслѣдника-сына
И старую гвардію онъ.
И только что землю родную
Завидитъ во мракѣ ночномъ,
Опять его сердце трепещетъ
И очи пылаютъ огнемъ.

На берегъ большими шагами
Онъ смѣло и прямо идетъ,
Соратниковъ громко онъ кличетъ
И маршаловъ грозно зоветъ.

Но спятъ усачи-гренадеры
Въ равнинѣ, гдѣ Эльба шумитъ,
Подъ снѣгомъ холодной Россіи,
Подъ знойнымъ пескомъ пирамидъ.

И маршалы зова не слышатъ:
Иные погибли въ бою,
Другіе ему измѣнили
И продали шпагу свою.

И топнувъ о землю ногою,
Сердито онъ взадъ и впередъ
По тихому берегу ходитъ,
И снова онъ громко зоветъ.

Зоветъ онъ любезнаго сына,
Опору въ превратной судьбѣ;
Ему обѣщаетъ полміра,
А Францію только себѣ.

Но въ цвѣтѣ надежды и силы
Угасъ его царственный сынъ,
И долго его поджидая,
Стоитъ императоръ одинъ.

Стоитъ онъ и тяжко вздыхаетъ,
Пока озарится востокъ,
И капаютъ горькія слезы
Изъ глазъ на холодный песокъ.

Потомъ на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и, махнувши рукою,
Въ обратный пускается путь.

М. Лермонтовъ.

Ночной смотръ.

(Переводъ стихотворенія датчанина Цейдлица).

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Изъ гроба встаетъ барабанщикъ.
И ходитъ онъ взадъ и впередъ,
И бьетъ онъ проворно тревогу.
И въ темныхъ гробахъ барабанъ
Могучую будитъ пѣхоту:
Встаютъ молодцы-егеря,
Встаютъ старики-гренадеры,
Встаютъ изъ-подъ русскихъ снѣговъ,
Съ роскошныхъ полей италійскихъ,
Встаютъ съ африканскихъ степей,
Съ горючихъ песковъ Палестины.
Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Выходитъ трубачъ изъ могилы,
И скачетъ онъ взадъ и впередъ,
И громко трубитъ онъ тревогу;
И въ темныхъ могилахъ труба
Могучую конницу будитъ:
Сѣдые гусары встаютъ,
Встаютъ усачи-кирасиры,
И съ сѣвера, съ юга летятъ,
Съ востока и съ запада мчатся
На легкихъ воздушныхъ коняхъ,
Одинъ за другимъ, эскадроны.
Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Изъ гроба встаетъ полководецъ [1]);
На немъ сверхъ мундира сюртукъ,
Онъ съ маленькой шляпой и шпагой.
На старомъ конѣ боевомъ
Онъ медленно ѣдетъ по фронту,
И маршалы ѣдутъ за нимъ,
И ѣдутъ за нимъ адъютанты;
И армія честь отдаетъ,
Становится онъ передъ нею:
И съ музыкой мимо его
Проходятъ полки за полками.
И всѣхъ генераловъ своихъ
Потомъ онъ въ кружокъ собираетъ,
И ближнему на ухо самъ
Онъ шепчетъ пароль свой и лозунгъ;
И арміи всей отдаютъ
Они тотъ пароль и тотъ лозунгъ:
И «Франція» — тотъ ихъ пароль,
Тотъ лозунгъ — «Святая Елена».
Такъ къ старымъ солдатамъ своимъ
На смотръ генеральный изъ гроба
Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Встаетъ императоръ усопшій.

В. Жуковскій.

---

1) Наполеонъ - Бонапартъ.

Бородинская годовщина [1]).

Русскій царь созвалъ дружины
Для великой годовщины
На поляхъ Бородина.
Тамъ земля окрещена;
Кровь на ней была святая;
Тамъ, престолъ и Русь спасая,
Войско цѣлое легло
И престолъ и Русь спасло.
Какъ ярилась, какъ кипѣла,
Какъ пылала, какъ гремѣла
Здѣсь народная война
Въ страшный день Бородина!
На полки полки бросались,
Холмы въ громахъ загорались,
Бомбы падали дождемъ,
И земля тряслась кругомъ.
А теперь пора иная:
Благовонно золотая
Жатва блещетъ по холмамъ,
Гдѣ упорнѣй бились, тамъ
Мирныхъ инокинь обитель [2]).
И одинъ остался зритель
Сихъ кипѣвшихъ бранью мѣстъ,
Всѣхъ рѣшитель браней—крестъ.
И на пиръ поминовенья
Рать другого поколѣнья
Новымъ, славнымъ ужъ царемъ [3])
Собрана на мѣстѣ томъ,
Гдѣ предмѣстники ихъ бились,
Гдѣ столь многія свершились

---

[1]) Въ 1839 г., по повелѣнію Императора Николая I, торжественно была отпразднована Бородинская годовщина. При открытіи памятника былъ прочитанъ Высочайшій приказъ:

„Ребята! Передъ вами памятникъ, свидѣтельствующій о славномъ подвигѣ вашихъ товарищей! Здѣсь на этомъ самомъ мѣстѣ, за 27 лѣтъ передъ симъ, надменный врагъ возмечталъ побѣдить русское войско, стоявшее за Вѣру, Царя и Отечество. Богъ наказалъ безразсуднаго: отъ Москвы до Нѣмана разметаны кости дерзкихъ пришельцевъ, и мы вошли въ Парижъ. Теперь настало время воздать славу великому дѣлу. Итакъ, да будетъ память вѣчная безсмертному для насъ Императору Александру I. Его твердою волею спасена Россія. Вѣчная слава падшимъ геройскою смертію товарищамъ нашимъ, и да послужитъ подвигъ ихъ примѣромъ ихъ позднѣйшему потомству. Вы же всегда будете надеждою и оплотомъ вашему Государю и общей матери нашей—Россіи“.

Въ письмѣ къ Великой Княгинѣ Маріи Николаевнѣ Жуковскій въ 1839 г. писалъ: „Я былъ въ Бородинѣ въ самый день великолѣпнаго праздника, которымъ Государь угостилъ свою армію. Вечеръ этого дня провелъ я въ лагерѣ. Тамъ сказали мнѣ, что наканунѣ въ арміи многіе повторяли моего „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ“, пѣсню современную Бородинской битвѣ. Признаюсь, это меня тронуло до глубины сердца. Возвратясь изъ лагеря, я въ тотъ же вечеръ написалъ половину моей новой Бородинской пѣсни; на другой день, на переѣздѣ изъ Бородина въ Москву, кончилъ ее“.

Въ этихъ стихахъ перечисляются герои Двѣнадцатаго года. Въ особенности долго останавливается поэтъ на Багратіонѣ; тогда уже былъ перевезенъ на Бородинское поле его прахъ и одѣтъ „дивною бронею—Бородинскою землею“.

[2]) Близъ села Семеновскаго вдова генерала Тучкова основала Спасо-Бородинскій монастырь на мѣстѣ той батареи, гдѣ былъ убитъ ея мужъ—герой.

[3]) Императоръ Николай I.

Чудной храбрости дѣла,
Гдѣ земля ихъ прахъ взяла.
Также рать числомъ обильна;
Также мужество въ ней сильно;
Тѣ жъ орлы, тѣ жъ знамена
И полковъ тѣ жъ имена...
А въ рядахъ другіе стали;
И серебряной медали,
Прежнимъ данной имъ царемъ,
Не видать ужъ ни на комъ.
И вождей ужъ прежнихъ мало:
Много въ день великій пало
На землѣ Бородина;
Позже тѣхъ взяла война;
Тѣ, свершивъ въ Парижѣ тризну
По Москвѣ и рать въ отчизну
Проводивши, отъ земли
Къ храбрымъ братьямъ отошли.
Гдѣ Смоленскій вождь спасенья [1])?
Гдѣ герой, примѣръ смиренья,
Введшій рать въ Парижъ, Барклай?
Гдѣ и свой, и чуждый край
Дерзкой бодростью дивившій
И подъ старость сохранившій
Все, что въ молодости есть,
Коновницынъ, ратныхъ честь,
Неподкупный, неизмѣнный,
Хладный вождь въ грозѣ военной,
Жаркій самъ подчасъ боецъ,
Въ дни спокойные мудрецъ?
Гдѣ Раевскій? Витязь Дона,
Русской рати оборона,
Непріятелю арканъ,
Гдѣ нашъ Вихорь-Атаманъ? [2])
Гдѣ наѣздникъ, вождь летучій,
Съ кѣмъ врагу былъ страшной тучей
Русскихъ тылъ и авангардъ,
Нашъ Роландъ и нашъ Баярдъ [3]),
Милорадовичъ [4])? Гдѣ славный
Дохтуровъ, отвагой равный
И въ Смоленскѣ на стѣнѣ,
И въ святомъ Бородинѣ?
И другихъ взяла судьбина:
Въ боѣ зрѣвъ погибель сына,

---

[1]) Св. кн. М. И. Голенищевъ-Кутузовъ, получившій за рядъ блестящихъ побѣдъ въ Смоленской губерніи надъ Наполеономъ, послѣ отступленія послѣдняго изъ Москвы, титулъ Смоленскаго.

[2]) Атаманъ донскихъ казаковъ гр. М. И. Платовъ.

[3]) Роландъ полководецъ Карла Великаго (VIII в.), а Баярдъ—французскій полководецъ XVI в.

[4]) Раевскій, Платовъ, Милорадовичъ и упоминающіеся ниже Дохтуровъ, Строгановъ, С. При, Ланской, Тормасовъ, Невѣровскій, Ланжеронъ, Беннигсенъ—герои-вожди 1812 г. О нихъ см. книжку проф. А. Г. Елчанинова—„Герои-полководцы 1812 года“. Ц. 10 к.

Рано Строгановъ увялъ;
Нѣтъ Сенъ-При; Ланской нашъ палъ;
Кончилъ Тормасовъ; могила
Невѣровскаго сокрыла;
Въ гробѣ старецъ Ланжеронъ;
Въ гробѣ старецъ Беннигсенъ.
И боецъ, сынъ Аполлоновъ,
Мнилъ онъ гробъ Багратіоновъ
Проводить въ Бородино...
Той награды не дано:
Вмигъ Давыдова не стало!
Сколько славныхъ съ нимъ пропало
Боевыхъ преданій намъ!
Какъ въ немъ друга жаль друзьямъ!
И тебя мы пережили,
И тебя мы схоронили,
Ты, который тронъ и насъ
Твердымъ царскимъ словомъ спасъ;
Вождь вождей, царей диктаторъ,
Нашъ великій императоръ [1]),
Міра свѣтлая звѣзда,
И твоя пришла чреда!
О, година русской славы!
Какъ тѣснились къ намъ державы!
Царь нашъ съ ними къ чести шелъ!
Какъ спасительно онъ велъ
Рать Москвы къ врагамъ въ столицу!
Какъ незлобно онъ десницу
Протянулъ врагамъ своимъ!
Какъ гордился русскій имъ!
Вдругъ отъ всѣхъ частей далеко,
Въ бѣдномъ краѣ одиноко,
Передъ плачущей женой,
Нашъ владыка, нашъ герой,
Гаснетъ Царь Благословенный [2]),
И за гробомъ сокрушенно,
Въ погребальный слившись ходъ,
Вся имперія идетъ.
И его какъ не бывало,
Передъ кѣмъ все трепетало!..
Есть далекая скала,
Вкругъ скалы морская мгла,
Съ моремъ степь слилась другая —
Бездна неба голубая;
Къ той скалѣ путь загражденъ:
Тамъ зарытъ Наполеонъ... [3])
Всходитъ дневное свѣтило
Такъ же ясно, какъ всходило

---

[1]) Императоръ Александръ I.
[2]) Государь Александръ I скончался въ Таганрогѣ 19 ноября 1825 г.
[3]) Наполеонъ умеръ въ изгнаніи на о. Св. Елены; тамъ онъ сначала и былъ погребенъ, а затѣмъ прахъ его перевезенъ во Францію.

Въ чудный день Бородина;
Рать въ колонны собрана,
И сіяетъ передъ ратью
Крестъ небесный благодатью,

И подъ нимъ въ виду колоннъ
Въ гробѣ спитъ Багратіонъ.
Здѣсь онъ палъ, Москву спасая,
И, далеко умирая,
Слышалъ вѣсть: «Москвы ужъ нѣтъ!»

И опять онъ здѣсь одѣтъ
Въ гробѣ дивною бронею,
Бородинскою землею;
И великій въ гробѣ сонъ
Видитъ вождь Багратіонъ.
Въ этотъ часъ тогда здѣсь бились!

И враги, ярясь, ломились
На холмы Бородина;
А теперь ихъ тишина
Небомъ полная объемлетъ,
И какъ будто бы подъемлетъ
Изъ-за гроба голосъ свой
Рать усопшая къ живой.
Несказанное мгновенье!

Лишь изрекъ, свершивъ моленье,
Предстоявшій алтарю:
«Память вѣчная царю!»—
Вдругъ обгрянулъ залпъ единый
Бородинскія вершины,
И въ одинъ великій гласъ
Вся съ нимъ армія слилась.

Память вѣчная, нашъ славный,
Нашъ смиренный, нашъ державный,
Нашъ спасительный герой!
Ты обѣтъ изрекъ святой!
Словно съ трона роковое
Повторилось въ дивномъ боѣ
На поляхъ Бородина;
Имъ Россія спасена.
Память вѣчная вамъ, братья!

Рать младая къ вамъ объятья
Простираетъ въ глубь земли:
Нашу Русь вы намъ спасли;

Въ свой чередъ мы грудью станемъ,
Въ свой чередъ мы васъ помянемъ,
Если Царь велитъ отдать
Жизнь за общую намъ мать.

В. Жуковскій.

Русскія войска при Александрѣ I.

Уланъ.

Конно-егерь.

Артиллеристы.

Егеря.

Бородинская годовщина [1]).

Великій день Бородина
Мы братской тризной поминая,
Твердили: «шли же племена,
Бѣдой Россіи угрожая;
Не вся ль Европа тутъ была?
А чья звѣзда ее вела!»
Но стали жъ мы пятою твердой
И грудью приняли напоръ
Племенъ, послушныхъ волѣ гордой;
И равенъ былъ неравный споръ.

Военные врачи.

«И что жъ? Свой бѣдственный набѣгъ,
Кичась, они забыли нынѣ;
Забыли русскій штыкъ и снѣгъ,
Погребшій славу ихъ въ пустынѣ.
Знакомый пиръ ихъ манитъ вновь—
Хмельна для нихъ славяновъ кровь;
Но тяжко будетъ ихъ похмелье,
Но дологъ будетъ сонъ гостей
На тѣсномъ, хладномъ новосельѣ,
Подъ злакомъ сѣверныхъ полей!
«Ступайте жъ къ намъ: васъ Русь зоветъ!
Но знайте, прошенные гости,
Ужъ Польша васъ не поведетъ:
Черезъ ея шагнете кости!»
Сбылось — и въ день Бородина
Вновь наши вторглись знамена
Въ проломы падшей вновь Варшавы;
И Польша, какъ бѣгущій полкъ,
Во прахъ бросаетъ стягъ кровавый—
И бунтъ раздавленный умолкъ.

Въ бореньѣ падшій невредимъ,
Враговъ мы въ прахѣ не топтали;
Мы не напомнимъ нынѣ имъ
Того, что старыя скрижали
Хранятъ въ преданіяхъ нѣмыхъ;
Мы не сожжемъ Варшавы ихъ;
Они народной Немезиды
Не узрятъ гнѣвнаго лица
И не услышатъ пѣснь обиды
Отъ лиры русскаго пѣвца.
Но вы, мучители палатъ,
Легкоязычные витіи;

---

[1]) Стихотвореніе „Бородинская годовщина" написано подъ впечатлѣніемъ вспыхнувшаго возстанія въ Польшѣ. Бородину поэтъ удѣляетъ нѣсколько строкъ. Вспоминая, что въ Двѣнадцатомъ году была у насъ чуть не вся Европа, предводимая звѣздою Наполеона, Пушкинъ говоритъ, что мы стали твердою пятою и грудью приняли напоръ племенъ, и споръ неравный сталъ равнымъ.

Русскія войска при Александрѣ I.

Гренадеры.

Штабъ-офицеръ пѣхотн. полка.

Драгунъ.

Гусаръ.

Вы, черни бѣдственный набатъ,
Клеветники, враги Россіи!
Что взяли вы?.. Еще ли Россъ
Больной, разслабленный колоссъ?
Еще ли сѣверная слава—
Пустая притча, лживый сонъ?
Скажите: скоро ль намъ Варшава
Предпишетъ гордый свой законъ?

Куда отдвинемъ строй твердынь?
За Бугъ, до Ворсклы, до Лимана?
За кѣмъ останется Волынь?
За кѣмъ наслѣдіе Богдана?
Признавъ мятежныя права,
Отъ насъ отторгнется ль Литва?
Нашъ Кіевъ, дряхлый, златоглавый,
Сей пращуръ русскихъ городовъ,
Сроднитъ ли съ буйною Варшавой
Святыню всѣхъ своихъ гробовъ?

Вашъ бурный шумъ и хриплый крикъ
Смутили ль русскаго владыку?
Скажите, кто главой поникъ?
Кому вѣнецъ: мечу иль крику?
Сильна ли Русь? — Война и моръ,
И бунтъ, и внѣшнихъ бурь напоръ
Ее, бѣснуясь, потрясали —
Смотрите жъ, все стоитъ она!
А вкругъ нея волненья пали!
И Польши участь рѣшена...

Побѣда! сердцу сладкій часъ!
Россія, встань и возвышайся!
Греми, восторговъ общій гласъ!..
Но тише, тише раздавайся
Вокругъ одра, гдѣ онъ лежитъ,
Могучій мститель злыхъ обидъ,
Кто покорилъ вершины Тавра,
Предъ кѣмъ смирилась Эривань,
Кому Суворовскаго лавра
Вѣнокъ сплела тройная брань.

Воставъ изъ гроба своего,
Суворовъ видитъ плѣнъ Варшавы;
Вострепетала тѣнь его
Отъ блеска имъ начатой славы!
Благословляетъ онъ, герой,
Твое страданье, твой покой,
Твоихъ сподвижниковъ отвагу,
И вѣсть тріумфа твоего,
И съ ней летящаго за Прагу
Младого внука своего.

А. Пушкинъ.

Народная война.

А. Алексѣева.

Дѣйствующія лица:

Михеевъ—староста села, Смол. губ. (40 лѣтъ).
Петръ—его сынъ, ополченецъ (20 лѣтъ).
Ѳедя—другой его сынъ (9 лѣтъ).
Даша—сирота, пріемышъ Михеева, невѣста Петра (17 лѣтъ).
Степанъ Мироновъ—отставной солдатъ, георгіевскій кавалеръ, командующій толпою вооруженныхъ крестьянъ.
Странникъ.
Странница.
Николай-горбунъ—крестьянинъ изъ Смоленска.
Дѣдъ Антипычъ—старикъ крестьянинъ подъ 100 лѣтъ.
Матрена—его жена, дряхлая старушка.
Дуня, **Ваня** } внучата Антипыча.
Казакъ.
Баба (молодуха).
Одинъ изъ крестьянъ.

ДѢЙСТВІЕ I.

Сцена изображаетъ часть улицы Смоленскаго села. Съ одной стороны можно нарисовать на бумагѣ или полотнѣ уголъ избы, съ другой—изгородь или заборъ. За заборомъ видны деревья.
Около избы на обрубкѣ дерева сидятъ странникъ и странница. Около нихъ баба, старуха, дѣти. Всѣ внимательно слушаютъ.

Странникъ. Такъ вотъ, православные, прогнѣвили мы, знать, Царя небеснаго, что такая бѣда, словно туча грозная, нашла на нашу Русь-матушку.

Баба. И много, дѣдушка, басурмановъ-то нашло на Смоленскъ? А?

Странникъ. Много, красавица,, много. И нашелъ на насъ тотъ самый Аполіонъ.

Баба. Помилуй насъ Господи. Вѣдь онъ, чай, къ матушкѣ-Москвѣ подбирается, этотъ самый Аполіонъ-то?

Странница. Не допустятъ до Москвы. У нашего Батюши-царя, чай, тоже не мало войска выставлено противъ супостата. Не слыхалъ, дѣдушка, нашего-то войска много ли?

Странникъ. Офицеръ мнѣ подъ Смоленскомъ сказывалъ, что подъ началомъ Барклая-де-Толли сто двадцать семь тысячъ, да подъ началомъ Багратіона сорокъ пять, да въ лезервѣ сорокъ шесть тысячъ: всего выходитъ двѣ сотни слишкомъ, да еще ополченія нѣсколько десятковъ тысячъ соберутъ, — находится много охотниковъ грудью постоять за родную землю.

Странница. Ну, вотъ видите: все тысячами считается, а вѣдь это куда какъ много!.. Да мы ворога шапками закидаемъ.

Странникъ. Такъ-то такъ, только у Аполіона войска не мало: понабралъ, вишь, онъ его отовсюду, и въ нѣметчинѣ и въ разныхъ заморскихъ земляхъ... Ну, словомъ, какъ Батый, цѣлыя орды, говорятъ, на насъ двинулъ. Прогнѣвали мы Господа! По грѣхамъ нашимъ воздается намъ!..

(Появляется толпа крестьянъ. Впереди ихъ унтеръ Степанъ Мироновъ. Крестьяне вооружены топорами, косами, на длинныхъ древкахъ, штыками, прикрученными къ толстой палкѣ, рогатинами; у иныхъ есть ружья и сабли.)

Мироновъ. Ну, ребятушки, помните, что вы сейчасъ цѣловали крестъ, значитъ, присягнули служить Царю и Отчизнѣ, не щадя живота своего. Да не забудьте и моего ученья: самое главное — держаться надо плотно, локоть съ локтемъ, итти на врага дружнѣе; у кого изъ васъ ружья, тѣ всегда должны стоять по флангамъ. Поняли?..

Крестьяне. Все поняли, служивый!.. Небось, лицомъ въ грязь не ударимъ!.. Постоимъ за нашу Русь-матушку и за Царя православнаго!..

Одинъ изъ крестьянъ. Сперва-то мы боялись бить французовъ, чтобы не потащили въ судъ. Ну, а ужъ какъ пришелъ приказъ изъ губернскаго, да исправникъ сказалъ: «Ребята, бей ворога напропалую!» такъ ужъ мы дадимъ себя знать!..

Мироновъ. Такъ, такъ, ребята!.. Вотъ ужъ по помѣщику и крестьяне!.. Вѣдь баринъ-то вашъ, Энгельгардъ, хотя и въ отставкѣ, а все-таки храбрый полковникъ, одно слово—суворовецъ. Слышали, онъ собралъ всѣхъ крестьянъ сосѣдней деревни, да и ушелъ съ ними подъ Смоленскъ. Вотъ какъ Наполеоновымъ-то полкамъ придется биться не только съ русскими арміями, но со всѣмъ русскимъ народомъ, тогда посмотримъ, хватитъ ли ихъ на это.

Странникъ. А все-таки, служивый, вѣдь Смоленскъ-то взятъ Аполіономъ, — отворены ворота въ Москву.

Мироновъ. Смоленскъ не взятъ, а занятъ Наполеономъ — это разница, дружище! Наши отступили, а не были разбиты. Храбрый генералъ Дохтуровъ съ тридцатью тысячами нашего войска двѣнадцать часовъ сряду отбивался отъ непріятельской арміи на стѣнахъ и за стѣнами Смоленска, прикрывалъ отступленіе и этимъ помогъ многимъ жителямъ выбраться изъ города. Въ тотъ самый день былъ я въ Смоленскѣ, ребятишки; почти весь городъ пылалъ, чудотворную икону отправили къ арміи и везли Ее, Матушку, на запасномъ лафетѣ, подъ грохотъ орудій, съ молебнами и молитвами слезными.

Странникъ. Молиться ей надо больше, чтобы она, Мать-заступница наша, заступилась за православныхъ.

(Изъ первой избы слѣва выходитъ староста Михеевъ, за нимъ его сынъ Петръ, одѣтый въ дорогу, потомъ Ѳедя и Даша; она горько плачетъ.)

Ѳедя. Да полно тебѣ, Даша. Петра въ ополченцы идетъ, воевать за нашего Царя съ Аполіономъ, а она расхныкалась!.. Тятя, отпусти и меня въ ополченцы!

Михеевъ. Эхъ ты, шустрый! Маленекъ еще, не годишься.

Ѳедя. Такъ я вотъ съ нашими ребятами буду на француза ходить и, навѣрно, въ полонъ его заберу.

Михеевъ. Даша, перестань плакать! Богъ дастъ, Петръ вернется къ намъ заслуженнымъ унтеромъ, вотъ какъ нашъ храбрый воевода Степанъ Мироновъ.

Странникъ. Благую ты часть избралъ, молодчикъ. Защищать Родину — долгъ каждаго изъ насъ. Смерти бояться нечего; такъ ли, сякъ ли, все равно умирать придется. Все въ руцѣ Божіей! Помните православные: безъ Его святой воли и волосъ съ головы не упадетъ.

Петръ. Ну, мнѣ надо спѣшить къ сборному мѣсту. Прощай, Даша, не плачь, моя голубка! Богъ дастъ, свидимся. Прощай, батюшка! Ѳедюшка, прощай!

Ѳ е д я. Ну, прощай! Смотри, приходи къ намъ назадъ съ крестомъ вотъ съ такимъ, какъ у дяди Мироныча.

П е т р ъ. Прощайте, братцы! Простите, если на чемъ кого обидѣлъ! *(Кланяется на всѣ стороны).*

В с ѣ. Прощай, Петра!.. Богъ тебя проститъ!.. Дай Богъ снова свидѣться.

(Петръ уходитъ, Михеевъ и Даша его провожаютъ. Черезъ толпу пробирается Николка-Горбунъ).

Н и к о л к а. Здорово братцы!.. А гдѣ староста, дома, что ли?

Ѳ е д я. А вотъ и Николка-горбунокъ!.. Тебѣ тятю надо? Онъ, братъ, пошелъ Петру провожать. Нашъ Петра, слышь, въ ополченцы ушелъ.

О д и н ъ и з ъ к р е с т ь я н ъ. Да ты-то, Николка, какъ къ намъ попалъ? Мы слышали, будто ты, хоть и убогенькій, а пошелъ подъ Смоленскъ съ нашимъ бариномъ?

Н и к о л к а. Не токма что подъ Смоленскъ, а въ самомъ Смоленскѣ былъ, да кое-какъ утекъ оттуда. Охъ, горькую я вѣсточку принесъ вамъ, братцы! Охъ горькую!

(Михеевъ возвращается съ Дашей).

М и х е е в ъ. Ну, еще что за горе такое? Толкуй скорѣй!

Н и к о л к а. Здорово, дядюшка Михеичъ!.. Вотъ какое горе, братцы: нашъ добрый баринъ, полковникъ Энгельгардъ, приказалъ вамъ долго жить.

В с ѣ. Неужто? Давно ли? Скончался?.. Царство ему небесное!.. Хорошій былъ баринъ.

Н и к о л к а. Погибъ мученикомъ въ Смоленскѣ; его разстрѣляли.

В с ѣ. Господи помилуй!.. Вотъ страсти-то.

Н и к о л к а. Попался это онъ въ полонъ къ супостатамъ. Привели его на площадь, чтобы разстрѣлять, значитъ, да, зная про его храбрость, давай уговаривать поступить къ нимъ, ворогамъ, на службу, а нашъ-то полковникъ — царство ему небесное!—какъ сорветъ платокъ съ глазъ да какъ закричитъ: стрѣляйте въ меня!.. Ну, тутъ его, значитъ, и прикончили.

С т р а н н и к ъ. Мученикъ, мученикъ за отчизну... Великій, святой подвигъ!.

М и р о н о в ъ. Эхъ, славная смерть для такого храбреца! *(За сценой набатъ.)* Слышите, ребята: это наши сторожевые подаютъ вѣсть. Видно, непріятельскіе фуражиры близко, рыщутъ теперь вездѣ за добычей. Ну, смѣлѣй за мной! А вы, бабы, готовьте веревки вязать супостатовъ.

М и х е е в ъ. Съ Богомъ, ребятушки!

Ѳ е д я. И я и я пойду!..

М и х е е в ъ. Ты еще куда, пострѣленокъ?! Не смѣть! Малъ еще! Даша, возьми его, не пускай!

(Всѣ убѣгаютъ направо).

Ѳ е д я. *(Даша держитъ его за рукавъ.)* Дашенька, пусти меня! Я не буду драться, право, не буду... Я только гдѣ-нибудь изъ-за дерева увижу француза да буду кричать: ату его!.. ату его!.. Невтерпежъ мнѣ тутъ...

Д а ш а. Куда тебѣ, Ѳедюшка, лѣзть за большими? Въ умѣ ли ты!.. Не пущу я тебя. Тятя не приказалъ.

Ѳ е д я. Не пустишь? Ой ли?.. Такъ я самъ убѣгу. *(Вырывается отъ нея и быстро убѣгаетъ.)*

Даша. Ѳедя! Ѳедюшка, вернись! Вотъ ужо отецъ задастъ тебѣ! Убѣжалъ! Да мнѣ и не догнать его: какъ стрѣла летитъ. Ну, да тамъ наши увидятъ, такъ назадъ приведутъ... Господи Боже мой! Что буду теперь дѣлать я, горемычная? Какъ мнѣ безъ мила дружка свой вѣкъ коротать?.. Хорошо, если Богъ помилуетъ, и Петрушка вернется, а вдругъ убьютъ его на войнѣ?.. Да ужъ гдѣ вернуться! Онъ горячій, въ самую свалку полѣзетъ, ну и убьютъ, убьютъ навѣрно тебя, милый, сердечный другъ ты мой, Петрушенька! Нѣтъ, невмоготу мнѣ жить безъ тебя! *(Причитаетъ.)* Вырастилъ, вскормилъ, вспоилъ меня, сироту, твой батюшка. И знаю я, что грѣшно покинуть старика въ такіе тяжелые дни, а все-таки не могу я оставаться здѣсь безъ тебя, мой желанный, я пойду за тобой!.. Одѣну его одежу и мальчикомъ проберусь къ сборному мѣсту, пусть и меня тамъ запишутъ въ ополченцы... Умру вмѣстѣ съ Петрушей за родную землю. *(За сценой слышны выстрѣлы и шумъ. Даша смотритъ за кулисы.)* Это наши напали на французовъ! Охъ, какая тамъ свалка!.. Не убили бы вороги батюшку?! Вотъ наши позабрали французовъ!.. Вонъ и батюшка суетится... Живъ, славу Богу!.. Теперь успѣю переодѣться и уйти изъ села, никто мнѣ не помѣшаетъ, не до меня имъ теперь. *(Убѣгаетъ въ избу.)*

(Дѣдъ Антипычъ, сѣдой, какъ лунь, опираясь на палку, плетется черезъ сцену. На половинѣ сцены догоняютъ его старуха Матрена и внучата).

Матрена. Пошто съ печи ушелъ, старый? Куда ты тащишь свои старыя кости, Антипычъ? Дѣдка! Тебѣ я кричу, аль нѣтъ? Воротись сейчасъ!

(Антипычъ, не слушая ее, плетется дальше. Старуха схватываетъ его за рукавъ).

Антипычъ. Оставь ты меня! Ну, чего увязалась? Вишь, всѣ православные противъ супостата пошли, такъ пошто я на печи сидѣть долженъ? А?

Матрена. Да куда жъ тебѣ воевать? Почитай сто лѣтъ на свѣтѣ живешь, вѣдь стоитъ только дунуть на тебя — ты и разсыплешься.

Антипычъ. А ну-ка дунь, дунь!.. Эхъ, давно я не ругалъ тебя, старуха. А теперь, коль ты въ гнѣвъ меня введешь, я, пожалуй, молвлю тебѣ въ сердцахъ какое ни-на есть скверное слово... Право-ну молвлю!..

Матрена. Что хошь молви, а я тебя не пущу.

Антипычъ. А я пойду!

Матрена. А я, слышь, не пущу!

Антипычъ. А я все-таки пойду!..

Матрена *(крѣпко его держитъ)*. А ну, попытайся!.. Смотрите, люди добрые, какой у меня Илья-богатырь выискался!..

Внучата *(плачутъ и цѣпляются за дѣда)*. Дѣдушка, не ходи!.. Пойдемъ домой, дѣдушка!

Антипычъ. Забирай ребятъ и иди домой, старуха! А я пойду туда, гдѣ всѣ наши соколики... Да ты слышала мой приказъ, аль нѣтъ?.. Упрямая ты, сварливая, непокорная, пусти ты меня!.. Обасурманилась ты, что ли, на старости?.. Сатанинскій духъ въ тебѣ поселился, видно!.. Отпусти говорю!.. Палкой тебя проучить, что ли?! Нехристь ты, нечистая сила ты, окаянная, пусти!! Охъ, Господи! вотъ мука-то!.. Старуха!.. Матрена!.. Матренушка!.. Голубушка!.. Голубушка, родненькая, пусти!! Пойми ты- ну драться мнѣ невмоготу, такъ я хоть только побуду недолго около нашихъ-то голубчиковъ, помолюсь за нихъ. Словомъ своимъ силушки да удали имъ надбавлю. Скажу: дѣтушки! родимые! Стойте крѣпко до послѣдняго за Землю Русскую, за Церковь Православную, за Царя Благословеннаго!.. Силушка народная— богатырь неодолимый, не справиться съ ней ворогу, погибнетъ онъ отъ этой

силушки, костьми лягутъ вражьи дѣти здѣсь, у насъ, всѣ до послѣдняго!.. *(Плачетъ.)*

Матрена *(плачетъ и отпускаетъ его)*. Ну.. коли такъ...то — дѣло!.. дѣло!.. Ступай — да и я съ тобой!.. А вы, дѣтки, добѣгите до избы да схоронитесь пока!.. Ну, бѣгите скорѣе!.. *(Внучата убѣгаютъ.)* Пойдемъ, Антипычъ, пойдемъ!.. и я съ тобой.

Антипычъ *(улыбаясь)*. Ну, вотъ видишь, старуха: какъ же мое слово нашимъ молодцамъ помочь должно, если тебѣ, бабѣ сварливой, и то оно на пользу пошло?.. Эхъ, старуха, старуха! *(Плетется дальше, за нимъ и Матрена.)*

Даша *(выходитъ изъ избы переодѣтая парнемъ, за плечами свернутъ кафтанъ и узелокъ)*. Прощайте, мѣста родныя! Благословитъ ли Господь вернуться мнѣ снова увидать васъ?.. Прощай, мой отецъ названный!.. Все прощай!.. *(Убѣгаетъ.)*

(За сценой голоса. Черезъ нѣкоторое время отрядъ, состоящій изъ бабъ, вооруженныхъ чѣмъ попало, проводитъ черезъ сцену нѣсколькихъ плѣнныхъ французскихъ фуражировъ. За ними плетется Антипычъ съ Матреной и Ѳедя).

Ѳедя *(припрыгивая)*. Не говорилъ ли я, что буду въ полонъ забирать?.. Вотъ и забралъ!..

(Всѣ удаляются).
(Крестьяне и унтеръ Мироновъ возвращаются).

Мироновъ. Хорошо поработали, ребята!.. А потери наши каковы?

Михеевъ. Изъ нашихъ двоихъ пуля повалила насмерть, а одного шибко поранила, да изъ другой деревни Николку-горбуна саблей пришибли.

Крестьяне. Жаль бѣднягу!.. Убогенькій, а не стерпѣлъ, драться пошелъ!..

Мироновъ. Вотъ ужъ правда, что отъ судьбы не уйдешь... Вишь, въ Смоленскѣ уцѣлѣлъ, надобно же было ему сюда къ намъ на смерть прійти!.. Божья воля!.. Теперь вотъ что, староста: у кого изъ васъ какое добро найдется, не худо бы припрятать его куда-нибудь подальше... Въ лѣсу схоронить, что ли?.. Коли французы пойдутъ на Москву, разорятъ вашу деревню.

Михеевъ. За добрый совѣтъ спасибо, служивый, а только на этотъ самый случай я ужъ дня два тому назадъ всѣмъ наказалъ на селѣ: прячьте добро свое подальше, чтобы, значитъ, ворогамъ не досталось.

Крестьяне. У кого было что схоронить, все схоронили!..

Мироновъ. Вотъ это умно.

Ѳедя *(второпяхъ подбѣгаетъ къ отцу)*. Тятя, а тятя! чего жъ это ты меня не пустилъ въ ополченцы? А Даша, слышь, ушла!

Всѣ. Ушла?.. Куда ушла?..

Михеевъ. Что ты тамъ мелешь?.. Куда ушла Даша?

Ѳедя. Въ ополченцы пошла.

Михеевъ. Въ какіе ополченцы?

Ѳедя. Въ настоящіе!.. Слушай: какъ шли мы это съ французами мимо нашей церкви, гляжу я, молодой паренекъ таково усердно молится. Я думаю, кто бы это такой былъ, когда всѣ наши парни на француза пошли. Подбѣжалъ, гляжу: это Даша въ Петрунькиной рубахѣ и сапогахъ, какъ слѣдуетъ, и узелокъ за плечами. Тутъ я и ротъ разинулъ. А она мнѣ и говоритъ: бѣги, говоритъ, Ѳедюша, къ отцу и скажи, что я за Петромъ въ ополченцы пошла.

Михеевъ. Господи!.. Ребятушки! да что же мнѣ теперь дѣлать съ дѣвкой-то?

Мироновъ. Да что дѣлать? Оставь, Богъ съ ней! пусть и она поработаетъ на спасеніе Родины.

Михеевъ. Да вѣдь какъ же это: дѣвушка... и вдругъ!.. Непорядокъ вѣдь это!.. Ахъ Даша, Даша!..

Всѣ *(указывая на кулисы)*. Что это тамъ, ребята?.. Никакъ казаки?.. Да наши ли это?.. Извѣстно, наши, не видите развѣ это казаки!

(Выходитъ казакъ).

Казакъ. А гдѣ тутъ есть староста? А?

Михеевъ. Я староста, служивый. Съ какими вѣстями пріѣхали?

Казакъ. А вѣсти вотъ какія: Наполеонъ вышелъ изъ Смоленска. Ваше село на пути, не уцѣлѣть ему, — такъ начальство приказало оповѣстить, чтобы, значитъ, непріятелю добра въ руки не отдавать, а крестьянамъ укрываться въ лѣсахъ и скотъ увести, да все добро припрятать, а дома лучше самимъ сжигать, чѣмъ оставлять ихъ врагу на разореніе! Слышали?

Всѣ. Слышали... Какъ не слыхать!..

(Казакъ уходитъ).
(Всѣ стоятъ, молча, въ раздумьи).

Михеевъ. Что жъ, православные! ужели мы оставимъ наше село на разграбленіе супостатамъ?

Всѣ. Нѣтъ, дядя Михеевъ, этому не бывать!.. Все до послѣдняго бревна сожжемъ, а ворогу ничѣмъ не дадимъ поживиться!..

(Волнуются. Нѣкоторые убѣгаютъ).

Мироновъ. Ребята, бабъ-то конвойныхъ смѣнить надо. Вотъ вы впятеромъ *(отбираетъ пятерыхъ крестьянъ)* догоните бабъ, пошлите ихъ по домамъ: ребятъ да добро отъ огня спасать, а сами-то плѣнныхъ въ городъ представьте. Ну, живѣй, молодцы!..

(Пятеро крестьянъ убѣгаютъ. Сцена съ одной стороны освѣщается заревомъ, которое постепенно усиливается).

Крестьяне. Зарево?! Кто-то запалилъ свой домишко... Это у Ѳедула рябого овинъ занялся!..

Михеевъ. Православные! всѣмъ пожертвуемъ, за святую Родину нашу!.. *(Снимаетъ шапку и опускается на колѣни. Всѣ дѣлаютъ то же.)* Господи, смягчи гнѣвъ Твой! Спаси, Боже, Русь православную, помоги Царю нашему одолѣть врага, и дай намъ всѣмъ силы послужить на защиту родной земли до послѣдней капли крови нашей...

Занавѣсъ.

Народный вождь.

Изъ «1812 года» В. Александрова.

Дѣйствующія лица:

Кутузовъ.
Барклай-де-Толи.
Багратіонъ.
Обратимовъ.
Ермоловъ.
Квашнинъ.
1-й офицеръ.
2-й офицеръ.

1-й, **2-й**, **3-й** } солдаты.
Унтеръ-офицеръ.
1-й казакъ.
2-й казакъ.
Офицеры, солдаты.

Открытое мѣсто въ Царевѣ-Займищѣ. Въ глубинѣ офицеры играютъ въ карты. На авансценѣ остановились два солдата съ ведрами и разговариваютъ съ 3-мъ солдатомъ съ перевязанной рукой.

1-й солдатъ. Ты бы, непутевый, шелъ скорѣй къ фершалу; онъ те промоетъ да перевяжетъ... помрешь этакъ-то, запустивши дѣло...

3-й солдатъ. Ну и помру, вотъ невидаль!.. кабы на что еще надобенъ былъ!.. А такъ что? какіе мы солдаты, коли начальство намъ съ врагомъ драться не даетъ! Вонъ и Смоленскъ сдали!.. Отступаемъ да отступаемъ, только и радости... срамъ одинъ!

1-й солдатъ. И то правда твоя. Истомились съ этими переходами. Видимая измѣна. Продали нѣмцы матушку-Россію... Какой онъ главнокомандующій, Барклай-де-Толли!.. Нѣмецъ, онъ продаетъ насъ всѣхъ злодѣю Наполеону... «Болтай, да и только!» вотъ онъ что!..

(Входятъ два казака).

1-й казакъ. Здорово, отступная команда, гдѣ вашъ командиръ, горе-богатырь?

1-й солдатъ. Чего лаешься, донская саранча!.. мы, что ль, виноваты, что отступаемъ; кабы наша-то воля была, мы бы себя показали.

1-й казакъ. Ну, ну, не злись пѣхтура!.. Я и самъ съ серцовъ говорю... чего, въ самомъ дѣлѣ, главнокомандующій француза боится? Мы третьяго дня вечеркомъ съ нимъ посчитались... ничего затылокъ показывать тоже умѣетъ.

2-й солдатъ. Стычка у васъ была?.. гдѣ?

1-й казакъ. Три раза съ нимъ дрались!..

1-й солдатъ. Ишь ты вамъ счастье какое! Гдѣ жъ это?

Унтеръ-офицеръ *(входя)*. Чего вы тутъ раскалякались? Тамъ кашевары воды ждутъ, а они поставили ведра, да разговариваютъ! Покажутъ вамъ! маршъ за водой!.. Ишь переминаются, словно мухи сонныя! Подберись.

(Казаки уходятъ).

2-й солдатъ. Кому же охота подбираться таперича, чтобы отъ непріятеля улепетывать. Пущай насъ скорѣй нагоняетъ, хоть за неволю подеремся.

(Два офицера подходятъ къ унтеръ-офицеру).

1-й офицеръ. Что у васъ тутъ за споры?

Унтеръ-офицеръ. Да что, ваше благородіе, отъ рукъ отбились совсѣмъ... не дождутся сраженія и слушать ничего не хотятъ... Какъ и взыскивать-то, въ самомъ дѣлѣ. У всѣхъ одно на умѣ... Не глядѣли бы глаза!

(Уходитъ).

1-й офицеръ. Да, ужъ это отступленіе насъ хуже всякой битвы изводитъ.

2-й офицеръ. Я слышалъ, Барклая смѣнятъ... Кутузова назначаютъ.

1-й офицеръ. Хорошо бы, кабы такъ!..

(Входятъ Ермоловъ и унтеръ-офицеръ).

Унтеръ-офицеръ. Здѣсь, ваше превосходительство. *(За сцену.)* Идите сюда!..

(Входитъ Обратимовъ и Квашнинъ).

Обратимовъ. Вяземскаго уѣзда ополченцевъ привелъ, ваше превосходительство, куда опредѣлить прикажете?

Ермоловъ. Много ли васъ?

Обратимовъ. Насъ цѣлый полкъ; только мы первымъ взводомъ впередъ пришли: спѣшили обозъ доставить.

Ермоловъ. Какой обозъ?

Обратимовъ. 8 тысячъ пудовъ ржи, три тысячи ячменя и 4 тысячи 800 пудовъ овса.

Ермоловъ. Откуда?

Обратимовъ. Часть-то отъ помѣщика Коростылева, а часть крестьяне у себя собрали, мѣщане, однодворцы...

Ермоловъ. По какой цѣнѣ поставляете?

Квашнинъ. Христосъ съ тобой, ваше превосходительство, какая тамъ цѣна, коли такое лихое надъ всѣми стряслось! Даромъ жертвуемъ.

Ермоловъ. Честно, ребятушки, благородно. Родная земля этого не забудетъ!

(Входятъ солдаты, казаки).

Квашнинъ *(унтеръ-офицеру)*. Мы по дорогѣ слышали: Кутузовъ генералъ ѣдетъ, будетъ главнокомандующимъ.

Унтеръ-офицеръ. Что ты!

2-й офицеръ *(Ермолову)*. Простите, ваше превосходительство, правда ли, говорятъ, будто главнокомандующимъ будетъ Кутузовъ?

Ермоловъ. Правда, господа, правда.

1-й офицеръ. Высочайшій указъ состоялся?

Ермоловъ. Мы ждемъ его свѣтлость съ минуты на минуту, онъ ужъ ѣдетъ сюда.

(Уходитъ).

2-й солдатъ *(другимъ)*. Слышали? Кутузовъ назначается замѣсто Барклая!..

Голоса. Ой-ли! вотъ-то любо пойдетъ! Михайло Ларіоновичъ... вотъ пойдетъ дѣло!.. да вѣрно ли? Вотъ бы ладно-то,!

1-й солдатъ. Михайло Ларіоновичъ! Онъ Суворовскій выкормокъ, этотъ отступать не будетъ!..

1-й казакъ *(вбѣгая)*. Солдатушки, пріѣхалъ его свѣтлость!

Общій крикъ радости: Кутузовъ пріѣхалъ.

1-й казакъ. Самъ видѣлъ, какъ генералы его изъ коляски вынимали.

Унтеръ-офицеръ. Подберись, ребятки, почистись!.. Ты, рваный, куда впередъ лѣзешь?.. Хорошо ли этакую рвань главнокомандующему видѣть? Ступай по палаткамъ, подберись!..

2-й солдатъ. Успѣемъ въ палатки, дай хоть разъ взглянуть-то на него, на желаннаго!..

Унтеръ-офицеръ. Гляди, сейчасъ строиться прикажутъ!..

(Входятъ Кутузовъ, Барклай-де-Толли, Багратіонъ, Ермоловъ и др. офицеры).

Кутузовъ. Здорово, ребята! Богъ помощь!

Солдаты *(весело)*. Здравія желаемъ, ваше превосходительство.

Ермоловъ. Ваша свѣтлость, мы сегодня не ждали вашего пріѣзда, оттого люди не во фронтѣ... Дозвольте имъ немного почиститься, прибраться, — мы ихъ выстроимъ.

Кутузовъ. Не надо, не надо... я поѣду по лагерю, и этого съ меня довольно. Я хочу только посмотрѣть, здоровы ли мои дѣтки. Солдату не о щегольствѣ надо думать, а отдыхать послѣ трудовъ и готовиться къ побѣдѣ.

Голоса. Веди насъ, батюшка, на врага! Отецъ нашъ. Въ огонь за тобой, ваша свѣтлость!.. зубами загрыземъ! Чего намъ бояться!.. За Царя, за Отечество!.. Веди насъ, веди, отецъ.

Кутузовъ *(дѣлаетъ знакъ, всѣ смолкаютъ)*. Вѣрю вашей преданности, ребята... и Государю доложу о ней. Не посрамимъ земли русской! *(Какъ бы про себя.)* И какъ можно съ такими молодцами все отступать!..

Багратіонъ. Съ благоговѣніемъ пріемлю ВЫСОЧАЙШУЮ волю ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА о назначеніи вашей свѣтлости главнокомандующимъ...

Кутузовъ. Спасибо, голубчикъ!

Барклай-де-Толли. Передаю вашей свѣтлости мои полномочія главнокомандующаго. Всякій вѣрный слуга своего отечества долженъ испытать радость въ такомъ назначеніи. Что касается меня, то и я проникнутъ этой радостью и желаю только жертвой моей жизни доказать мое усердіе къ службѣ Отечеству, какое бы мѣсто я ни занималъ. Простымъ солдатомъ буду драться подъ вашимъ начальствомъ, не жалѣя себя, до послѣдней капли крови.

Голоса. Вотъ такъ нѣмецъ! ай да нѣмецъ! молодецъ, Барклай, онъ драться храбрый...

Ермоловъ. Смирно, слушайте его свѣтлость!

Кутузовъ. Вѣрю, друзья мои, въ стойкость вашу и въ вашу рѣшимость отдать жизнь на пользу Отечества... Не мы начали эту войну, а Наполеонъ... даже не предупредивъ, ворвался въ Россію. «На зачинающаго Богъ», сказалъ Государь... и при Божьей помощи, при вашемъ горячемъ рвеніи, братцы, мы выгонимъ разноплеменныя полчища злого врага... Не покушайся никто на Землю Русскую!

Ермоловъ. Смотрите, смотрите!.. орелъ паритъ надъ главнокомандующимъ!...

(Кутузовъ снимаетъ фуражку, за нимъ и всѣ остальные).

Кутузовъ. Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его!.. Побѣда русскому воинству! Самъ Богъ ее предвѣщаетъ.

Всѣ. Ура! Ура!

Совѣтъ въ Филяхъ.

Изъ «Пожара Москвы» Е. П. Карпова.

Дѣйствующія лица:

Кутузовъ.
Барклай-де-Толи.
Беннигсенъ.
Дохтуровъ.
Ермоловъ.
Уваровъ.
Остерманъ.
Коновницынъ.
Раевскій.
Кайсаровъ.
Толь.
Адъютантъ.

Изба въ Филяхъ. По стѣнамъ широкія лавки. Въ красномъ углу—столъ, около него лавки. (Слѣва у стола походное кресло. На задней стѣнѣ виситъ шинель и фуражка Кутузова; На стѣнѣ у печки—лохань, помело, ухватъ и кочерга. Полки съ посудой. На столѣ планы. Барклай-де-Толли, закутанный въ шинель, сидитъ за столомъ, погруженный въ разсмотрѣніе плановъ. По правую руку его стоитъ Остерманъ. Дохтуровъ, Уваровъ и Коновницынъ стоятъ, оживленно бесѣдуя, налѣво на первомъ планѣ. У печки Ермоловъ, взволнованный, озабоченно шагаетъ изъ угла въ уголъ.

Уваровъ *(нервно Дохтурову)*. Вы развѣ не видите, что дѣлается въ войскахъ?.. Уныніе охватило солдатъ!.. Офицеры озлоблены!.. Тысячи раненыхъ тянутся по дорогѣ къ Москвѣ. Наше войско послѣ Бородинскаго сраженія еще не успѣло оправиться и устроиться... Вы изволили слышать, что сегодня на Поклонной горѣ докладывалъ полковникъ Кроссаръ свѣтлѣйшему о нашихъ позиціяхъ?.. Онъ прямо сказалъ: «Невозможно выбрать удобнѣй позиціи для того, чтобы погубить армію»...

Дохтуровъ *(горячо)*. Я совсѣмъ не стою за то, чтобы мы приняли бой на занятой позиціи... Но у меня волосы становятся дыбомъ на головѣ, когда я только подумаю, что мы безъ выстрѣла уступимъ Москву непріятелю.

Коновницынъ. Свѣтлѣйшій просилъ сегодня утромъ графа Растопчина, чтобъ архіепископъ поднялъ изъ Москвы чудотворную икону Божіей Матери и окропилъ войско святой водой... Крестный ходъ подниметъ духъ арміи и воодушевитъ войска...

(Входитъ полковникъ Толь).

Остерманъ *(Толю)*. Еще не изволилъ прибыть баронъ Беннигсенъ... Скоро уже семь часовъ, а совѣтъ назначенъ въ четыре.

Толь. Баронъ объѣзжаетъ позиціи лѣваго крыла нашей арміи.

Ермоловъ *(насмѣшливо)*. У себя на постели послѣ сытнаго обѣда...

(Неловкое молчаніе. Толь проходитъ въ глубину, къ печкѣ. Ермоловъ подходитъ къ нему).

Ермоловъ *(тихо Толю)*. Старикъ все грѣется на солнышкѣ...

Толь. Свѣтлѣйшій съ дѣдушкой Андреемъ бесѣдуетъ... *(Прислушиваясь.)* Да вотъ и онъ идетъ.

(Тяжелой походкой, съ опущенной головой, входитъ Кутузовъ).
(Всѣ встаютъ).

Кутузовъ *(подходя къ креслу)*. Прошу садиться, господа! Беннигсенъ ѣдетъ...

Беннигсенъ *(быстро входя)*. Прошу извинить, ваша свѣтлость, съ утра не слѣзалъ съ коня... *(Здоровается небрежно съ генералами и занимаетъ мѣсто на скамьѣ по лѣвую руку Кутузова.)*

(Кутузовъ, опустивъ голову, закрывъ глаза, сидитъ, глубоко задумавшись. Молчаніе).

Беннигсенъ *(посмотрѣвъ на Кутузова, вопросительно обведя глазами генераловъ, говоритъ громко, увѣренно)*. Итакъ, я позволю себѣ господа, предложить вопросъ: выгоднѣе ли сразиться подъ стѣнами священной Москвы или оставить ее непріятелю?.. Сраженіе подъ Москвой...

Кутузовъ *(быстро поднимаетъ голову и рѣзко прерываетъ Беннигсена)*. Вопросъ вашъ, баронъ, по меньшей мѣрѣ неумѣстенъ. Положеніе слишкомъ серьезно, чтобы рѣшать его наобумъ, не соображаясь съ обстоятельствами дѣла. Участь не только арміи, Москвы, но и всей Россіи зависитъ отъ рѣшенія сего вопроса.

Беннигсенъ *(обиженно)*. Извините, князь... Я очень знаю... но я желалъ...

Кутузовъ *(горячо)*. Армія ввѣрена Государемъ мнѣ.. Прошу того не забывать...

(Молчаніе).

Кутузовъ *(спокойнѣе)*. Позиція наша на Воробьевыхъ горахъ, выбранная барономъ Беннигсеномъ, крайне невыгодна...

Беннигсенъ *(перебивая)*. Я позволю себѣ возразить...

Кутузовъ. Я не окончилъ, генералъ... Позиція никуда не годится. Многія дивизіи разобщены непроходимыми оврагами... Въ одномъ глубокомъ оврагѣ рѣчка.

Беннигсенъ. Да, но маленькая рѣчка!..

Кутузовъ *(возвышая голосъ)*. Рѣчка, прерывающая всякое сообщеніе. Позади позиціи Москва-рѣка... За ней городъ съ узкими улицами и переулками. Спуски къ восьми мостамъ такъ круты, что только пѣхота можетъ сойти по нимъ. Ежели непріятель опрокинетъ наши передовыя линіи — вся армія будетъ уничтожена до послѣдняго человѣка... Пока цѣла армія, есть надежда съ честью кончить войну. Съ потерей арміи не только Москва, — вся Россія будетъ потеряна... Въ силу сихъ соображеній я предлагаю совѣту вопросъ, ожидать ли непріятеля на выбранной позиціи или оставить Москву?..

(Глубокое молчаніе. Беннигсенъ, видимо обиженный, смотритъ на Кутузова съ насмѣшкой).

Коновницынъ. Надо итти навстрѣчу непріят...

Барклай-де-Толли *(встаетъ и нерво перебиваетъ)*. Я полагаю, что на занятой позиціи бой нельзя принять... Я самолично расположеніе нашихъ войскъ подробно осмотрѣлъ. Позиція неудобна. Ожидать на ней непріятеля опасно. Побѣдить его сомнительно. Наполеонъ большими силами располагаетъ, чѣмъ мы. Со времени Бородинскаго сраженія наши войска потерпѣли значительныя потери, особенно въ офицерахъ и генералахъ. Хотя бы намъ и удалось мѣсто сраженія удержать, мы значительный уронъ понесемъ. Съ оставшимися силами защищать обширную Москву нельзя. Ежели же мы разбиты будемъ, то все, что достанется непріятелю на мѣстѣ сраженія, будетъ имъ уничтожено при нашемъ отступленіи черезъ Москву.

Дохтуровъ. Развѣ возможно говорить еще объ отступленіи!..

Барклай-де-Толли. Конечно, потеря Москвы произведетъ тяжелое впечатлѣніе на Государя, но не будетъ для Него неожиданностью. Она не вынудитъ его заключить миръ. Рѣшительная воля Государя — съ твердостью продолжать войну. Сохранивъ Москву, Россія не избавитъ себя отъ войны, жестокой и разорительной. Сохранивъ армію, она можетъ продолжать войну. Единственное средство спасти отечество — оставить безъ боя Москву и отступить на Владимірскую дорогу, дабы сохранить сообщеніе съ Петербургомъ.

Дохтуровъ *(съ досадой)*. Легко сказать: оставить Москву!..

Остерманъ *(хладнокровно)*. А что же дѣлать по вашему мнѣнія, генералъ?

Дохтуровъ *(горячо)*. Перейти въ наступленіе и разбить непріятеля!

Остерманъ. А ежели Наполеонъ насъ разобьетъ?

Коновницынъ. Ну, это вилами на водѣ писано!..

Остерманъ. Ну, а ежели?

Дохтуровъ. Безъ риска никакая война невозможна!

Беннигсенъ. Я задаю вопросъ: хорошо ли сообразили послѣдствія, которыя повлечетъ за собою оставленіе Москвы, древней столицы имперіи. Какія потери казна и множество частныхъ лицъ понесутъ?.. *(Съ возрастающимъ пафосомъ.)* Подумали ли, что будутъ гоорить крестьяне, общество, весь народъ!..

Дохтуровъ. Всѣхъ охватитъ ужасъ и уныніе!..

(Кутузовъ сидитъ съ опущенной головой, закрывъ глаза, какъ бы дремлетъ).

Беннигсенъ *(съ пафосомъ)*. Подумали ли о стыдѣ оставить непріятелю древнюю, священную столицу безъ выстрѣла!?.

Дохтуровъ. Ужасно, невыносимо стыдно!..

Беннигсенъ. Я спрашиваю, какое произведетъ сіе впечатлѣніе на иностранные дворы?.. и вообще въ чужихъ краяхъ?.. Должно же наше отступленіе имѣть границы!.. *(Смотритъ съ насмѣшкой на дремлющаго Кутузова.)* И потомъ я не вижу поводовъ думать, что мы непремѣнно разбиты будемъ... Сіе ничѣмъ не доказано, и судить о томъ преждевременно.

Ермоловъ *(сурово бурчитъ)*. А когда разобьютъ, будетъ уже поздно!

Беннигсенъ *(съ пафосомъ)*. Я думаю, мы остались такими же русскими, которые всегда дрались съ примѣрной храбростью!..

Ермоловъ *(про себя)*. Ты-то, навѣрно, остался нѣмцемъ!..

Беннигсенъ. Ежели мы въ сраженіи двадцать шестого августа понесли большія потери, то неменьшія понесъ и непріятель. Ежели наша армія разстроена послѣ Бородина, то непріятельскія войска порѣдѣли и разстроены.

Дохтуровъ. Послѣ Бородина они нескоро оправятся!.. Хорошую баню имъ задали!.. Будутъ помнить...

Остерманъ *(отчеканивая каждое слово)*. Можно рѣшиться на защиту Москвы, ежели вы, графъ, поручитесь, что мы одержимъ побѣду на выбранной вами позиціи.

Беннигсенъ *(раздраженно)*. Отъ одного человѣка того невозможно требовать. Побѣда зависитъ отъ храбрости солдатъ и умѣнья генераловъ, графъ.

Дохтуровъ. Совершенно правильно!

Адъютантъ *(входя докладываетъ)*. Отъ генерала Винцингероде донесеніе къ вашей свѣтлости. *(Подаетъ пакетъ Кутузову.)*

Кутузовъ *(разрывая пакетъ)*. Подать свѣчей!

(Денщикъ приноситъ двѣ свѣчи, ставитъ на столъ передъ Кутузовымъ и уходитъ. Кутузовъ читаетъ. Напряженное молчаніе).

Кутузовъ *(со сдержаннымъ волненіемъ)*. Я получилъ донесеніе, что непріятльскіе корпуса идутъ въ обходъ нашихъ фланговъ. Сообщеніе весьма важное.

Беннигсенъ *(торопливо и тревожно)*. О да, очень важное... Въ виду сего я предлагаю перевести всѣ войска на лѣвое крыло и двинуться навстрѣчу непріятелю.

Дохтуровъ *(горячо)*. Мы разобьемъ его теперь на-голову.

Барклай-де-Толли. Непріятель можетъ ударить на насъ прежде, нежели мы успѣемъ размѣстить войска на новыхъ позиціяхъ.

Беннигсенъ. Но диспозиція не такъ трудна, какъ вамъ кажется.

Барклай-де-Толли *(горячо)*. Наша армія, по храбрости, ей сродной, можетъ сражаться въ какой угодно позиціи, и отразить сильнаго непріятеля, но не можетъ исполнять движенія въ виду непріятеля.

Кутузовъ *(насмѣшливо)*. У насъ уже были примѣры... Мы до сихъ поръ помнимъ Фридландъ.

Беннигсенъ *(злобно)*. Фридландъ!.. Фридландъ былъ неправильный бой... Противъ тактитки...

Ермоловъ. Колотятъ всегда противъ тактики.

Барклай-де-Толли. Русскіе не въ состояніи исполнить движенія въ виду непріятеля.

Дохтуровъ *(задорно)*. Съ русскими солдатами все возможно!.. Суворовъ и не то дѣлалъ...

Коновницынъ. Мы должны перейти въ наступленіе во что бы-то ни стало. Армія разстроена болѣе бѣздѣйствіемъ, чѣмъ Бородинскимъ сраженіемъ. Я подаю мой голосъ за наступательное движеніе...

Дохтуровъ *(пылко)*. Мы обязаны передъ Государемъ и Родиной защищать Москву. Успѣхъ боя зависитъ не отъ позиціи, а отъ духа войскъ. Только русскому человѣку понятно, что онъ теряетъ съ потерей Москвы.

Раевскій *(входя)*. Прошу простить, ваша свѣтлость, я былъ въ арьергардѣ и только сейчасъ устроилъ войска.

Кутузовъ *(апатично)*. Я усталъ... Ермоловъ, будь добръ, передай генералу Раевскому, что мы здѣсь говорили...

Раевскій *(беря Ермолова подъ руку)*. Отойдемъ къ сторонкѣ, чтобы имъ не мѣшать... *(Отходятъ къ печкѣ и тихо бесѣдуютъ.)*

Кутузовъ *(Уварову)*. А ваше мнѣніе, генералъ?

Уваровъ. Я раздѣляю мнѣніе военнаго министра.

Кутузовъ *(Раевскому)*. А ты, что скажешь, Раевскій?

Раевскій *(подумавъ)*. Мое мнѣніе — оставить Москву безъ боя... «Россія не въ Москвѣ, среди сыновъ она!»

Кутузовъ *(Ермолову)*. А ты, Ермоловъ, не проронилъ ни слова?

Ермоловъ. Я бы атаковалъ непріятеля.!

Дохтуровъ *(про себя)*. Иного мнѣнія не можетъ быть у человѣка, любящаго свою Родину.

Кутузовъ *(внезапно вспыливъ)*. Ты говоришь, Ермоловъ, потому что не на тебѣ лежитъ отвѣтственность за цѣлость арміи и за исходъ войны.

(Неловкое продолжительное молчаніе).

Кутузовъ *(глубоко взволнованный)*. Съ потерею Москвы не потеряна еще Россія... Первой обязанностью поставляю себѣ сохранить армію и сблизиться съ тѣми войсками, которыя идутъ къ ней на подкрѣпленіе... Самымъ уступленіемъ Москвы приготовлю неизбѣжную гибель непріятелю... Посему я намѣренъ, пройдя Москву, отступить по Рязанской дорогѣ... Знаю, вся отвѣтственность обрушится на мою сѣдую голову, но я жертвую собой для блага Отечества... *(Помолчавъ, встаетъ и говоритъ твердо.)* Приказываю отступать!

(Тяжелое молчаніе. Дохтуровъ быстро встаетъ, спѣшно кланяется и уходитъ, раздосадованный; за нимъ, озабоченные, угрюмые опустивъ глаза въ землю, уходятъ всѣ остальные. Кутузовъ опускается въ кресло. Кайсаровъ стоитъ въ глубинѣ).

Кутузовъ *(внезапно всхлипывая)*. Что дѣлаемъ! Боже мой, что дѣлаемъ!.. Подумать страшно! Москву французамъ покидаемъ!.. *(Кладетъ голову на столъ и громко рыдаетъ)*.

Пожаръ Москвы.

Изъ «Пожара Москвы» Е. Карпова.

Дѣйствующія лица:

Наполеонъ.
Лелорнь.
Сегюръ.
Таня Бахтина.
Два гвардейца.

Наполеонъ стоитъ у большого стола и сосредоточенно разсматриваетъ карту Россіи; размышляя, накалываетъ булавки съ разнозвѣтными головками.

Наполеонъ *(бросая съ нервнымъ раздраженіемъ булавки)*. Голова не работаетъ... Ничего не могу соображать... *(Ходитъ по комнатѣ.)*

Мною овладѣваетъ бѣшенство... Москва не существуетъ... Пропала награда, которую я обѣщалъ моей храброй арміи... *(Вздрагиваетъ, снова начинаетъ тревожно ходить по комнатѣ, останавливается, нюхаетъ табакъ, затѣмъ стремительно подходитъ къ окну и стоитъ въ амбразурѣ его, скрестивъ на груди руки.)* Горитъ весь городъ... Море огня... Какое ужасное зрѣлище!.. Сколько прекрасныхъ зданій!.. Они жгутъ сами то, что создали столѣтіями сорокъ поколѣній... Скиѳы! *(Помолчавъ, говоритъ въ раздумьи.)* Пожаръ Москвы предвѣщаетъ намъ великія бѣдствія!.. *(Задумывается)*.

Лелорнь *(осторожно входя)*. Приказали явиться, ваше величество?

Наполеонъ *(вздрагивая)*. Кто здѣсь?

Лелорнь. Секретарь Лелорнь, государь.

Наполеонъ *(не оборачиваясь грубо)*. Можете итти, приказовъ сегодня не будетъ.

(Лелорнь направляется къ двери).

Наполеонъ. Графъ Сегюръ здѣсь?

Лелорнь. Графъ Сегюръ въ пріемной, государь.

Наполеонъ. Попросите графа ко мнѣ.

Лелорнь *(уходя)*. Слушаю, ваше величество!

Лелорнь уходитъ, Наполеонъ, бормоча про себя, начинаетъ снова ходить по комнатѣ.

Наполеонъ. Пожаръ Москвы разбилъ мои планы... Войска утомлены быстрыми походами... Они лишены крова, нуждаются въ продовольствіи и одеждѣ... Все, что я добылъ такими невѣроятными усиліями, все уничтожено въ одну ночь... Что за народъ!.. Ни покорности, ни страха!.. Я побѣжденъ варварами...

(Входитъ Сегюръ).

Наполеонъ *(привѣтливо)*. Добрый день, графъ!

Сегюръ. Какъ изволили провести ночь, государь?

Наполеонъ. Я плохо спалъ... Меня все еще безпокоитъ насморкъ. Голова тяжела... *(Понюхавъ табаку.)* На дняхъ я думаю сдѣлать смотръ войскамъ... Москву надо оставить... Я пойду на Кутузова и разгромлю его... Я уже составилъ планъ движенія на Петербургъ. Кутузовъ, старая лисица, теперь не уйдетъ отъ меня... Чѣмъ поспѣшнѣе мы двинемся, тѣмъ лучше...

Сегюръ *(осторожно)*. Войска утомлены, гсосударь, имъ необходимъ отдыхъ... Надо излечить раненыхъ...

Наполеонъ *(перебивая Сегюра)*. Лишь только я покажусь передъ войскомъ, — оно будетъ бодро... Въ Москвѣ оставаться нельзя... Продовольствіе погибло въ пламени вмѣстѣ съ домами... Бѣздѣйствіе развратитъ солдатъ... Я поведу ихъ къ новымъ побѣдамъ... *(Въ бѣшенствѣ.)* Я удобрю русскія поля русской кровью, я не забуду имъ пожара Москвы... *(Пройдясь.)* Если маршалы откажутся итти, я надѣлаю сотни новыхъ маршаловъ, но я поведу въ Петербургъ мою армію.

Сегюръ. Но... какъ оставить Москву, государь?

Наполеонъ. Москва въ военномъ отношеніи ничего не стоитъ... Москва—не военная позиція... Никогда не слѣдуетъ отступать... Надо упорно итти впередъ... Я иду на Петербургъ... Я привлеку на свою сторону народъ, дамъ ему свободныя учрежденія...Я заставлю русскій народъ благословлять меня и Францію... Европа хочетъ видѣть во мнѣ только генерала, но я—императоръ!.

Сегюръ. Ваше правленіе блистательно это доказало, государь!

Наполеонъ *(внезапно впадая въ отчаяніе)*. Да, графъ, но все можетъ погибнуть отъ одной проигранной кампаніи... Идя въ походъ на Россію, я все предусмотрѣлъ, все разсчиталъ. Но я никакъ не могъ, чортъ побери, предвидѣть пожаръ Москвы... Русскіе — варвары, они поражаютъ меня своею рѣшимостью, но я глубоко убѣжденъ, что Императоръ Александръ, узнавъ о занятіи мной Москвы, заключитъ миръ.

Сегюръ. Сожженіе Москвы русскими даетъ поводъ сомнѣваться въ томъ, государь.

Наполеонъ *(перебивая)*. Сожженіе Москвы — дѣло безумца, графа Растопчина. Онъ—новый Геростратъ... Императоръ Александръ не знаетъ о поджогѣ столицы... Если черезъ два дня они не попросятъ мира, я двинусь въ Петербургъ... Впрочемъ, до того не дойдетъ! Императоръ Александръ не доведетъ меня до новаго кровопролитія. Мы войдемъ съ нимъ въ соглашеніе, и онъ подпишетъ миръ. Прошу васъ, графъ, узнайте сейчасъ же у Мюрата о позиціи русскихъ и сообщите мнѣ.

Сегюръ *(кланяясь)*. Слушаю, государь. *(Уходитъ.)*

Наполеонъ *(одинъ.)* Чего я такъ волнуюсь?.. На дняхъ я получу просьбу о мирѣ и уйду съ тріумфомъ въ Парижъ... Можно ходить далеко, но не слѣдуетъ долго оставаться внѣ дома. Парижъ призываетъ меня сильнѣе, чѣмъ манитъ Петербургъ... Чѣмъ скорѣе все кончится, тѣмъ лучше!

(Подходитъ къ окну и снова задумывается, потомъ звонитъ и, заложивъ руки назадъ, ходитъ по комнатѣ).

(Лелорнь входитъ).

Наполеонъ. Пусть приведутъ ко мнѣ женщину, бросившуюся вчера на меня... я самъ допрошу ее.

Лелорнь. Вы сами, государь?

Наполеонъ. Да, я хочу ее видѣть.

Лелорнь. Но, ваше величество!..

Наполеонъ *(грубо)*. Я такъ хочу!

Лелорнь кланяется и уходитъ. Наполеонъ быстрыми шагами ходитъ по комнатѣ, потомъ останавливается у стола. Входитъ Таня и два гвардейца, которые остаются стоять у дверей. Таня дѣлаетъ два шага, поднимаетъ голову и, увидавъ Наполеона, останавливается и смотритъ ему въ глаза.

Наполеонъ *(помолчавъ)*. Ваше имя — Татьяна Бахтина?

Таня *(удивленно)*. Да.

Наполеонъ. Вы дворянка?

Таня *(твердо)*. Да.

Наполеонъ. Вы остались въ Москвѣ, замысливъ совершить на меня покушеніе?

Таня. Нѣтъ.

Наполеонъ. Почему вы остались въ Москвѣ?

Таня. Я ухаживаю за ранеными, помѣщенными въ нашемъ домѣ.

Наполеонъ *(грубо)*. Вы лжете!

(Таня молча смѣриваетъ его взглядомъ).

Наполеонъ. При арестѣ у васъ былъ отобранъ заряженный пистолетъ.

Таня. Я взяла его, чтобъ защищаться.

Наполеонъ. Новая ложь!.. Не скрывайте ничего, скажите, что побудило васъ совершить злодѣяніе?

(Таня молчитъ, но въ ней, видимо, растетъ душевное волненіе).

Наполеонъ. Я васъ спрашиваю... Не бойтесь! Говорите все откровенно.

Т а н я. Я не боюсь.

Н а п о л е о н ъ. Васъ заставили убить меня!?.. подговорили?.. Скажите правду, сообщите мнѣ имена вашихъ сообщниковъ!.. Я облегчу вашу участь!..

Т а н я *(вдохновенно)*. Мой сообщникъ — весь русскій народъ!.. Мнѣ не нужно твоей милости!.. Я ненавижу тебя всей душой за то, что ты сдѣлалъ Россіи!..

Н а п о л е о н ъ. Я хотѣлъ мира, меня принудили къ войнѣ...

Т а н я *(все болѣе волнуясь)*. Ты залилъ Россію кровью, опустошилъ ея поля, сжегъ деревни и села!..

Н а п о л е о н ъ. Русскіе сами жгутъ города и села!..

Т а н я *(перебивая)*. Какъ Божій бичъ, ты съ пожаромъ и мечомъ прошелъ по всей Россіи, усѣялъ ее трупами!.. Слезы, вопли и проклятія провожаютъ и встрѣчаютъ тебя!.. Гдѣ ступитъ твоя нога, — тамъ все гибнетъ, все обращается въ прахъ!..

Н а п о л е о н ъ *(насмѣшливо улыбаясь)*. Ты набила себѣ голову пустяками, милая...

Т а н я *(въ экстазѣ)*. Ты самъ просилъ сказать тебѣ всю правду! Такъ слушай же!.. Все ты попралъ... все пренебрегъ... И Божескіе, и человѣческіе законы... Но милосредію Божьему насталъ конецъ!.. *(Показывая рукой въ окно.)* Взгляни въ окно: горитъ Москва со всѣхъ концовъ... Въ ея дыму и пламени погибнетъ твоя слава!

(Наполеонъ невольно вздрагиваетъ, пристально смотря на Таню).

Т а н я *(все также)*. Горитъ Москва, и съ нею горитъ все, что ты добылъ цѣною крови, грабежа и насилья... Все бросилъ въ огонь русскій народъ: дома, имущество, все достояніе свое... но не отдастъ тебѣ своей свободы... Твои солдаты нападаютъ на беззащитныхъ, оскверняютъ святыни, грабятъ и убиваютъ людей, лишенныхъ пристанища... Имъ мало крови, что ты ихъ заставилъ пролить на поляхъ всего міра... Ты отдалъ на разграбленіе Москву, и вмѣстѣ съ дымомъ пожара къ небу летятъ стоны женъ и матерей... Но и ты до конца испьешь чашу!.. Въ мукахъ ты будешь умирать, проклиная часъ, въ который родился!

Н а п о л е о н ъ. Уведите ее!.. Она сошла съ ума!..

Т а н я. Будь проклятъ ты, кровожадный звѣрь, не знающій жалости!

Н а п о л е о н ъ. Солдаты, возьмите ее!

Т а н я. Я не боюсь смерти!.. Я готова на все!.. Вели казнить меня!..

(Солдаты берутъ Таню за руки и ведутъ къ двери).

Т а н я. Умирая, ты будешь видѣть пожаръ Москвы!.. Стоны матерей отравятъ тебѣ послѣдній вздохъ!..

(Солдаты уводятъ Таню).

Н а п о л е о н ъ *(сумрачно)*. Она безмуная!.. *(Опускаясь въ кресло.)* Безумная!..

Отставной солдатъ.

СОЛДАТЪ.

Нѣтъ, не звѣзда мнѣ изъ лѣсу свѣтила:
Какъ звѣздочка, манилъ меня часъ цѣлый
Огонь вашъ, братцы! Кашицу себѣ
Для ужина варите? Хлѣбъ да соль!

ПАСТУХИ.

Спасибо, служба! Хлѣба кушать.

СОЛДАТЪ.

Быть такъ.
Благодарю васъ. Я усталъ порядкомъ!
Ну, костыли мои, вамъ роздыхъ! Рядомъ
Я на траву васъ положу и подлѣ
Присяду самъ. Да, верстъ пятнадцать
Ушелъ я въ вечеръ.

ПЕРВЫЙ ПАСТУХЪ.

А идешь откуда?

СОЛДАТЪ.

А изъ Литвы, изъ виленской больницы.
Вотъ какъ изъ матушки Россіи ладно
Мы выгнали гостей незваныхъ, я
На первой пограничной перестрѣлкѣ,
Бѣда такая, безъ ноги остался!
Товарищи меня стащили въ Вильну;
Съ годъ лѣкаря и тѣмъ и семъ лѣчили
И вотъ какимъ, злодѣи, отпустили.
Теперь на костыляхъ бреду кой-какъ
На родину, за Курскъ, къ женѣ и сестрамъ.

ВТОРОЙ ПАСТУХЪ.

На—руку; обопрись! Да не сюда,
А на тулупъ раскинутый ложись!

СОЛДАТЪ.

Спасибо, другъ! Господь тебѣ заплатитъ.
Ахъ, братцы, что за рай земной у васъ
Подъ Курскомъ! Въ этотъ вечеръ словно чудомъ
Помолодѣлъ я, вволю надышавшись
Тепломъ и запахомъ цѣлебнымъ! Любо,
Легко мнѣ въ воздухѣ родномъ, какъ рыбкѣ
Въ рѣкѣ студеной! Въ царствахъ многихъ былъ я!
Попробовалъ вездѣ весны и лѣта!
Въ иныхъ краяхъ земля благоухаетъ,
Какъ въ свѣтлый праздникъ ручка генеральши,
И дорого и чудно, да не мило,
Не такъ, какъ тутъ! Здѣсь цѣлымъ тѣломъ дышишь,
Здѣсь всѣ суставчики въ себя впиваютъ
Простой, но сладкій, теплый воздухъ; словомъ,
И спать не хочется! Игралъ бы все
До солнышка въ дѣвичьемъ хороводѣ.

ТРЕТІЙ ПАСТУХЪ.

И мы бъ, землякъ, играть не отказались,
Да, вишь, нельзя! Село далеко; стадо жъ
Покинуть безъ присмотра, положившись
Лишь на собакъ, опасно, самъ ты знаешь.
Какъ быть! Но вотъ и кашица поспѣла;
Перекрестяся, примемся за ужинъ,

А послѣ, если къ сну тебя не клонитъ,
То разскажи намъ (говоришь ты складно)
Про старое свое житье-бытье:
Я, чай, вездѣ бывалъ ты, все видалъ —
И домовыхъ, и водяныхъ, и лѣшихъ,
И маленькихъ людей, живущихъ тамъ,
Гдѣ край земли сошелся съ краемъ неба,
Гдѣ можно въ облако любое вбить
Крючокъ иль гвоздь и свой кафтанъ повѣсить.

СОЛДАТЪ.

Вздоръ мелешь, малый! уши вянутъ! Полно!
Старухи врутъ вамъ, грѣясь на печи,
А вы имъ вѣрите! Какіе черти
Крещеному солдату захотятъ
Представиться! Да нынѣ жъ человѣкъ
Лукавѣй бѣса. Нѣтъ, другое чудо
Я видѣлъ и не въ ночь до пѣтуховъ,
Но днемъ оно предъ нами совершилось!
Вы слышали ль, какъ заступился Богъ
За Православную Держáву нашу,
Какъ сжалился Онъ надъ Москвой горящей,
Надъ бѣдною землею, не посѣвомъ,
А вражьими ватагами покрытой;
И раннюю зиму послалъ намъ въ помощь,
Зиму съ морозами, какіе только
Въ Николинъ день да около Крещенья
Трещатъ и за щеки, и уши щиплютъ?
Свѣжо намъ стало, а французамъ туго!
И жалко, и смѣшно ихъ даже вспомнить!
Окутались отъ стужи, чѣмъ могли:
Кто шитой душегрѣйкой, кто лохмотьемъ,
Кто ризою поповской, кто рогожей;
Убрались всѣ, какъ святочныя хари,
И ну—бѣжать скорѣе изъ Москвы!
Недалеко ушли же: по дорогѣ
Морозъ схватилъ ихъ и заставилъ ждать
Дня суднаго на мѣстѣ преступленья —
У Божьей церкви, ими оскверненной,
Въ разграбленномъ амбарѣ у села,
Сожженнаго ихъ буйствомъ! Мы, бывало,
Окончивъ трудный переходъ, сидимъ,
Какъ здѣсь, вокругъ огня и варимъ щи,
А около лежатъ, какъ это стадо,
Замерзлые французы. Какъ лежатъ!
Когда бъ не лица ихъ и не молчанье,
Подумалъ бы, живые на бивакѣ
Комедію ломаютъ. Тотъ уткнулся
Въ костеръ горящій головой; тотъ лошадь
Взвалилъ, какъ шубу, на себя; другой
Ея копыто гложетъ; тѣ жъ, какъ братья,
Обнялись крѣпко и другъ въ друга зубы
Вонзили, какъ враги!

ПАСТУХИ.

Ухъ, страшно, страшно!

СОЛДАТЪ.

А между тѣмъ курьерскій колокольчикъ,
Вотъ какъ теперь, и тамъ гремитъ, и тамъ
Прозвякнетъ на морозѣ: отовсюду
Везутъ извѣстья о побѣдахъ въ Питеръ
И въ обгорѣлую Москву.

І-й ПАСТУХЪ.

Э, братцы,
Смотрите, вотъ и къ намъ телѣжка скачетъ,
И офицеръ про что-то ямщику
Кричитъ; ямщикъ ужъ держитъ лошадей:
Не спросятъ ли о чемъ насъ?

СОЛДАТЪ.

Помоги
Мнѣ встать; солдату вытянуться надо...

ОФИЦЕРЪ (подъѣхавъ).

Огня, ребята, закурить мнѣ трубку!

СОЛДАТЪ.

Въ минуту, ваше благородье!

ОФИЦЕРЪ.

Ба!
Товарищъ, ты какъ здѣсь?

СОЛДАТЪ.

Къ женѣ и сестрамъ
Домой тащуся, ваше благородье,
За рану въ чистую уволенъ.

ОФИЦЕРЪ.

Съ Богомъ!
Снеси жъ къ своимъ хорошее извѣстье:
Мы кончили войну въ столицѣ вражьей;
Въ Парижѣ русскіе отмстили честно
Пожаръ московскій. Ну, прости, товарищъ!

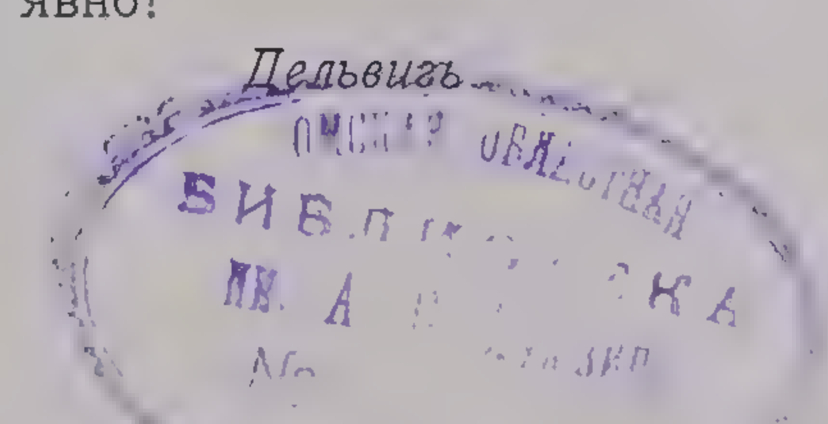
СОЛДАТЪ.

Прощенья просимъ, ваше благородье!

ОФИЦЕРЪ (уѣзжаетъ).

Благословеніе Господне съ нами
Отнынѣ и вовѣки буди! Вотъ какъ
Господь утѣшилъ матушку Россію!
Молитесь, братцы! Божьи чудеса
Не совершаются ль предъ нами явно!

Дельвигъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

